

АКОНИТ

WEIRD FICTION • GOTHIC FICTION • LOVECRAFTIAN HORROR • VISIONARY • MACABRE • DECADENCE

ЦИКЛ 1 • ОБОРОТ 2 • МАЙ

АНДРЕЙ БОРОДИН • ВАСИЛИЙ СПРИНСКИЙ • АЛЕКСЕЙ ЖАРКОВ • ДМИТРИЙ КОСТЮКЕВИЧ • АНДРЕЙ ПЛОТНИК
ЭЛИАС ЭРДЛУНГ • АЛЕКСЕЙ ЛОТЕРМАН • СЕРГЕЙ ЧЕРНОВ • ДАРЬЯ ЛЕДНЕВА • РОМАН ДРЕМИЧЕВ

АКОНИТ

WEIRD FICTION • GOTHIC FICTION • LOVECRAFTIAN HORROR • VISIONARY • MACABRE • DECADENCE

ЦИКЛ 1 ◆ ОБОРОТ 2 ◆ МАЙ

Редакция

Главный редактор	
Андрей Бородин	
Редактор	
Василий Спринский	
Литературные редакторы	
Ольга Абложная	
Илья Бузлов	
Виктория Рихтер	
Литературный консультант	
Василий Спринский	
Иллюстрация на обложке	
Катерина Бренчугина	
Дизайн обложки	
Катерина Бренчугина	
Внутренние иллюстрации	
Катерина Бренчугина	
Внутренний дизайн	
Катерина Бренчугина	
Андрей Бородин	
Вёрстка	
Андрей Бородин	

Контакты

Группа VK	
https://vk.com/conitum_zine	
E-mail	
aconitum_zine@mail.ru	

Содержание

Слово редактора	2
Василий Спринский	
То, что приходит на зов	3
Сергей Чернов	
История без имени	39
Роман Дремичев	
Озеро тумана	42
Алексей Жарков	
Злые вещи	48
Алексей Лотерман	
Из глубин Лох-Несса	54
Элиас Эрдлунг	
Подкидные младенцы	70
Дмитрий Костюкевич	
Рыба, способная проглотить лодку	77
Дарья Леднева	
Коровы ели туман	86
Андрей Плотник	
На дне Лакмериса	113
Андрей Бородин	
Среди ветвей	118
Кларк Эштон Смит	
Лицо у реки	
(перевод с английского: Андрей Бородин)	121
Эрик Шеллер	
От Мейчена до Вандермеера:	
химерический пейзаж как воплощение Зла	
(перевод с английского: Андрей Бородин, Илья Бузлов)	127
Требования к присылаемым рукописям	139

© Издательский дом Boroff & Co, Новосибирск, 2018. Все права защищены.
Высшими силами.

16+

Слово редактора

Вечеря Белтейна вновь расцвёл аконит. Фавны и нимфы водили вокруг него хороводы, а ведьмы, летящие на шабаш, останавливались, чтоб вдохнуть в себя его чарующий ночной аромат. Прошло некоторое время, и он напитался влагой, принесённой первыми майскими грозами, а его лепестки вобрали в себя чистый свет весенних звёзд...

И вот перед тобой, дорогой читатель, второй номер нашего журнала.

На сей раз будь готов услышать истории о водах.

От начала тех немыслимо далёких эонов, когда Апсу и Тиамат мешали свои воды, водная стихия занимает главенствующее место в жизни всего живого. Собственно, без воды наша жизнь вовсе была бы невозможна; да и конец свой она довольно часто обретает в ней же.

Какие образы возникают в голове первым делом, если речь заходит о водах?

Пожалуй, это моря и океаны, чьи глубины до сих пор не исследованы до конца. Что за тайны скрывают они в себе? Возможно, там таятся непостижимые создания, несущие гибель всему, что вторгается в их царство. Или же они хранят в себе тени тех, кто уходит на зов волн — чтобы однажды выпустить их из своих глубин вместе с туманом. Несть числа и поверьям мореходов, передающихся из поколения в поколение, особенно тем, что связаны с окончанием земного пути.

Младшие братья морей и океанов — озёра. Не меньшей тайной окутаны и они. Не стоит и говорить об огромном числе всевозможных озёрных чудовищ, так напоминающих реликты древних эпох. Но порой то, что таится в глуби-

нах озёр, отличается иными, не поддающимися представлению формами. Особенно, если озеро находится в безраздельной власти сил зла.

Ещё больший ореол загадочности имеют болота и топи. В обычных земных топях нередки случаи встречи с созданиями, являющимися неотъемлемой частью народной демонологии и фольклора. А если речь заходит о топях, расположенных в ином мире? Что может ожидать неосторожного путника там?

Питьевая вода, заключённая в сосуд, теряет свой грозный и губительный нрав. Но даже она в определённых случаях способна нести гибель беспечным и капризным людям.

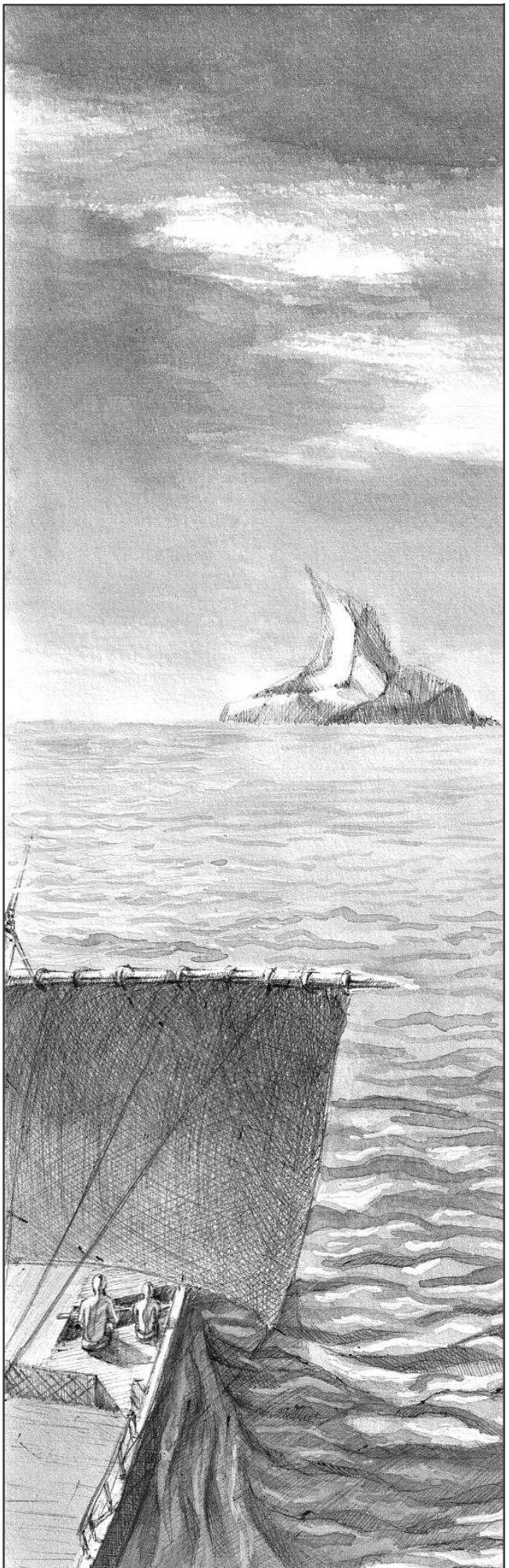
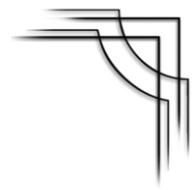
Лишь тихие лесные ручьи не таят в себе никакой опасности. Но что, если пришедшего на их полные умиротворения берега подхватят воды памяти, чтобы незаметно унести в пучину забвения?..

Погрузись в чтение страниц нашего журнала, словно в воды, и постигни пугающие и странные тайны морей и океанов, озёр, болот и всех иных вод, какие только существуют в этом мире.

Помимо наших современников и соотечественников, свою историю, связанную с водами, расскажет признанный классик жанра. А в статье зарубежного современника, первую половину которой мы представляем в этом номере, ты, читатель, сможешь проследить эволюцию химерического пейзажа, воплощающего в себе зло в произведениях тех или иных авторов.

Воды ведь тоже часть пейзажа, не так ли?

Андрей Бородин
главный редактор

Василий Спринский

То, что приходит на зов

Глава 1. Остров

Солнце неспешно закатывалось за горизонт. На море царил полный штиль. Еле заметные холмики волн от вёсел уходящей галеры, не в силах рассыпаться белыми брызгами, лениво обтекали прибрежные камни Клыка Теней.

Торчащая из моря узкая, слегка изогнутая скала действительно походила на зуб морского чудовища. Тело её, изглоданное буйными ветрами и океанским прибоем, пронизывали бесчисленные пещеры и гроты, ведущие к подземным озёрам и бездонным колодцам, из которых тянуло невыносимым смрадом.

Остров служил тюрьмой и по совместительству местом казни для особо отличившихся разбойников, убийц и грабителей священных усыпальниц жрецов Сета и Харст-Гу

Ахеронская военная галера, удаляющаяся от острова, только что освободилась от очередного груза человеческих отбросов. Два десятка преступивших закон бывших людей выбрались из воды на каменистый берег. Бывших, ибо перед тем, как, подгоняемые ударами пик, они покинули галеру, жрец Сета объявил последнюю волю жестокого бога о вычёркивании их имён из Книги Вечности, отказывая им в спокойной загробной жизни. Отныне их бессмертные души отходили во власть древних демонов, испокон веков владеющих Клыком Теней.

Клык спокойно и безучастно принял очередную порцию осуждённых, как и много раз до этого. Галера быстро уходила прочь от острова, оглашае-

мого бранью людьми, взбиравшимися на его камни.

Некоторые из них объединялись в группы, другие предпочитали искать подходящее убежище в одиночку. Отсутствие какой-либо видимой опасности вселяло некоторую уверенность.

Постепенно люди разбрелись по всему Клыку. На берегу осталось три человека — двое смуглокожих уроженцев Южного Ахерона и толстый стигиец. Братья-разбойники ещё до отплытия договорились немедленно после высадки убираться вплавь с проклятого острова. Похоже, их ничуть не пугали акулы, в изобилии водившиеся в здешних тёплых водах. Во всяком случае, они предпочитали честную гибель в сражении со вполне реальными морскими хищниками, чем принять её от неведомого ужаса, обитавшего в тёмных пещерах проклятого острова.

Третий человек, жирный стигиец Шетавос, вполне разделял их мнение, однако вовсе не спешил к ним присоединяться. Чародейские занятия, коим он посвятил свою жизнь, не слишком способствовали развитию прочих его способностей. Благодаря своей толщине, он, конечно, мог легко держаться на воде, но трезво расценивая свои шансы при встрече даже с маленькой акулой, стигиец благоразумно решил остаться на острове, надеясь убраться отсюда каким-нибудь менее опасным способом. По крайней мере, он был лучше других осведомлён об опасностях, подстерегающих его здесь.

Братья тем временем, не задерживаясь, скользнули обратно в воду. Нужно было поторопливаться, чтобы ночь не застала их в море. Пожелав им счастливого пути, Шетавос, оставшись в одиночестве, занялся устройством собственной дальнейшей жизни здесь.

Удалившись в тень, отбрасываемую высокой скалой, он устроился на большом плоском камне и, прикрыв глаза, принял прощупывать остров внутренним взором, стараясь ощутить присутствие чуждых, нечеловеческих существ.

Почти тотчас же он убедился в правоте слухов и древних записей в пыльных, рассыпающихся от ветхости свитках. На острове в самом деле таилась некая чудовищная сила.

Внутреннее зрение в поиске неведомого вело Шетавоса вглубь древней скалы, на десятки и сотни футов вниз, под океанское дно. Там простирался огромный лабиринт пещер, колодцев и трещин; лабиринт, который, однако, не соприкасался с морем. И в этом лабиринте находилось что-то неприятно-живое. Шетавос уловил медленное движение некоей бесформенной массы, поднимавшейся из пещерных глубин к поверхности.

Толстый чародей медленно и осторожно коснулся сознания неведомой твари. Опасаясь непредсказуемой реакции, он не спешил проникать в её разум — или то, что могло так называться. Однако тварь не выказывала никаких попыток сопротивления, совершенно не реагируя на попытки чародея исследовать её суть. Это не выглядело притворством — Шетавос обладал достаточным опытом исследования и подчинения других живых существ, чтобы понимать поведение и чувства данного неведомого сознания. Тварь была алчной, голодной и чуждой земному миру, но в отличие от полуразумных и вполне разумных демонов не отличалась излишним коварством. За её простейшими инстинктами не таилось ни тени рассудочной деятельности — всего лишь желание питаться, направляя своё

движение в сторону появившейся свежей порции живой еды.

Потусторонняя сущность неведомой твари не мешала чародею исследовать её небогатый внутренний мир. По сути, в этом она ничем не отличалась от любой другой живой сущности, неважно, земной или потусторонней. Желание пытаться, стараясь продлить своё существование, было единственным заметным видом её сознательной деятельности. В остальном же разум твари не отличался от разума какой-нибудь жабы или червя, хотя сама она не имела с ними ничего общего.

Убедившись в безопасности налаженного контакта, Шетавос проник в сознание твари, сплетя свой разум с внутренним миром неведомого создания.

Зрение его раздвоилось. Глаза твари на какое-то время стали его глазами. Уставившись невидящим взором полуприкрытых глаз на простирающуюся перед ним морскую гладь, практически не различая ни вод, ни неба, он в то же время отчётливо видел, как чудовище поднимается по каменным лабиринтам к поверхности небольшого озерца в одной из пещер острова.

Затем началось страшное.

Слухи и древние предания в который раз оказались правдивыми. Чудовище охотилось за людьми.

Шетавос почувствовал, как оно покинуло подземное озеро, не всколовыхнув его поверхности, и, поднявшись над ней, неспешно двинулось по извилистым скальным туннелям, влекомое запахом мыслей людей, искающих убежища там, где этого ни в коем случае не следовало делать.

Но кто из них мог об этом знать?

В одной из широких, разветвляющихся пещер чудовище разделилось

на пять самостоятельных частей, чуть не сведя при этом с ума Шетавоса, продолжавшего пребывать в сознании неведомой твари.

Пять бесформенных клубков теней, пять плывущих разрозненно, но в то же единых узлов сознания, в котором неведомым образом продолжал оставаться и фрагмент разума самого Шетавоса, двинулись к своим жертвам.

Чародей видел, как один из таких клубков тихо вплыл в светлую пещеру, где находились четверо изгнанников, незаметно расплывшись под её сводом, а затем обрушился вниз, накрыв собой всех четырех.

Гибкие корни тьмы вцепились в людей, заползая в носы, рты и уши, растворяя глаза, стремясь поскорее добраться до самого лакомого — мозга.

Люди даже не успели понять, что произошло, а жуткое создание уже почти растворило их. Лишь лёгкие конвульсивные подёргивания тел в глубине хищной массы свидетельствовали о том, что ещё несколько мгновений назад эти бесформенные комки плоти были живыми. Тьма активно поглощала их, не оставляя ничего — ни одежды, ни металлических пряжек. В пищу шло всё.

Та же самая картина повторялась в четырёх других пещерах, где точно так же укрывались злосчастные люди. Никто из них не успел даже вскрикнуть, будучи моментально опутанным и задушеным ужасными щупальцами тьмы.

За какие-то полчаса с трапезой было покончено. Две дюжины человек исчезли, словно и никогда не существовали на свете. Не осталось даже тонкого золотистого сияния освободившейся от тела души — тварь в первую очередь поглощала именно её.

Шетавос даже застонал от невыразимого наслаждения, передавшегося ему от твари, поглощающей человеческие души. Но, несмотря на столь чудовищный способ питания, он не прервал контакт с тварью. Да, она представляла немалую опасность, однако чародей пока что не собирался стать добычей демонического хищника — тем более что для этого ничего не надо было предпринимать. Достаточно было просто оставаться на месте, сидя на скале, под жаркими лучами солнца.

Душа чародея пока что пребывала в безопасности. Прикосновение к сознанию чудовища не несло в себе никакого риска — тварь поглощала людские души только вместе с их телами. Шетавос же в своём телесном облике пребывал пока что за пределами досягаемости твари. По крайней мере, он искренне на это надеялся.

По мере насыщения тварь начала разбухать, соединяя в одно целое свои временно отделившиеся части, постепенно заполняя собой весь внутренний объём острова, нападая на всех, кто имел неосторожность войти в какую-нибудь пещеру или гrot. Похоже, что все они были связаны меж собой узкими проходами, по которым свободно перемещался подземный ужас.

Однако чудовище не совершило ни одного нападения на тех, кто, не прельстившись обманчивыми укрытиями, оставались снаружи. Тварь знала о существовании ещё некоторого количества живых, но не делала ни одной попытки нападения. Неясно было, боится ли она солнечного света, или же обречена никогда не покидать своих пещер. Только ночь могла дать на это ответ, и Шетавос молил Сета, чтобы его первое предположение оказалось ложным. Неясные слухи и древние манускрипты утверждали, что тварь

безусловно опасна лишь внутри пещер и не нападает на тех, кто находится снаружи. Но в подобных случаях никогда нельзя быть ни в чём абсолютно уверенным, доверяя свою безопасность одним лишь преданиям и сплетням.

Однако сидеть и покорно ждать своей участи Шетавос тоже не собирался. Толстяк всё глубже продолжал погружаться в сознание монстра, желая проникнуть в его истинную суть. Не являясь особо выдающимся мастером в каком бы то ни было магическом искусстве, он твёрдо помнил одно — жизнь его представляет для него наи величайшую ценность и потому при малейшей возможности старательно изучал все доступные заклятья, которые можно было бы использовать в качестве любой возможной защиты.

Сейчас это знание оказалось как нельзя уместным. Полностью отключив внешнее зрение, колдун очертил в воздухе подчиняющий знак Сифф и произнёс Слово, которое должно было оградить его от гнева порождений моря. Не самое лучшее средство контроля над неизвестным демоном. Но, тем не менее, это сработало.

Ментальная сфера чудовища на мгновение дрогнула и расплылась, подчиняясь действию знака. Ободрённый первым успехом, Шетавос попытался приказать демону назвать собственное имя, но тот никак не отреагировал на это. Лишь смутный ветерок образов пронёсся в сознании Шетавоса:

Он парит в тёмной океанической бездне, на дне которой вспыхивают и гаснут громадные четырёхлучевые звёзды. Звёзды излучают опасность, от них следует держаться подальше...

...Что-то мелкое, извижающееся

проплывает мимо, слишком медленно... Пища... ещё пища... много еды... насыщение...

...Тьма и холод... Во тьме вспыхивают мелкие точки огней...

Внезапно картина изменилась. Выйдя из-под контроля Шетавоса, часть сознания демона вновь отделилась от основной своей части и быстро потекла сквозь узкие трещины на другой конец острова.

Причина отыскалась быстро. Один из тех изгнанников, что предпочли искаль спасения в одиночестве, вошёл в небольшой грот, где склонился над находившимся внутри родником, подписав себе тем самым смертный приговор. Демон умел чувствовать нарушителей границ его покоев.

Смерть пришла к человеку прямо из родника, откуда он пил, проглатывая вместе с водой злобную, но пока что ничем себя не проявляющую плоть демона. Человек жадно пил, не замечая опасности.

А затем прозрачный родник выплюнул облако тьмы прямо ему в лицо. Тьма растеклась по нему, охватывая его тело плотным коконом. На этот раз человек даже не успел вздрогнуть, поражённый одновременно изнутри и снаружи. И снова Шетавос почувствовал, как бесплотная тварь поглощает вместе с плотью, душу несчастного вора. Колдун содрогнулся от омерзения, однако монстру, по-видимому, были чужды подобные взгляды. Он просто питался.

Подавив в себе острое желание потерять сознание, колдун продолжил исследование чудовища. По всей вероятности, разумом оно не обладало. Из сознания твари Шетавос смог извлечь лишь одну и ту же повторяющуюся картину — всплытие из подводного лабиринта пещер, пища, что

сама лезла в рот, пища, приходящая чуть позже, погружение, сон, всплытие... И так без конца. Ни единого осмысленного слова, лишь образы каменных лабиринтов и глупой, мягкой пищи.

Только один или два раза в сознании демона мелькнуло нечто, неподобное предыдущие картины.

...Человек с головой дракона, стоявший, по всей видимости, на вершине Клыка Теней. Человек-дракон произносит слова. Каждое из них впивается в плоть и мысли, заставляет безвольно подчиняться... ограничивает разум... ограничивает свободу... Слова падают вниз, прожигая Клык до самого основания, там, где он вырастает из морского дна. Слова сливаются в одно целое с древней скалой, и скала становится Словом, а Слово — прочным камнем. Подводные пещеры закрываются каменными пастями, навеки отрезая от моря обитателя Клыка. Отныне его дом — мрачные пещеры, медленно отравляемые его собственными отбросами. И в довершение всего — лишение памяти. Долгая жизнь без возможности вернуться в просторы океана, обильного мягкой, глупой пищей — печальный удел бывшего владыки здешних вод. И вновь образ верхушки Клыка, в которую впечатаны древние Слова, а затем боль... боль...

Шетавос поспешил вышел из сознания владыки острова, возвращаясь в реальный мир. Болела голова. Фантастические рассказы моряков и старые легенды, похоже, не были вымыслом.

Тысячелетия назад под волнами океана обитала разумная раса. По-

томки её, связавшие свою судьбу с человеческим родом до сих пор заселяют прибрежные воды Зонгульского архипелага. В редких рукописях и устных преданиях, чудом уцелевших с того времени, рассказывалось о смелых опытах слуг Великого Дагона. Один из таких опытов открыл дорогу на землю чудовищной твари, жившей за пределами пространства, по слухам — чуть ли не с самой родины Старых Богов.

Демону пришлись по вкусу души и плоть глубоководных жителей. Избавиться от неведомого ужаса оказалось стократ труднее, чем призвать его в мир. Глубоководные поплатились за эту неосторожность жизнью целой расы.

Изгнать демона в его родные пределы не получилось, даже призвав на помощь неизмеримую мощь самого Великого Дагона. С помощью запретных чудовищных заклятий и неисчислимых жертв, чуждая тварь была навсегда лишена физического тела, но душа его уже была неразрывно связана с приютившим её земным миром.

Оставался только один выход. Уцелевшие слуги Дагона ценой собственных бессмертных душ навечно запечатали чуждого демона в одинокой океанской скале, дабы тот не мог вновь вырваться на волю в поиске новых жертв.

Так гласила легенда.

Демон был запечатан в лабиринте, но вход в этот лабиринт оставался открытым для людей. Именно поэтому одинокий остров и был выбран местом устрашающих казней. Конечно, изгнаник, не прельстившийся сомнительным уютом сухих пещер, мог избежать смерти в незримых щупальцах

монстра. Правда, альтернативой этому была всего лишь голодная смерть. На острове имелось несколько чистых родников и снаружи пещер, но, несмотря на наличие воды, остров продолжал оставаться совершенно безжизненным. Даже птицы избегали садиться на эту проклятую скалу, где любая щель в камнях грозила гибелью. Лишь изредка в море мелькал зловещий акулий плавник.

Оставался только один путь выживания...

Короткая разминка на месте, затем полчаса утомительной ходьбы по круглым, скользящим под ногами камням. Он уже видел конечную цель своего путешествия...

Однако, что собирается делать этот идиот?

— Не входи туда! — изо всех сил зарвал Шетавос.

— Почему это? — удивлённо обернулся к нему тот, к кому был обращён вопль колдуна. — Им, значит, можно, а мне нельзя, так что ли?

— В пещере смерть, — уже спокойнее проговорил толстяк. — А кто туда вошёл?

— Бага и Ниддар, — ответил человек. Невысокий, коренастый, с маленькой, слегка сплюснутой головой. Сразу видно — разбойник.

— Так чем докажешь, толстяк? — продолжал он. — Бага чует опасность за целую милю, и вот так запросто в пасть к чудовищу не полезет. Я хочу посмотреть, что они там нашли. Пещера сухая, чистая, прилив не достанет. И никого вокруг.

— Вот тут ты прав, — усмехнулся Шетавос. — Теперь мы одни на острове. Я сам видел, как людей, вошедших в такую же пещеру, окутало чёрное

облако, и через несколько минут на том месте не было ни единой косточки. И с приятелями твоими сейчас тоже самое. Так что лучше послушайся меня — может, жив останешься.

— А не врёшь? — настороженным тоном поинтересовался разбойник.

— Хочешь, сходи, и сам проверь, — отозвался Шетавос. — Только я бы на твоём месте не делал такой глупости.

— Ладно, убедил, — примирительно сказал разбойник. — Давай познакомимся, что ли...

В последовавшем за тем недолгом разговоре выяснилось, что нового приятеля Шетавоса зовут Лауд и осуждён он за дерзкую попытку убийства жреца Сета с целью ограбления. В свою очередь колдун рассказал Лауду об опасностях, подстерегавших человека на Клыке Теней.

Выяснив таким образом отношения, они двинулись на поиски пищи. Результат оказался неутешительным. Уже в нескольких футах от берега дно крутым обрывом уходило вниз, не давая прибежища ни крабам, ни мелкой рыбёшке. Подводные скалы были не-привычно голыми — без водорослей, без ракушек, словно даже тупые моллюски отказывались селиться на этой проклятой скале.

В долгом поиске съестного, они даже не заметили, как быстро закончился день. Солнце скрылось за горизонтом. Вскоре на остров должна была опуститься непроницаемая тьма ночи. Пора было позаботиться о ночлеге.

После недолгих поисков они обнаружили более-менее плоский и широкий камень, на который можно было улечься без опасности скатиться в какую-нибудь яму или в воду. Нагретая за день скала была тёплой, и люди, утомлённые тюрьмой, переездом на остров в вонючем трюме и местными

ужасами, почти мгновенно уснули на жёстком ложе.

Шетавос проснулся посреди ночи, в час волка. Открыл глаза и тихо повернулся голову, высматривая Лауда. Тот, как ни в чём ни бывало, спал, словно ничего и не произошло. Голова его склонилась влево, и Шетавос видел теперь его затылок. Правая рука разбойника лежала на животе, левая была откинута в сторону.

Бесшумно, чтобы не разбудить соседа, Шетавос протянул правую руку в сторону в поисках подходящего камня. Вскоре его пальцы нашупали увесистый обломок скалы, удобно лёгший ему в руку. Пододвинув его поближе, он слегка поворочался, словно делая вид, будто поудобнее устраивается на жёстком ложе, одновременно непрерывно следя за Лаудом. Тот явно не желал ни на что обращать внимания, сморённый долгожданным спокойным сном.

Шетавос устроился поудобнее на левом боку, ещё раз тщательно прицелился, уже держа в руке камень.

И нанёс точный, тяжёлый удар в висок разбойника.

Тот громко хрюкнул, руки его слегка дёрнулись, и тело вновь спокойно застыло, распростёртое на камне. Чепрэ его, и без того сплюснутый, стал теперь почти плоским. По руке Шетавоса потекла липкая струйка. Толстяк напряжённо замер, сжимая в руке камень и готовясь повторить удар, однако, в этом не было необходимости.

Он достиг своей цели.

Теперь оставалось только дождаться рассвета. Свежевать добычу в полной темноте было неудобно.

Утром следующего дня, выспав-

шийся Шетавос принял за дело. Отколов от подходящего камня кусок с более-менее острым краем, он начал отделять от тела полосы мяса, раскладывая их на камнях, уже прогретых солнцем. Обработанный таким образом разбойник должен был поддержать силы Шетавоса в течение ещё некоторого времени. Поглощённый своим занятием, толстяк не заметил, как солнце перевалило за полдень.

К этому времени работа его была почти завершена. То, что осталось от Лауда, представляло собой неаппетитный набор ливера и костей да неказистой одежды, которую Шетавос предусмотрительно снял с тела покойника, полагая, что и она тоже может когда-нибудь пригодиться. Все съедобные части уже вялились в тени Клыка, на нагретой солнцем скале.

Шетавос некоторое время колебался, как именно поступить с малосъедобными останками — выбросить в море или скормить чудовищу. По здравом размышлении, он выбрал первое, благоразумно решив не дразнить монстра.

Вымывшись и отдохнув от мясницкого труда, он принял размышлять над своей дальнейшей судьбой.

Положение было не из лучших. Остров находился далеко от берега и обладал скверной репутацией, поэтому нечего было и надеяться на визит местных жителей. О галере, доставлявшей сюда осуждённых, речи вообще не шло. Остров, судя по всему, был совершенно безжизнен. Во всяком случае, Шетавос во время своих вчерашних перемещений по Клыку не заметил нигде даже чахлого кустика. Похоже, здесь не было и деревьев. Оставалось одно — тщательно осмотреть весь остров в поисках чего-нибудь, что могло бы ему помочь

убраться отсюда.

Кроме того, Шетавос хотел посмотреть на вершину Клыка Теней, на то самое место, где человек-дракон когда-то произносил своё заклятье. Возможно, это тоже могло помочь ему в изменении своего нынешнего положения.

Около двух часов понадобилось на то, чтобы обойти остров кругом. Результат обхода оказался неутешителен. Только камни и скалы. На пустынном берегу — ни единого деревянного обломка.

Оставалось только подняться на вершину Клыка. Может быть, ключ к спасению находился там.

Поход, однако, пришлось отложить на следующий день. Солнце уже клонилось к закату, а дорога предстояла нелёгкая. Толстый колдун присмотрел несколько мест, откуда можно было бы начать подъём, не слишком напрягаясь из-за комплекции. Ему предстояло заняться не менее важным делом — сохранением своих припасов. На острове не водилось птиц, однако нельзя было исключать возможности визита стаи каких-нибудь безумных чаек, готовых покуситься на его запасы. Прятать мясо в пещере было глупо, поэтому Шетавос принялся соружать из камней небольшое, хорошо проветриваемое укрытие. Завершив это полезное занятие, он улёгся на плоский камень, и пока расслабленное тело отдыхало от дневных трудов, колдун продолжил свои попытки проникновения в тайны острова.

Расслабив своё сознание, он позволил ему спокойно течь по Клыку Теней, охватывая весь его объём, от морского дна до самой вершины.

Через несколько минут он уже представлял себе полную картину острова. Древняя скала вмещала в себе

три источника могущественных сил, способных порождать и останавливать жизнь. Один из них, самый слабый, находился в лабиринте подводных пещер острова, медленно, почти незаметно перемещаясь под их мрачными сводами — развоплощённый демон-узник Клыка. Несмотря на кажущуюся слабость, этот узник был вполне способен подчинить себе множество людей, если бы они попали в его владения. К счастью, мощь эту сдерживали два других источника сил, связанных между собой. Первый из них находился на вершине Клыка, окутывая остров тонкой, неосыпаемой сетью. Несмотря на кажущуюся хрупкость, сеть эта представляла неодолимое препятствие для заключённого демона. Сеть уходила своими корнями далеко под океанское дно, полностью замыкаясь там прочным коконом. И в самой нижней части сеть касалась третьего источника сил, мощь которого, похоже, исходила из самого центра мира.

Из верхнего источника тянулась также некая линия силы, упирающаяся своим концом в движущегося монстра, не оставляя его ни на мгновение, и продолжающаяся дальше, в неведомые земные глубины. Проследив её до нижней части сети, колдун потерял дальнейшее направление нити. Похоже, линия упиралась в самое сердце земли, питаясь его неизмеримой мощью для поддержания громадной незримой ловушки.

А ещё на вершине Клыка находилось нечто, равномерно рассеивающее по всему острову силу, которая истекала из этой линии.

Убедившись, что сегодня он больше ничего не сумеет сделать, колдун погрузился в сон.

Утром, с первыми лучами солнца

он отправился в путь. К тому моменту, когда он ступил на вершину, солнце уже палило вовсю. Однако, несмотря на это, толстого колдуна прошиб холодный пот.

В небольшом углублении скалы лежала чудовищных размеров железная книга. Никогда прежде не видевший её, Шетавос, тем не менее, безошибочно узнал книгу.

Ошибиться было невозможно. Чудом сохранившийся осколок древнего мира, книга слепого Вателоса — собрание непристойнейших запретных знаний, заклятий, призывающих чудовищные, непредставимые силы, неподвластные человеческому разуму. Пользоваться ими осмеливались лишь немногие маги, прошедшие высшую ступень посвящения. Эти железные книги хранились в таких местах, что королевская казна со всей её охраной в сравнении с ними выглядела проходным двором. С помощью таких книг разрушались и восставали из праха целые империи, а этот экземпляр свободно лежал на камне, открытый всем ветрам.

Однако, похоже, природные условия мало влияли на древний том. Металлические страницы, покрытые странными, внушающими ужас знаками, ярко блестели, не тронутые ни единым пятнышком ржавчины. Казалось, прежний хозяин всего лишь отлучился на минуту, оставив книгу раскрытой. Но в действительности прошло наверное много столетий с тех пор, как на вершину ступала чья-то нога.

Колдун вспомнил образ человека-дракона, извлечённый из сознания пленённого монстра.

Шетавос осторожно приблизился к книге и прикоснулся к металлическому листу. Подушечки пальцев ощути-

ли слабый укол, словно он погладил ветку кипариса. В остальном книга не проявляла враждебности к человеку. Ободрённый успехом, Шетавос попробовал перевернуть несколько страниц, однако не смог этого сделать, как не смог и оторвать книгу от её каменного ложа. Видимо, её удерживала здесь слишком мощная сила. Книга просто исполняла свою работу, удерживая своей властью укрошённого демона, и не собиралась покидать своё место.

Разочарованный, но не слишком удивлённый, колдун принял изучать доступный ему разворот.

Буквы, похожие на странных живых существ, слова-картины, незнакомые схемы и изображения неведомых монстров густо покрывали огромные листы книги. Однако постепенно Шетавос находил и кое-что знакомое. Знание древних алфавитов помогло ему. По крайней мере, можно было разобраться в смысле приводимых здесь заклятий. Несомненно, полтора листа здесь занимало мощное ограничительное заклинание, упоминавшее имя Ямму, владыки морей. Именно оно удерживало демона в каменной ловушке Клыка Теней. За этим заклинанием следовал некий текст, призывающий в мир повелителя змей моря Эдждерха, обрываюсь на середине, и продолжаясь на следующей, недоступной странице. Заинтересованный колдун напряг все свои силы, обращаясь к книге с просьбой уступить ему хотя бы на некоторое время, но древний том никак не отреагировал. Убедившись в бесплодности своих попыток, Шетавос вернулся к разбору древнего текста.

Изучение, однако, затянулось. Слишком много слов и образов были непонятны, слишком много встречалось

неясных обозначений предметов и Сил, необходимых для успешного исполнения заклятия. Несколько проще было с призывом повелителя морских змей, но часть заклинания, контролирующая поведение вызванного, находилась на другой стороне страницы, и добраться до неё не было никакой возможности.

Дни тянулись нескончаемой, однобразной чередой. И, наконец, на исходе второй дюжины дней и запасов вяленого мяса, на горизонте показался парус.

Корабль двигался со стороны открытого моря. Это не была галера, доставлявшая осуждённых. Корабль неспешно приближался к острову. Шетавос, сидевший на вершине скалы, понапачалу даже не поверил своим глазам. Видимо, капитан не знал, или не интересовался историей Клыка Теней.

Колдун понял, что это его шанс. Он попытался проникнуть в сознание кого-нибудь из экипажа на борту, и был крайне удивлён результатом. На ментальном уровне ни корабля, ни экипажа просто не существовало.

Шетавос ещё раз попробовал пробиться к кораблю.

Безуспешно.

Он не чувствовал ни крыс, ни червей—древоточцев, что, без сомнения, должны были находиться на корабле. Не чувствовал даже слабого, почти прозрачного спектра, что порождался самим кораблём, вернее его корпусом, сделанным из некогда живых, напитанных земной силой деревьев.

Судя по всему, на корабле находился незаурядный маг, способный установить столь мощную ментальную защиту. Шетавосу ещё не приходилось сталкиваться с такой.

Уже было видно, что корабль не принадлежал ахеронскому военному

флоту. Иноземный пришелец, возможно пират. Узкий, длинный корпус, непохожий на тяжеловесные купеческие суда, высокие носовая и кормовая надстройки, длинные ряды вёсел. Судя по всему — валузиец.

Колдун принял торопливо спускаться с вершины Клыка, насколько ему позволяла комплекция. В конце концов, взять с него нечего, жизнь его не нужна никому, кроме него самого, но, по крайней мере, появилась слабая возможность покинуть это проклятое место.

Однако выбегать прямо навстречу кораблю тоже не стоило. Это вполне могли оказаться пираты, для которых случайный человек значил не больше нескольких монет, которые можно было получить за него на невольничьем рынке. В любом случае следовало присмотреться к экипажу, и только после этого решать, как поступать дальше.

Укрывшись в щели между двумя большими, величиной с дом, валунами, Шетавос терпеливо ждал.

Вскоре корабль приблизился настолько, что колдун уже различал людей, двигавшихся на палубе. Порыв ветра развернул тёмное полотнище флага, и Шетавос, наконец, понял, кого судьба привела на этот проклятый остров.

На чёрном полотнище свивал и развивал свои многочисленные чешуйчатые кольца белый змей, увенчанный золотой короной. Этот флаг мог принадлежать только одному кораблю в Закатном океане, и Шетавос невольно содрогнулся, вспомнив его имя.

Белый Аспид, жестокий пират, опустошивший северное побережье, каким-то недобрый ветром объявился

здесь, почти у стигийской границы. Слухи о его зверствах бежали впереди остроносой галеры, выкрашенной в пурпур. Уроженец древней Валузии, седой от рождения, он люто ненавидел всех, осмелившихся появиться на свет не на его родине. Впрочем, иногда он изменял своему принципу, принимая в свою команду самых разных людей, от голубоглазых рыжебородых северян до чёрных жителей Куша и Пунта.

И вот этот страшный корабль приближался теперь к острову Шетавоса.

Галера остановилась в нескольких саженях от берега. С полдюжины пиратов уже выбрались на камни, неся на плечах пузатые бочонки. Очевидно, валузийцы собирались пополнить запасы пресной воды. Шетавос, надёжно укрытый от посторонних глаз, внимательно следил за ними. Сознание людей по-прежнему укрывал прочный магический щит, но теперь Шетавос мог слышать их речь.

Один из моряков обнаружил небольшой ручеёк, струившийся между камней. Вода в нём было немного, и он двинулся вверх по течению, надеясь отыскать источник, чтобы побыстрее наполнить бочонок.

Чистое небольшое озерцо находилось в одной из пещер. Чтобы набрать воды, нужно было войти под её свод, и Шетавос почувствовал свой шанс.

Выбравшись из укрытия, он громко закричал, с непривычки коверкая валузийские слова:

— Остановитесь! Не входите! В пещере смерть!

Цели своей он достиг. Пираты разом остановились, удивлённые этим явлением. Цель похода на время была забыта.

Один из них, рослый, бородатый валузиец с длинными чёрными воло-

сами, оценивающие взглянули на колдуна.

— Кто ты, и что делаешь здесь? — раздался вопрос. — Почему это мы не можем войти туда?

Шетавос был готов к такому вопросу. Стараясь отчётиво выговаривать слова, он коротко объяснил пиратам, какая тварь поджидала их в непротяжном мраке пещер, стараясь подчеркнуть неземной ужас, окутывавший проклятый остров.

Моряки — народ суеверный, Пираты не оказались исключением. Выслушав историю Шетавоса, предводитель отряда произнёс уже более мирным тоном:

— Значит, чудовище? Хорошо, а где же нам тогда набрать воды?

Мысленно Шетавос возликовал. Первый успех был достигнут — его согласились выслушать.

— Здесь полно источников — сказал он, — и для этого совсем не нужно играть со смертью в пещерах. Я готов показать вам их, правда придётся слегка пройтись.

— Что ж, идём, — задумчиво проговорил вожак, мрачно глядя на Шетавоса. — Посмотрим, заслуживаешь ли ты жизни...

Процессия двинулась вперёд, ведомая Шетавосом. Вожак пиратов, шедший чуть позади указывавшего дорогу колдуна, проговорил, словно про себя:

— Демон в пещерах? Странно, почему Апни ничего не сказал нам?

Шетавос обернулся к главарю.

— Кто этот Апни? Ваш колдун? Или...

Предводитель грубо прервал его:

— Не твоё дело! Взялся вести — иди тихо и ни во что не вмешивайся! Долго ешё?

— Да нет, ешё пару шагов, вот, пришли.

Шетавос остановился перед углублением между валунами, наполненным прозрачной водой. Однако это не совсем убедило пиратов.

Их главарь подтолкнул Шетавоса к роднику, так что тот чуть не свалился в воду. Серые колючие глаза пристально глядели на изгнанника.

— Пей! — указал он на родник. — Докажи, что это действительно хорошая вода без демонов и прочей мерзости.

Шетавос пожал плечами, и наклонился к роднику, стараясь, однако, не терять пиратов из вида. Конечно, вряд ли они станут убивать его прямо сейчас, но кто знает...

Жара, поход на вершину Клыка и нервное напряжение сделали своё дело. Шетавос и без того потерял немало влаги за это утро и теперь с наслаждением припал к источнику.

Поведение его подтолкнуло остальных. Шетавоса оттеснили от источника, погрузив туда бочонок. Вскоре все ёмкости были наполнены, и отряд пустился в обратный путь.

За то время, пока пираты ходили за водой, галера успела подойти к самому берегу, отыскав безопасное место для причаливания. Впрочем, никто из команды не спешил спускаться на берег.

— Эй, Харг, кого это ты там подобрал? — заорал кто-то с корабля, увидев Шетавоса среди посланных за водой пиратов. — Это человек или груша? Если все жители этого острова выглядят так же, я, пожалуй, останусь здесь на месячишко, глядишь и поправлюсь!

— Замолкни, дурень! — ответил предводитель отряда, вскарабкавшись на борт. — Может он и не такой умный рубака, как ты, но зато он, похоже, знаком с магией, а это уже что-то.

Где капитан и Апни? У меня есть кое-что для них, особенно для мальчишки.

— Ты хотел что-то сказать мне, Харг? — раздался голос, исходивший из кормовой надстройки. — Не мешай ему, Блаал, — обратился он к тощему насмешнику, который тут же замолк и отступил на шаг в сторону, освобождая место капитану.

— Да, капитан Ксан, — ответил Харг. — Мы нашли источник, и кое-что ещё. На острове мы встретили человека, который рассказал нам странную историю. По его словам на острове живёт чудовище, но оно не опасно, если не входить в пещеры. Мы послушались его совета, но я хотел бы узнать, что по этому поводу скажет Апни. Если то, что говорит этот толстяк — правда, мальчишке не поздоровится.

Шетавос уловил обрывок этого разговора, перебираясь через борт. Вид экипажа галеры отнюдь не прибавил ему спокойствия. Рослые, мускулистые люди, большей частью обнажённые по пояс, в коротких сапогах и свободных полотняных штанах с широкими щегольскими поясами, на которых висели ножны, из которых выглядывали богато разукрашенные рукояти кинжалов и сабель. Среди этой грозной толпы выделялся невысокий человек во всём белом. Волосы его, цвета снега, покрывавшего горные вершины прибрежного хребта, доспех из незнакомого, матово-белого металла, жёлтые змеиные глаза с вертикальными зрачками — всё это внушало какой-то безотчётный ужас.

Шетавос, уже ступивший на палубу пиратской галеры, почувствовал непреодолимое желание убраться куда-нибудь подальше, лишь бы не чувствовать на себе этот странный пронизывающий взгляд. Но его мечте не

суждено было сбыться.

Белый Аспид поднял руку. Указательный палец его упёрся в Шетавоса.

— Так значит, ты утверждаешь, что в этих скалах живёт какой-то демон?

— проговорил он. — Почему же мы ничего не знаем об этом? Апни, мальчик мой, подойди ко мне, — крикнул он в сторону надстройки.

Через несколько секунд оттуда показался невысокий худощавый юноша лет пятнадцати. Шёл он медленно и неуверенно, словно ожидая наказания. Не дойдя до капитана, остановился настороженно, словно опасаясь удара.

— Малыш, недавно ты говорил нам, что на этом острове нет никого кроме этого человека, — проговорил капитан. — Однако ты почему-то не сказал, что человек этот — колдун, и что на острове кроме него есть ещё и чудовище. Будешь ли ты возражать против этого?

— Но, господин капитан, вы же видите, что этот демон совершенно безопасен, — неуверенно проговорил парнишка. — Взгляните, ведь все вернулись живы и здоровы.

— Уж не потому ли, что они послушали этого человека? — с нехорошой улыбкой спросил его Ксан. — Впрочем, всё это можно легко проверить. Если, как ты утверждаешь, эта тварь совершенно безопасна, и ты не ощущаешь её присутствия, то сходи туда сам и вернись. Это будет лучшим доказательством твоей правоты. Если же нет... что ж, буду надеяться, что толстяк сможет заменить тебя. Так как, Апни, пойдёшь?

Шетавос во время этого разговора всем телом ощущал нескрываемые волны страха, исходившего от юноши. Парнишку буквально тряслось, но когда колдун попытался проникнуть в его сознание, чтобы хоть немного успоко-

ить, то натолкнулся на мощнейший блок, не допускавший никакого чужого проникновения. Шетавос понял, что этот юноша и был тем самым магом, державшим защитный ментальный купол над кораблём. Судя по всему, Апни, видимо, не смог почувствовать присутствия демона на острове, несмотря на то, что увидел его, Шетавоса. И ещё толстяка поразила способность парнишки продолжать блокировать мысленный фон команды, несмотря на своё подавленное состояние.

«Способный юноша, но не овладел ещё и сотовой частью своих возможностей», — с сожалением подумал Шетавос.

Апни медленно бледнел, слушая Белого Аспида. Сам того не желая, он допустил некую оплошность, которая только по счастливой случайности не стоила никому жизни. И вот теперь он должен был понести за это наказание.

В пещеру ему совершенно не хотелось. Тем более что он уже ощущал присутствие затаившейся там грозной силы.

В этой ситуации юноша предпочёл выбор в сторону меньшего зла и осторожно обратился к своему капитану:

— Мой повелитель... я признаю свою ошибку. Толстяк прав, на этом острове есть какая-то очень опасная тварь. Я умоляю вас не высаживать меня на берег, поверьте, я искуплю свою вину!

— Он прав, господин, — подал голос Шетавос. — Парень мог просто не знать о мощном связывающем заклятии, наложенном на этот остров. Прошу вас не лишать его жизни — юноша действительно талантлив, но почти не обучен. Жаль терять хорошего мага. Не скрою, мне хотелось бы поработать с ним, — осторожно за-

кончил Шетавос.

— Вообще-то это мой корабль, — лениво проговорил Белый Аспид, — и мне здесь решать, кого терять и с кем работать. Море и виселица любого примут.

Апни испуганно отшатнулся, услышав эти слова.

— Не бойся, — успокоил его Ксан.

— На этот раз тебя всего лишь прощат под килем, да не вздумай поддохнуть, ты нам ещё понадобишься. О лечении позаботишься сам. Я сказал!

С этими словами Ксан, словно потеряв всякий интерес к несчастному юноше, двинулся к носовой надстройке, мимо Апни, которого уже вязали двое пиратов. Проходя мимо Шетавоса, капитан пристально посмотрел на него и приглашающе кивнул головой, предлагая последовать за ним.

Тот не посмел отказаться.

По крутой лесенке, увенчанной причудливой резьбой, изображавшей свивающихся драконов, они взошли на бак. Уютно устроившись в тени поднятого абордажного мостика, капитан, прищурившись, наблюдал, как движется работа по пополнению запаса воды.

— Всё готово, капитан, — раздался с палубы голос пирата, занимавшегося связыванием Апни.

— Так начинайте, — раздражённо бросил капитан.

Похоже, его совсем не интересовала судьба парнишки. С гораздо большим интересом он разглядывал Шетавоса, наблюдавшего за экзекуцией.

На обоих бортах галеры уже были закреплены два блока, сквозь которые была пропущена верёвка, заведённая кольцом под киль. Юноша был привязан к ней обеими концами за руки и ноги. Взгляд его, устремлённый на капитана, молил о снисхождении. Одна-

ко его это совершенно не волновало.

— Пяти раз, думаю, будет вполне достаточно, — крикнул Белый Аспид.

— Надеюсь, впредь ты будешь осмотрительнее. Да смотри, не повреди здешнее дно, а то ещё весь остров обрушится от удара твоей башки!

Громкий одобрительный хохот заглушил плеск упавшего в воду тела. Пираты, тянувшие верёвку, ругались — обросшее раковинами дно корабля, раз вцепившись, не желало отпускать свою жертву. Наконец, верёвка пошла свободнее. Апни вылетел на поверхность, выплёвывая воду и нещадно кашляя. Белая рубашка была изодрана в клочья, по рукам обильно струилась кровь. Однако на палубу его не подняли, оставив плавать в воде.

— Боцман прав, корабль сильно оброс — заметил один из пиратов. — Посмотрите-ка на этого молодца! Эй, Апни, ты бы занялся там полезным делом, почистил бы днище, что ли? — с этими словами верёвка, привязанная к ногам парнишки, вновь увлекла его под воду.

— Боюсь, ему и трёх раз не выдержать, — проговорил один из тащивших верёвку. — Может быть, ему всё-таки нужно было согласиться сходить в пещеру?

Пират, предсказывавший исход наказания, к счастью, оказался неправ. Когда, наконец, парня выволокли на палубу, тот ещё подавал какие-то признаки жизни. Тело его представляло сплошную резаную рану, но судя по всему, особо серьёзныхувечий он не получил. Один из пиратов взвалил его на плечо и отнёс в тень юта, уложил на палубу и прикрыл куском парусины. Судя по довольно слабому интересу команды к этому зрелищу, подобные события были здесь обычным развлечением.

Капитан вообще не проявлял никаких эмоций. Он изучающе смотрел на Шетавоса.

— Ну и что ты скажешь по этому поводу, маг? — спросил капитан. — Может, мне всё же стоило отправить его на остров? Такие ошибки слишком серьёзны, и прощать их — значит топтать собственное достоинство. Что ты хочешь мне возразить?

— Ты капитан, и значит, в твоих руках судьба каждого из твоей команды. Но разумно ли в гневе рубить свои пальцы, если они по незнанию прикоснулись к раскалённому железу? Ты дал ему серьёзный урок, но никто не знает последствий этого урока.

— А ты дерзок, как я погляжу, — произнёс Белый Аспид. — Неужели ты не боишься, что я прикажу своим людям сделать с тобой то же самое, а то и кое-что похуже, а? Например, то, что ты сделал со своим последним приятелем на острове? Некоторые мои люди очень любят мясо...

— Нет, господин, — твёрдо ответил Шетавос, уже нащупавший ключ к общению с этим человеком. — Ты поверил мне, когда я указал вам чистый и безопасный источник, ты взял меня на борт своего корабля. Ты веришь мне, а я, в свою очередь, не могу не доверять тебе. Я хочу покинуть этот проклятый остров, и если мне придётся за это работать на твоём корабле, то я готов к этому.

— А что ты умеешь? — поинтересовался Ксан. — С таким пузом трудно представить тебя в качестве умелого воина. А мне нужны именно воины, а не пивные бочки.

— Ну, положим, на порядочном корабле без пивных бочек тоже не обойтись — улыбнулся Шетавос. — А, кроме того, пивную бочку не будут за просто так отдавать на съедение

демону. До того, как меня схватили, я состоял в трёх разбойничих шайках. К тому же, как видишь, я немного знаком с волшеством. Одна злобная старуха, которую я попытался ограбить в её собственном дворце, оказалась чрезвычайно благосклонна ко мне по этой части. Заглянув в моё будущее, она нашла там нечто такое, что весьма её развеселило. Старуха была явно не в себе, но мощь и знания её были велики. Я побоялся спорить с ней, и в результате она раскрыла передо мной такие перспективы, о которых я даже не смел и помыслить. Она получала какое-то нездоровое удовольствие, обучая меня запретной магии болот и силе, заключённой в лиловом камне, что становится ураганным ветром. Она учила меня составлять яды и чувствовать опасности, скрытые в медленной воде, прозрачном воздухе и холодном камне. Дом её хранил в себе неисчислимые количества книг и свитков, скрывавших ужасные знания. К сожалению, а может быть и к счастью, я недолго был её учеником. Вызванный однажды Повелитель рыжих муравьёв отказался подчиняться ей. Госпожа не успела отгородиться заклятьем непроницаемого занавеса от его свиты, и теперь скелет её лежит в покое сердоликовой башни Тлемсена. Покончив с её телом, муравьи удалились, оставив меня владельцем колдовского дома. Но этот дом не желал подчиняться никому, кроме своей покойной хозяйки. Мягкий ворс ковров превращался в острые иглы, двери предупредительно захлопывались при моём приближении к ним, а их медные ручки-змеи так и норовили укусить. Ещё недавно пышные и благоуханные цветы, украшавшие дом, источали теперь дурманящие, ядовитые ароматы, а постель, на которую я прилёг, желая

хоть немного отдохнуть от безумного вечера, попыталась задушить меня в своих объятиях. Хозяйка предупреждала меня, что дом сам охраняет себя во время её отсутствия, расценивая любого, находящегося внутри, как врага, и обращаясь с ним соответственно. Секрета охранного заклинания она, разумеется, предусмотрительно мне не открыла.

Я бежал из дома, не желавшего принимать меня за хозяина. Уступить он мог только равному по силе. Я же был слабее, но не стыжусь этого. И, несмотря на все мерзости, что заставляла меня творить эта старуха, я всё же благодарен ей за то, чему она успела обучить меня. Да и что, собственно, строго говоря, является мерзостью, а что — благом в этом мире?

Однако надо было на что-то жить, а работа практикующего колдуна всегда связана с большим риском и малым заработком. Я пошёл по новому пути, сколотив собственную банду. Нас было немного, преимущественно тоже люди, каждый из которых владел кой-каким талантом. Жертвы подбирались долго и тщательно. Не буду хвастаться, как мы выкрали любимого белого жеребца из конюшен графа Скарнийского, охраняемых четырьмя воинскими кордонами, или о дерзком нападении на отряд, перевозивший Пнеорскую казну в новую столицу. Ущелье Ворона так извилисто и высоко, так густо заросло кипарисами и тёрном... — Шетавос мечтательно закатил глаза, вспоминая. — Две трети отряда стражников полегли там, а оставшиеся предпочли перейти на нашу сторону.

Добычи этой нам хватило на полгода роскошной жизни, а потом... Кто же знал, что новый губернатор привёз с собой из страны Тиамат людей-

скорпионов, невосприимчивых даже к пыльце чёрного лотоса лемурийских болот. Мне удалось скрыться, но лишь затем, чтобы глупо попасться обычным стражникам. И вот к чему это привело, — он развёл руками, словно извиняясь, что находится здесь.

— Если хочешь, — продолжал Шетавос, — я могу занять должность корабельного мага, пока Апни будет приходить в себя. По крайней мере, я умею предсказывать погоду и чувствовать невидимые подводные камни. Ну и, разумеется, исцелять раненых и больных

— А воевать ты умеешь? — спросил его Ксан. — Сводить с ума воинов на чужих кораблях, насыпать на них огонь или бурю? Или ещё лучше — заставлять их самих покорно приносить мне в дар всё, что у них есть ценного — хоть так и не бывает.

— Отчего же, бывает, — ответил колдун. — Однако для этого могут потребоваться такие силы и средства, по сравнению с которыми добыча не покажется тебе столь уж привлекательной. Путь меча и огня всегда был самым прибыльным и простым в этом мире. Я не способен наслать на купца небесный огонь, но могу призвать мелкую морскую живность, что за несколько минут сожрут всю их команду, не тронув груз. Только вот объяснить им, что при этом не нужно трогать наш корабль, будет гораздо труднее.

— И ты такой же, — огорчённо вздохнул капитан. — Ну почему мне никак не удаётся найти действительно сильного мага?

— На самом деле, уже удалось, — ответил Шетавос. — Осмелюсь дать совет — береги мальчишку. Он владеет огромной силой. Сидя на острове, я не мог пробиться сквозь его менталь-

ный барьер над вашим кораблём. Да даже сейчас, когда он без сознания лежит там, на корме, он продолжает удерживать этот барьер. Мальчишку нужно только как следует обучить владению собственной силой. Счастлив капитан, обладающий подобным богатством.

— Что ж, спасибо на добром слове, — ухмыльнулся Ксан. — Можешь отныне считать себя членом команды «Аспида», если конечно хоть часть твоей истории правдива. Условия обычные — добыча поровну, но ты в числе тех, кто получает дополнительную долю — вместе со мной, боцманом, плотником и главным старшиной. Если первым заметишь вражеский корабль — тебе лучшее оружие с него. Если первым взберёшься на борт вражеского судна — получишь лучшее платье, которое там окажется, правда... — Белый Аспид с усмешкой оглядел фигуру толстяка, — тебе это, похоже, не грозит. Если в бою бросишь оружие — немедленная смерть. За потерю в бою части тела — соответственное вознаграждение. Пища одинаковая для всех, в походе все пьют столько, сколько захотят. Дуэли разрешаются только в присутствии всей команды. На корабле есть три каюты, одна из них теперь ваша пополам с этим повелителем демонов. Всё ясно?

— Ясно, — ответил Шетавос. — Кстати, капитан, где-то через час задует небольшой, но довольно устойчивый ветер в сторону материка. Какие будут указания?

Это сообщение заинтересовало капитана. Резко встав, он быстро окинул взглядом творящееся на палубе его корабля.

Погрузка бочонков с водой завершилась, и пираты в вольных позах отдыхали в тени паруса. Кто-то играл в

кости, кто-то потягивал прохладное вино. Небольшая передышка на море в спокойной обстановке никогда не вредит.

Воздух всё ещё был недвижим, но Аспид, старый моряк, уже и сам ощущал некое грядущее изменение. Чувство его не было столь глубоким и точным, как у его нового члена команды, но Ксан не первый год был в море и потому решил позволить своим людям отдохнуть ещё немного.

Несомненно, ветер будет, а с ним и новая удача у этих заросших пальмами берегов. Ахерон, древняя империя магов, уверенная в своей силе и безопасности, лежала перед ним, застывшая и разморённая жарким тропическим солнцем.

Самое время пощекотать кишкам этим сытым, ленивым уродам.

Глава 2. Архипелаг

 берег Южного Ахерона оказался в точности таким, как его описывал высокий темнокожий наёмник, перешедший на «Белый Аспид» во время одного из абордажей. Неисчислимые вулканические острова причудливых форм, собирающиеся в живописные архипелаги неподалёку от материка. Извилистые проливы меж высоких острых скал, густо поросших тропической зеленью, где так легко укрываться от военных судов. Здешние воды издавна давали приют контрабандистам, пиратам и прочему сброду.

На островах не было городов. Местные жители скрывали свои поместья в неприступных лабиринтах острых скал, густых лесов и бездонных пропастей, добираясь туда известными только им тайными тропами и руслами горных рек. Только птица или крылатый демон могли беспрепят-

ственno достичь этих неприступных вершин, сияющих алым блеском в лучах солнца, встающего из нежных объятий утреннего океана. А вечерний закат превращал прекрасные скалы в туши чудовищ, вышедших из холодных и мрачных глубин на расправу с людьми, осмелившимися потревожить их покой. Потрясающий вид поднявшегося из моря окаменевшего базальтового костра не оставил равнодушными даже высоких голубоглазых гиперборейцев, рождённых среди высоких извилистых шхер Ледяного моря.

Обитатели прибрежных факторий, стоявших на гладких белых пляжах кораллового песка в шелестящей тени пальмовых листьев не удивились визиту северянина. За умеренную плату они предложили валузийцам показать несколько укромных бухт, где они без помех могли провести очистку днища от ракушек и текущий ремонт корабля.

Однако капитан вежливо отклонил эти предложения. Наверняка здесь хотели не только заработать на представлении чужакам свободного места под солнцем, но и помочь отдалиться от других стихийно возникающих досадных мелочей вроде внезапной мели, неожиданной высоты прилива, случайных камнепадов и мест обитания опасного зверя. За отдельную плату в каждом случае, разумеется.

Обычный обмен любезностями представителей уважаемых и опасных профессий начался в местном кабаке, где крепкое пальмовое вино давало возможность людям, давненько не видевшим толковой поживы и гостеприимного берега как следует расслабиться и повеселиться. Развязывались кошельки и языки, раскраснелись лица, застучали игральные кости. Азарт-

ные вопли, грубая брань и фантастические рассказы моряков, вернувшихся из дальних странствий, лились как из рога изобилия.

Несколько команд контрабандистов и корсаров продолжали веселиться в большом помещении, укрытом пальмовыми листьями, и лишь несколько человек, отделившись от общего веселья, тихо удалились в задние комнаты помещения, служившего одновременно кабаком и перевалочным пунктом награбленного добра, свозимого на вольные острова со всего побережья.

В небольшой, но довольно уютной комнате, стены которой были сделаны не из тростника, как в тавerne, а из плотно пригнанных широких толстых досок, валуэзийский капитан, темнокожий гигант-матрос и бледный кудрявый юноша негромко беседовали с хозяином фактории:

— Так ты говоришь о копях Дродхи? — произнёс седой человек в белом доспехе. — Звучит заманчиво. Близко от берега, глухая прибрежная скала, исключающая помощь с востока. Далековато, почти на южной границе. Зато почти без охраны — полсотни ленивых солдат, забывших как держать в руках копьё не в счёт. Алона, что ты скажешь на это?

Чернокожий гигант расправил плечи и посмотрел на собеседников. Немного помолчав, он произнёс:

— Похоже на правду. Это небольшой посёлок, где издавна добывали благородные опалы. Но копи истощаются. Посёлок, видно, тоже не процветает. Две—три богатые усадьбы, а остальное — хижины копателей, не вылезающих из своих нор, форт да пристань. Достаточно безопасное место.

— Это действительно так, но веро-

ятно, уважаемый торговец просто забыл сказать о стае летучих волков, поселившихся в высоких утёсах над Дродхой, — вмешался вдруг в разговор Апни. — Уже несколько лет эти чудовища не подпускают к берегу ни одно чужое судно, атакуя всех, кто находится на палубе. Лишь к прибытию имперского корабля местные жители как-то усмиряют этих тварей. В остальном же рассказ безукоризненно правдив и точен

Юноша преданно посмотрел на своего капитана.

Тот, как ни в чём ни бывало, разглядывал бледнеющего торговца, который вдруг дёрнулся и замер, словно почувствовав холодное прикосновение змеи.

— Что ж, это вполне естественно, предложить новому в этих местах экипажу попытать счастья там, где сломали свои зубы множество местных, — проговорил Белый Аспид. — Не стану отрицать, ты принял мою команду, принял достаточно хорошо, так что я, наверное, не стану пока выпускать тебе кишки, — Ксан убрал меч, щекотавший живот торговца. — Это можно сделать и другим способом. Почувствовав, что острый металл больше не касается его живота, торговец вздохнул и расслабленно распался в кресле точно проколотый пузирь, время от времени бросая опасливые взгляды под стол.

Седой пират не собирался прятать свой клинок.

И торговец предпочёл избрать для себя наиболее правильную линию поведения, стараясь отвечать как можно правдивее. Кто же знал, что северянин притащил с собой мальчишку, знающего тайны чужих мыслей?

— Ну а кроме этих копей, как вообще выглядит местная ситуация с

торговлей ивойной? Стигия иАхерон по сути одна держава, разделённая водами великого Стикса, а вот что делается наюге? Я слыхал, там идёт не прекращающаяся война четырёх царств. Четыре известно наэтот счёт?

Купец замялся.

— Известно не так уж много. Дарфарские страны не очень жаловали своих северных соседей. Разве что Коларион — пограничная со Стигией небольшая страна, населённая двумя расами — чёрной, владеющей основной частью Колариона, и немногочисленным народом с белой кожей, не имеющим никакого отношения к другим белым расам. Этот таинственный народ жил в пустынной местности за стеной гор, ограничивающей коларионские джунгли на востоке. Люди этого народа иногда встречались с правителями Колариона, но встречи эти были редки. Белый народ не желал делиться своими тайнами, выменивая

нужные им товары на побеги священного лотоса и странные, светящиеся вночи камни, обладающие ужасной силой, совершенно незаметно разрушающей человеческий организм, словно сжигая его изнутри.

По самому Дарфару ходили слухи о затерянных в глухих джунглях покинутых городах из белого камня, о полуразрушенных причудливых башнях, высоко вздымающих свои сломанные клыки над зелёным морем тропического леса, о громадных крылатых существах, рассевшихся чудовищными украшениями на развалинах куполов и минаретов, о том, как вночи полной луны воздух дрожит над постройками, а в уши случайного путника, неосмотрительно забредшего в эти места въедается неслышимая мелодия, заставляющая тело безвольно принимать странные вычурные позы, замирать в жутком столбняке, или, наоборот, извиваться в безумном танце, по-

добном обезьяним или кошачьим прыжкам.

Рассказывают, что создавшая эти города белая раса чем-то прогневала владыку чудовищ, чей ужасный вид мало кто из живущих мог выдержать без вреда для себя. Те, кто смог уцелеть после такой встречи, рассказывали шёпотом, что Владыка больше всего похож на громадного кабана с острыми ушами, похожими на рога. Один вид его может уничтожить неосторожного свидетеля пришествия Кабана. Перед таким приходом всё в джунглях настороженно замирает, а затем воздух оглашается чудовищным по своей силе хрюканьем, визгом и чавканьем. Ибо Кабан никогда не приходит в мир один. Вместе с ним являются и миллионы его подданных, рвущихся в мир, мощь которых заставляет содрогаться землю, обрушивая с гор громадные массы камней. К счастью для людей, Кабан приходит в этот мир крайне редко и далеко от человеческих поселений. И лишь немногие смельчаки или безумцы осмеливаются потревожить покой мёртвых городов белого народа, где по улицам ползают змеи с изумрудными зубами, а из пустых и тёмных провалов окон хищно пылают злобным огнём узкие глаза неведомых демонов, нашедших приют в заброшенных дворцах.

Помня обо всех этих ужасах, чёрные жители предпочитают сражаться за более понятные и привычные цели. Власть над соседями, пусть даже и воинственными, предпочтительнее власти над неведомыми хищниками, что в любой момент могут выйти из-под магического контроля. Колдунов в этих местах почти нет, исключая разве могучий клан жрецов Ронги — свиноголового паука, которому подчиняется большинство тамошних племён. Вой-

ны и перевороты происходят по тем же причинам, что и везде — присоединить соседнее княжество, заколоть царя-вольнодумца, слишком много позволяющего своим подданным, захватить парочку островов в часто посещаемом проливе. Обычный набор интересов.

Земля у чёрных богатая — много золота, орихалка, чёрного дерева и светлых алмазов, а в прибрежных селениях рыбаков и ловцов жемчуга немало сильных молодых парней и красивых девчонок для невольничьих рынков. Опасности те же, что и везде — военные корабли всех окрестных стран, неизвестные рифы и узкие проливы. Морские чудовища редки, а количество местных ловцов удачи не так уж велико, но вполне достаточно для моего процветания, — торговец самодовольно повёл рукой в сторону двери, за которой раздавались песни и громкие выкрики гуляющих пиратов.

— А есть ли здесь какая-то организация, вроде Красного Братства северных морей? Не нравятся мне такие вот братцы, кичащиеся своей принадлежностью к древним и знатным кланам, давно растерявшим всю свою честь, — задал вопрос Ксан. — Не хотелось бы ссориться с подобными типами.

— Нет, ничего похожего здесь не встречается. Есть, правда, Бешеный Пёс Квигрон. Он собрал флотилию в дюжину бортов, но с ним вы вряд ли пересечетесь. Бешеный Пёс сейчас на юге, пытается овладеть столицей Кешей, оставшейся беззащитной после недавнего штурма дарфарскими войсками. Недавно там была большая, кровавая и бессмысленная битва. Судя по донесениям лазутчиков дарфарское войско не смогло взять её с налёту и отшло с немалыми потерями. В крепости тоже осталось немного защищ-

ников. Квигрон почуял добычу и отправился туда, пока чёрные ещё не восстановили силы. Пусть Великий Змей будет милостив к нашим парням, и отряд вернётся сюда с хорошей поживой.

После небольшого, но крайне убедительного урока о пользе правды, преподнесённого валузийцем, торговец стал необычайно словоохотлив. Начав с непроверенных легенд и перейдя к более конкретным вещам, он так и сыпал диковинными названиями неизвестных городов и островов, рекомендациями относительно грабежа тихоходных торговых судов и проклятиями военному флоту Ахерона, где, по словам торговца, на каждом корабле держали сильных магов, способных учить пиратское судно ещё до того, как его мачты покажутся из-за горизонта, и наслать на его команду самые мрачные и злобные потусторонние силы, от которых не было защиты.

Однако, на самой середине разговора, болтливый торговец внезапно резко умолк на полуслове, замерев с полуподкрытым ртом, точно большая рыба, удивлённая тем, что её поймали и вытащили на берег.

— По-моему всё ясно, — проговорил Белый Аспид, вставая из-за стола.
— Спасибо за свежие новости и интересные рассказы, — язвительно обратился он к молчавшему торговцу. — Алона, посмотри, мы тут ничего не забыли?

— Ничего, хозяин, — отозвался чёрный гигант, прихватывая с собой вёдерный бочонок пива, что стоял рядом с торговцем.

— Алона, не жадничай, — укоризненно произнёс капитан.

Почти тотчас же по столу, за которым они только что сидели, покатилась увесистая золотая монета, отчека-

ненная в далёкой Валузии.

— Оставим этого говоруна как есть, пусть сам очухается, или... — проговорил Апни.

Жёлтые глаза капитана на мгновение встретились с взглядом юноши. Этого было достаточно.

Толстый торговец по-прежнему недоумённо смотрел на удаляющуюся троицу. Тело вновь подчинялось ему, неожиданный столбняк прошёл так же внезапно, как и наступил, лишь язык ещё сопротивлялся попыткам произнести хоть что-то осмысленное. Вцепившись в оставленную на столе монету, купец моментально оценил её стоимость, вслед за чем она быстро исчезла в одной из бесчисленных складок его одеяния. Тупо уставившись на дверь, закрывшуюся за его собеседниками, купец медленно соображал, не сболтнул ли он чего лишнего.

Пожалуй, всё-таки нет. А что до их отказа от услуг лоцмана — на здоровье! Гордость мало кого доводила до добра, и если они напорются на риф в полукилометре от острова — им же хуже.

Если только...

Если среди них не было мага, действительно хорошего и умного, с чувством на опасность и добычу, подобного тем, что сидят в своих мрачных каютах на ахеронских драконах. И тогда этому странному северянину действительно может улыбнуться удача...

Глава 3. Работа

— капитан, на берегу что-то происходит, — раздался голос Апни. Юноша чуть ли не пританцовывал на месте от охватившего его избытка непонятных чувств.

— Ну и что? — недовольно произнёс седой капитан, отворив резную

дверь своей каюты. — Я понимаю, что ты способен почувствовать, как за сто миль отсюда совокупляется пара кроликов, но это ещё не повод для атаки! Ты можешь сказать точнее, что там такое? И не вопи так, не то здесь скоро будет половина имперского флота. Ну? Я жду!

— Странная, странная аура... — забормотал юноша. — Я чувствую запах золота... много золота, в изделиях... аура страха и радости, фанатичной, безумной радости... Всё это так перемешано... — закончил он жалобно.

Капитан нахмурился.

Апни ещё какое-то время прислушивался к своим ощущениям, а затем продолжил, уже более уверенном тоном:

— На берегу около ста человек. Воинов, кажется. Нет, никаких кораблей поблизости тоже не слышно. Но эти люди... часть их смертельно напугана... и у них много золота. Я не могу проникнуть в их мысли, такое впечатление, что у них вовсе нет разума. И ещё, они одержимы жаждой смерти...

— Чьей смерти? — взорвался капитан. — Может быть твоей? Так это не долго устроить. Живо говори, сколько там золота!

— Уважаемый капитан позволит выслушать своего слугу? — обратился к нему вышедший из каюты Шетавос, привлечённый шумом на палубе. — Мальчик верно описал то, что происходит сейчас на берегу. Видимо, он просто никогда не сталкивался с подобными вещами, поэтому у него просто нет нужных слов и образов для описания происходящего. Это похоже на ритуал жертвоприношения, вот только непонятно кому. Я не ощущаю поблизости никого из существ невидимого мира, кого могло бы заинтересовать подобное жертвоприношение.

Но запах золота действительно силен, по крайней мере, для того, чтобы мы попробовали им завладеть. Вряд ли мы обидим этим каких-нибудь местных богов, слегка поживившихся за их счёт.

— Ты прав, колдун, — прорычал Ксан. — Боги не нуждаются в золоте, им нужны человеческая плоть и души. А с нас довольно и земных благ! Эй, на руль! Правь к берегу, да смотри, осторожней с мелями!

— Не волнуйтесь, капитан, — проговорил толстый колдун. — Море здесь чистое и глубокое, почти до самого берега. Можем спокойно идти.

Через полчаса стена прибрежных пальм, казавшаяся прежде узкой зелёной полоской на горизонте, приблизилась настолько, что команда пиратского судна уже различала яркое оперение птиц, сидевших в кронах деревьев.

Корабль мягко ткнулся носом в прибрежный песок. Самые нетерпеливые разбойники уже прыгали в воду, оглядываясь в поисках добычи, однако предводитель не спешил последовать их примеру. Он внимательно слушал Шетавоса и Апни.

— В полулиле от берега, не дальше, находится небольшое озеро. Там всё и происходит, — говорил толстый колдун. Действительно, народу около сотни, из них десятка полтора — женщины. Если двигаться осторожно, можно подкрасться к ним и посмотреть, чем они там занимаются.

— Это всё хорошо, но нет ли кого из этих дикарей здесь, в лесу? Я не люблю подобных сюрпризов, когда ты не знаешь, из-за какого дерева вылетит стрела или копьё.

— На этот счёт будьте спокойны, капитан. В лесу никого нет. Похоже, что все местные собрались там, на озе-

ре.

— Надеюсь, всё обстоит именно так, — проговорил Белый Аспид. — Харг, оставляю на тебя корабль и дюжину людей. Смотрите в оба, готовьтесь к быстрому отплытию. Надеюсь, добыча будет солидной. Пошли, черти! Пере режем всех, кто нам встретится!

С этими словами капитан спрыгнул в воду. Вскоре на галере остались лишь резервная команда и боцман. Остальные пятьдесят искателей удачи выстроились полукругом, ожидая приказа капитана.

Ксан внимательно осмотрел отряд. Палец его повелительно углёрся в юного мага:

— Возвращайся на корабль, парень. Я не хочу остаться без обоих колдунов. Толстяка вполне достаточно. Лезь обратно и продолжай прикрывать нас. Заодно, в случае опасности, дашь знать Шетавосу.

Юноша безропотно вскарабкался обратно на борт. На лице его было написано сожаление. Но с капитаном не спорят, особенно с таким, как Ксан.

Капитан остался доволен осмотром отряда. Повернувшись к Шетавосу, он произнёс:

— Ну что ж, колдун, веди. Где это озеро?

— Вон там, капитан, — проговорил Шетавос, указывая куда-то в глубину леса. Прибрежный лес не очень густой, но нас прикроет.

Солнце приближалось к зениту, когда отряд вступил под зелёные своды девственного леса. Тишина его прерывалась лишь трелями птиц и громким стрёкотом насекомых. Морской солёный воздух сменился смесью ароматов мимоз и гигантского дурмана, заросли которого пришлось обойти стороной. Благоухание жасмина, длинных пле тей орхидей и ньенг-ра сливалось над

землёй в широкую реку ароматов.

Стай москитов приветствовали людей радостным звоном, прозрачными облачками вставая из высокой травы и окрестных кустов. Однако этим всё и ограничилось. Шетавос, как и все остальные, не любил назойливый гнус, стремящийся выпить всю кровь из человеческого тела. Но, в отличие от остальных, толстяк знал некоторые меры воздействия на этих крылатых дьяволов. Пираты, уже приготовившиеся к неизбежной атаке насекомых, благополучно продолжали свой путь. Невидимая сила удерживала полчища маленьких вампиров на достаточном расстоянии от людей. Белый Аспид, шедший впереди отряда рядом с Шетавосом, одобрительно кивнул колдуну, благодаря за эту небольшую услугу.

Отряд двигался цепью по четыре человека в ряд. Лес не был очень уж густым, но стоило свернуть хоть чуть-чуть с пути, который отыскивал колдун, как человек почти тотчас же оказывался в непроходимых зарослях. Казалось, лес сам расступается, повинуясь колдуну, и людям оставалось только воспользоваться открывшимся перед ними зелёным коридором.

Под густым слоем травы хлюпала вода, указывая на близость озера. Люди шли тихо, стараясь ничем не выдавать своего присутствия, однако вокруг всё было спокойно и мирно. Громадный вечноzelёный лес, покрывающий весь континент, от Стигийской пустыни до далёких южных скал Атлаи, спокойно принял в себя полсотни пришедших с моря людей, даже не заметив этого.

Джунглям не было дела до их мелких желаний и тревог.

Джунглям, но не людям.

Толстый колдун внезапно замер пе-

ред огромным стволовом поваленного дерева, наполовину погрузившегося в сочашуюся влагой почву.

Он предостерегающе поднял руку. Отряд остановился, и Шетавос указал капитану, стоявшему рядом с ним, влево и вверх:

— Вон там, почти под кронами, видите, там просвет. Мы почти у цели. Дикари на берегу озера, в лесу нет никого, но будьте начеку. Лучше добраться туда побыстрее, я чувствую, что они собирались выбрасывать золото в воду.

— Демонов, магов и прочей нечисти там нет? — поинтересовался худощавый Блаал, тот самый, что когда-то обозвал Шетавоса грушей. С тех пор он проникся некоторым уважением к его способностям и относился к колдуну почти приятельски.

— Нет, ничего такого, — ответил Шетавос. — На корабле тоже всё спокойно, пора переходить к делу. Капитан, я привёл вас на место, остальное — за вами.

— Вперёд, и как можнотише, — скомандовал Ксан. — Подобраться так, чтобы мы могли видеть всё, что там происходит, и затаиться. Атака — только по команде. Шетавос, в драку не лезь, ты мне нужен живой. Прикрывай нас. Всё, пошли!

До окраины леса оказалось не так уж далеко. Впереди слышались человеческие вопли и ужасающие трубные завывания раковин. Перебегая от дерева к дереву, пираты приблизились к краю леса настолько, что могли рассмотреть озеро и то, что происходило рядом с ним.

Озеро располагалось в небольшой котловине, за которой начиналось широкое горное ущелье, уходящее на север. Слоны гор поросли густым ле-

сом, лишь противоположный песчаный берег водоёма был свободен от зелени.

Но не это волновало сейчас разбойников.

Толпа чернокожих сгрудилась на круглом каменном островке, почти в середине озера. Островок был не больше сотни футов в самом широком месте и соединялся с берегом извилистой каменной перемычкой, едва выступавшей над водой.

На берегу находилось с полсотни людей. Острый взгляд разбойников тут же определил четыре десятка вооружённых копьями воинов, окруживших десять связанных женщин. На круглом островке виднелось ещё немного вооружённых людей, но что именно там происходило, понять было сложно.

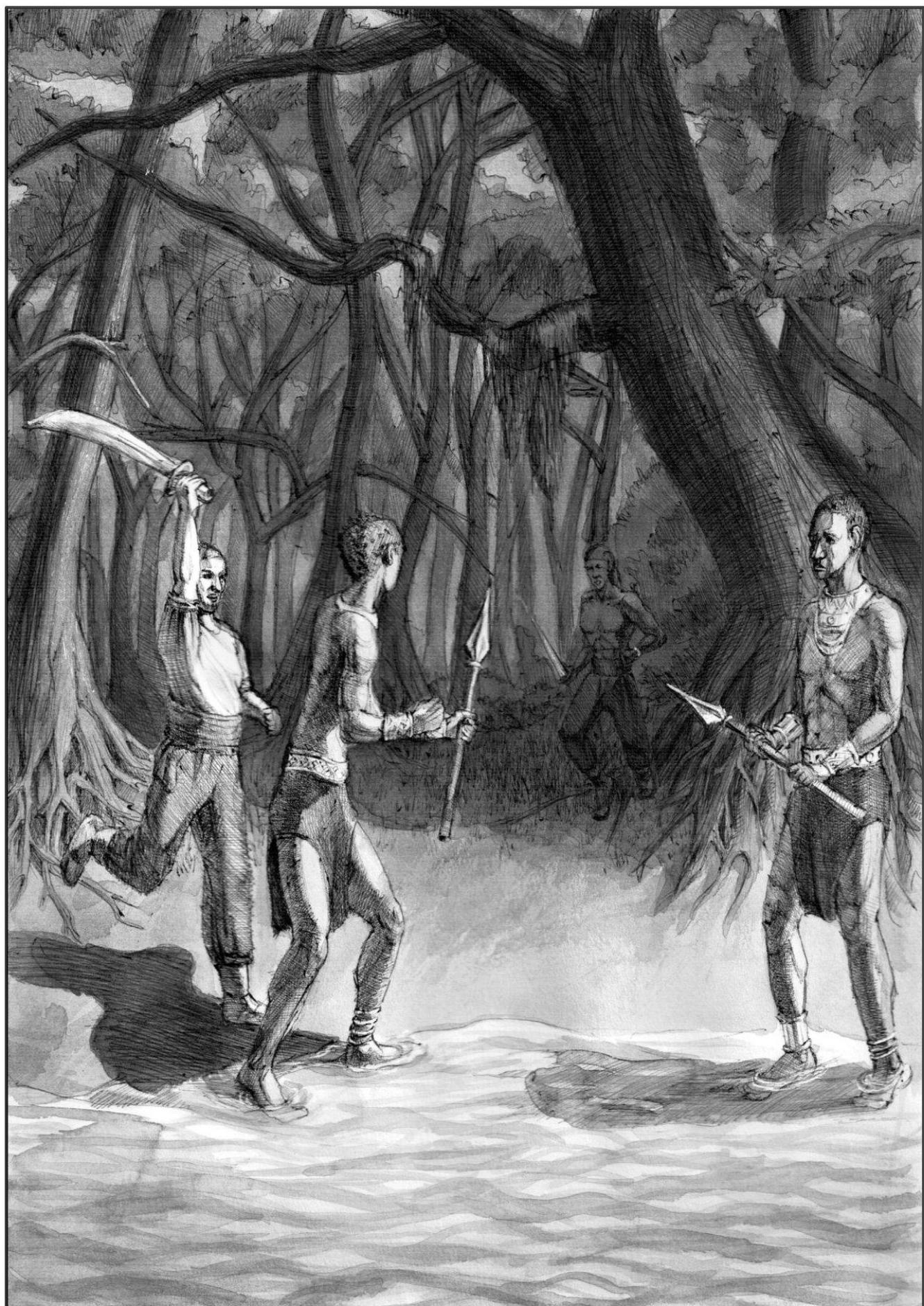
Все эти люди, как женщины, так и те, кто их сюда привёл, носили на себе такое количество золотых цепей, браслетов, диадем и прочих украшений, что это не могло не привлечь к себе внимания любого, кто увидел бы это зрелище.

Особенно тех, кто ради этого золота ломился сюда сквозь негостеприимные джунгли.

Собравшиеся у озера люди похоже совсем не интересовались происходящим в лесу. Впрочем, пираты постарались как следует укрыться от случайного взгляда. Прячась за стволами деревьев, они внимательно изучали противника.

Ни у кого из дикарей не было видно ни клинков, ни луков, никакого другого оружия, кроме коротких копий. Кстати, наконечники этих копий тоже имели знакомый жёлтый цвет. Пожалуй, золото здесь не считали благородным металлом.

Это вселяло в сердца разбойников

приятные надежды. Мысль о том, что кто-то из них может быть проткнут золотым копьём, даже не приходила им в голову. Все уже строили алчные планы относительно этих копий и прочих украшений.

Капитана, по-видимому, тоже удовлетворил осмотр места предстоящего боя и противников. Придя к такому решению, он вытащил из ножен длинный пламенный клинок в шестнадцать изгибов, и с оглушающим боевым кличем «Гравви и Хель!» устремился вперёд.

Команда не замедлила последовать его примеру.

Не ожидавшие атаки, потрясённые воины-жрецы поначалу даже не успели сообразить, что же, собственно, произошло, когда из леса на них ринулась орда вопящих людей, сжимающих в руках острые мечи и кинжалы.

Половина дикарей, стороживших женщин полегла практически мгновенно, даже не успев поднять оружия. Белый Аспид врубился в толпу чёрных как бешеный вихрь, рассекая своим клинком тела дикарей. Длинные, извивающиеся, точно змеи, остро отточенные лезвия рассекали человеческую плоть, словно воду. Валузийский капитан находился в постоянном движении, работая пламенным клинком одновременно на восемь сторон света, не позволяя прикоснуться к своему белому доспеху ни копью, ни камню, ни руке врага, отражая удары, рубя и коля вражеские тела.

Белый Аспид не заметил, как оказался окружён врагами со всех сторон. Однако его подчинённые увидели, в каком положении оказался их капитан. Короткие копья дикарей не могли долго противостоять абордажным саблям и боевым арбалетам.

Тихое озеро огласилось звоном металла и воплями боли, которые иногда перекрывал пронзительный женский визг. Морские разбойники медленно, но неуклонно теснили дикарей, прижимая их к каменной перемычке, соединявшей берег с островом, где находилось ещё некоторое количество вооружённых людей. Пираты, не сговариваясь, пришли к решению перебить всех, держащих в руках оружие.

Несмотря на яростную атаку, дикари сумели выстроиться в какое-то подобие оборонительного строя, отражая пиратские клинки и постепенно отступая на перемычку, стараясь, несмотря на всё, держать своих женщин как можно дальше от врага.

А пираты продолжали наступать.

Пятеро из них были ранены золотыми копьями, причём двое — довольно серьёзно. Они остались на берегу с Шетавосом, пытающимся помочь им хоть чем-нибудь до возвращения на корабль. Остальные же продолжали увлечённо теснить противника, загоняя дикарей на середину озера. Вскоре каменный перешеек сузился до десяти футов, что позволяло вести бой лишь двум-трём парам одновременно, без риска свалиться в глубокую воду. Остальным приходилось находиться за спинами сражающихся, ожидая момента, когда кто-то из первого ряда выйдет из строя. Острые сабли рубили короткие древки копий, и пиратам всё чаще приходилось переступать через очередное чёрное тело, истекающее кровью.

Прежде чем достичь островка, пираты потеряли двоих. Но вот узкая каменная полоска вновь расширилась, и разбойники, до сего момента вынужденные находиться за спинами товарищей, теперь с яростными воплями обрушились с трёх сторон на

оставшихся в живых дикарей.

Тех оставалось не больше десятка, но сражались они как настоящие дьяволы. У этих воинов-жрецов оказались не очень большие, но достаточно острые мечи, и, заняв круговую оборону, они продолжали медленно сдерживать бешеный натиск пиратов. Но этому сопротивлению не суждено было продолжаться долго. Тонко пропел арбалет, и дикарь рухнул на камень, обильно орошая его кровью, под ударами сабель свалились ещё двое...

Отступать было некуда, чёрные понимали это, но всё-таки продолжали безнадёжное сражение. Что могли сделать они против одержимого жаждой наживы врага, превосходящего их как минимум втрое?

Подсчитав соотношение сил, пятеро пиратов пришли к выводу, что своим присутствием они только помешают своим товарищам, и потому занялись не менее полезным делом — отловом женщин, которых должны были принести здесь в жертву неведомым богам.

Пока их товарищи добивали оставшихся в живых, эти пятеро принялись медленно теснить женщин к берегу озера. Связанные до колен, те могли лишь медленно семенить, тщетно пытаясь убежать от белых демонов, вышедших из леса. Вскоре восемь беспомощных пленниц были согнаны в небольшую стайку.

Ещё одна девушка находилась в центре островка и, похоже, не собиралась никуда бежать.

К этому моменту из дикарей в живых осталось всего двое. Пара выстрелов из арбалета — и сражаться стало не с кем. Разгорячённые боем, ещё не до конца осознавшие, что врага больше нет, пираты потянулись на противоположный конец острова, туда, где

пятеро товарищей стерегли женщин. Несколько человек направились к одиноко стоящей жертве — пленнице, находившейся в центре острова. Однако, приблизившись к ней на расстояние нескольких шагов, разбойники в изумлении замерли.

— Что за дьявол! — воскликнул один из них, глядя себе под ноги. — В жизни не видел ничего подобного!

Жёлтый, кое-где потрескавшийся камень островка становился здесь прозрачнее хрусталя. Солнце, находившееся ещё довольно высоко в небе, пронизывало своими лучами прозрачную твердь, в глубине которой виднелись какие-то тёмные пятна.

Присмотревшись к этим пятнам, разбойники вздрогнули от ужаса.

Словно мухи в капле янтаря, в глубине прозрачного камня висели человеческие тела.

Отведя взор от ужасного зрелица в прозрачном камне, они внимательнее присмотрелись к девушке посреди каменного озера

Девушка не могла убежать от них. До колен она была погружена в прозрачный камень. На пиратов она совершенно не обращала внимания, отрешённо глядя в пространство, словно не замечая вооружённых людей. Пожалуй, что она чем-то одурманена.

Самый нетерпеливый разбойник, решительно направившийся к ней, смог сделать всего несколько шагов по прозрачной тверди.

До девушки оставалось с полдюжины футов, когда разбойник почуял неладное.

Несмотря на все усилия, он не мог оторвать ног от прозрачной субстанции, по которой шёл. Коварный хрусталь не желал отпускать его сапоги. Медленно и неуклонно хищное стекло

засасывало его вниз.

Однако пираты быстро пришли в себя.

Только двое из них неосторожно вышли на это опасное место. Первый валузиец, необдуманно пытавшийся добраться до приносимой в жертву девушки удивлённо-испуганно завопил о помощи.

Последовавший за ним другой разбойник, тот, что заметил раскрывшуюся под ногами прозрачную бездну, находился всего лишь в полу шаге от спасительного твёрдого камня острова. Извернувшись всем телом, он протянул руки своим товарищам, стоявшим на твёрдом камне. Четверо пиратов мощным рывком выдернули его из сапог, медленно тонувших в хрустальном болоте. Со вторым пиратом оказалось сложнее. До него было не меньше десяти футов — ни перепрыгнуть, ни подать руки.

Однако выход нашёлся.

Каменный лоб островка усеивали тела погибших дикарей.

Если хищному острову требовались человеческие тела, он получил их достаточно. Прозрачный камень поглощал свои жертвы довольно медленно. К счастью для неосторожного разбойника, его сапоги были достаточно высоки. К тому моменту, когда его товарищи навели к нему настил из мёртвых чёрных тел, он погрузился в хрустальное болото всего лишь по щиколотку. С помощью пришедших на выручку товарищей, он осторожно вылез из своей обуви. Выбравшись обратно на честный твёрдый камень островка, он устало сел наземь, словно подломившись. Слишком страшным и неожиданным оказалось выпавшее ему испытание.

Остальные же, убедившись в том, что опасность миновала, занялись тем,

ради чего они сюда пришли. На покойниках висело слишком много золотых украшений, совершенно им не нужных.

Наконечники копий также не были забыты, и вскоре всё золото уже поколилось в заплечных мешках разбойников, ожидая раздела. Связанные девушки перешли под конвой шести пиратов с длинными острыми саблями, жестами и криками направившими их обратно на берег. Впрочем, девушки не возражали против подобного обращения, избегнув ужасной медленной смерти в прозрачном камне.

Белый Аспид завершал обход островка в поисках остатков золота. Все покойники уже были обобраны, когда взгляд его упал на тот десяток мёртвых тел, что служили мостиком к спасению неосторожного пирата. На некоторых из них ещё виднелись золотые цепи и украшения в проколотых носах и ушах.

— Эй, куда это вы? — раздался его зычный голос. — Вы что же, собирались оставить это всё здесь? Тут же ещё не меньше десяти фунтов золота!

— Но, капитан, — осторожно взразил один из пиратов, — вы же сами видели, на что способен этот проклятый остров. Я не хочу быть одним из тех, кто сейчас там — он указал вниз, в прозрачную глубину.

— Ты не хочешь! — рявкнул капитан. — А золото ты любишь?

— Люблю, — ответил тот, — но лучше я отберу его в честном бою, а не потащу из зубов дьявола. Простите, капитан, но я туда не полезу.

— Не полезешь, и не надо, — ответил Белый Аспид. — Тогда стой и смотри!

Лёгкой, осторожной походкой Ксан прошёл по трупам, лежащим на поверхности хрустального болота.

Алчный хрусталь вместе с телами поглощал и висевшее на них золото, поэтому капитану могли достаться лишь те части цепей, что ещё не со-прикоснулись с прозрачным камнем. Но и этого было достаточно. Взмах клинка, звон перерубаемого металла и очередная добыча исчезает в его мешке. Вот, наконец, и последний покойник освобождён от драгоценного груза.

Однако Белый Аспид ещё не полностью удовлетворил свою алчность. Выбравшись на камень, он пристально рассматривал девушку, что погрузилась в хрусталь уже до середины бёдер. Пираты, в свою очередь, изумлённо смотрели на своего бесстрашного вожака, которыйбросил с плеча мешок с обрывками цепей и украшений и, взвалив на плечо очередной труп, направился обратно по настилу из мертвецов, с явным намерением добраться до девушки, на которой тоже висело немало украшений из столь милого его сердцу металла.

Для завершения моста не хватало совсем немного, и капитану пришлось вернуться на каменный лоб за ещё одним мертвецом.

Одурманенная девушка не сопротивлялась его рукам, позволив снять с себя все цепи, заколки из волос и тяжёлые серьги, которые Ксан, не церемонясь, просто вырвал из ушей. Девушка не отреагировала и на это. Пожалуй, она вообще не чувствовала боли.

К этому времени часть тел уже почти погрузилась под прозрачную поверхность.

Но капитан успел.

В несколько прыжков Белый Аспид добрался до берега хрустального болота, бросив свою добычу под ноги более осторожных пиратов, восхищённо следивших за капитаном.

— Вот теперь — всё! — довольно произнёс он.

Хищная улыбка озарила его лицо при виде разбойников, околдованных смелым поступком их предводителя.

Только так и следовало поддерживать в подданных веру в силу своего вождя. Совершенно очевидно, что после этого поступка авторитет его возрос ещё больше. Брошенное наземь золото моментально исчезло в мешках и капитан, обернувшись, удовлетворённо посмотрел назад, на страшную прозрачную ловушку.

С удивлением он увидел, что три трупа до сих пор спокойно лежали на прозрачном камне, в то время, как над остальными уже сомкнулась поверхность болота. Всматрившись внимательнее, он понял, что эти тела были ограблены до того, как пираты использовали их в качестве настила. Пожалуй, что каменное болото отказывалось от тел, лишённых драгоценного металла.

— Однако же, какое всё-таки зло, это золото, — задумчиво произнёс он.

— Эй, вы, волчье отродье, — обратился он к своим товарищам, — хотите узнать верный путь к бессмертию? Преисподня отказывается от тех, у кого за душой ни крупицы презренного жёлтого металла — взгляните на тех черномазых! Им нечем заплатить за вечную сохранность своих тел и потому они обречены позорно разлагаться, пачкая этот прекрасный светлый камень. Откажитесь от вашего проклятого золота — и вы будете жить вечно — райское блаженство на небесах тоже стоит немало, разве что плату за это принимают в других храмах. Эй вы, дети алчности! Вы хотите жить вечно?

Дружный хохот и рёв восторга, раздавшиеся в ответ на грубую шутку ка-

питана подтвердили стойкое нежелание пиратов расставаться с прежним образом жизни.

Уже на каменном перешейке, капитан, вдруг вспомнив о чём-то, отобрал у одного из пиратов арбалет и, прицелившись, пронзил короткой стрелой грудь девушки, остававшейся закованной в камень.

Кровь залила хрусталь и, переломившись в поясе от мощного удара стрелы, несчастная жертва застыла, точно кукла, сломанная капризным ребёнком.

— Так будет лучше для неё, — сказал капитан, возвращая арбалет хозяину. — У неё больше нет золота, чтобы заплатить стражу ворот Вечности... а для того, чтобы умирать подобной медленной смертью, она слишком молода и красива. Хотя, наверное, можно было бы и освободить её, отрубив ноги. Интересно, что бы она предпочла?

Отряд собрался на берегу озера. Белый Аспид, отыскав Шетавоса, поинтересовался о понесённых потерях.

Тroe погибших и столько же серьёзно раненых, не считая лёгких порезов — таков был общий итог сражения. Двое погибли в бою на каменном перешейке. Разбойник, получивший глубокую рану в живот, попросил обхаживавшего его Шетавоса о быстрой смерти. Колдун, тоже понимая, что все его познания и способности не могут помочь здесь, милостиво надавил ему две точки на шее, отпуская на волю его душу. Остальные раненые чувствовали себя достаточно прилично, после того как толстяк остановил им кровь и наложил некоторые исцеляющие заклятья.

Добыча оказалась солидной. В руках пиратов оказалось полторы сотни фунтов золота и восемь молодых ра-

бынь, за которых можно было выручить вполне пристойную сумму.

Оставив без внимания мелкие подсчёты, Ксан грозно обратился к Шетавосу:

— Ты говорил, что золото и женщины собираются бросить в воду, — произнёс он. — Однако вместо воды там оказался какой-то дьявольский камень, засасывающий людей. Ты говорил, что здесь нет никакого колдовства, но двое моих людей чуть не погибли на этом прозрачном болоте, о котором ты не предупредил. Что ты скажешь в своё оправдание, жирняга?

— То же, что и раньше, — твёрдо ответил Шетавос. — Ни в озере, ни на острове нет никаких следов колдовства, только камень и вода. Я никогда не сталкивался с подобным, но слышал, что могут существовать камни, ведущие себя как вода, однако в этом нет никакой магии. Забравшись в мозги этих людей, я нашёл образ жертвы, погружающейся в холодную, прозрачную глубину. Вполне естественно предположить, что тонули они в воде, которой в этом озере много больше чем жидкого хрусталия. Спутать такое мог и более опытный маг. Я лишь описывал то, что видел. Причём не глазами.

— Ладно, спасибо и на том, — проворчал капитан. — А теперь показывай, как нам побыстрее пройти к кораблю.

— С удовольствием! — ответил Шетавос.

Путь от дарфарского побережья до Торговых островов занял четверо суток. Война, шедшая в чёрных государствах Юга, возможно и приносила прибыль, но только не «Белому Аспиду». Пираты почти не встречали на своём пути торговых судов, а при-

брежные города и посёлки были разорены задолго до них. Население стремилось укрыться в глубине материка, подальше от военных кораблей противника, едва ли не превосходивших по жестокости морских разбойников. Опустошив побережье, военный флот тоже перестал обращать внимание на побеждённых, представляя им возможность зализывать раны и копить новые богатства. Объединённые способности Апни и Шетавоса позволили «Белому Аспиду» благополучно уйти от столкновения с двумя военными кораблями Куша, обогнув их на безопасном расстоянии.

Наступал черёд попробовать, какова на вкус страна древних магов и неисчислимых богатств, накопленных в храмах Харст-Гу, свирепого Бога-Кабана, повелителя Империи Ахерон.

Торговое судно медленно выбиралось из-за длинного скалистого мыса, похожего на чудовищный гребень. Сорокавёсельный неповоротливый круглобокий купец держал курс на юг, туда, откуда совсем недавно вернулся корабль валузийских пиратов. Торговец со спокойной уверенностью правил вдоль синеватой полоски берега, уверенный в абсолютной безопасности.

Однако уверенность эта была ложной.

Скалистый мыс остался за кормой торговца. Лёгкий ветер едва наполнял косой парус. Разумный мореход не станет понапрасну расходовать силы гребцов. Тем более что ветер понемногу свежел. Судно уверенно приближалось к своему конечному пункту — стигийскому порту Каноб, до которого оставалось не больше десяти миль.

Однако торговцу не суждено было попасть туда.

Простиравшийся далёко в море скалистый мыс, который они только что обогнули, был изрезан маленьками, уютными глубокими бухтами.

Идеальное место для засады.

Белый Аспид обнаружил этот мыс утром прошлого дня, медленно двигаясь в поисках добычи вдоль пустынного берега. Обогнув на приличном расстоянии Каноб, в гавани которого стояло, по меньшей мере, пять ахеронских военных галер, вовремя отслеженных Шетавосом, капитан принял решение найти подходящее место у берега и затаиться в ожидании добычи. Море в этих краях было довольно оживлённым, однако валузиец не хотел рисковать, подставляясь под удар какого-нибудь ахеронского дракона, вооружённого не только ужасной «слюной ифрита» но и командой воинов-магов. Тактика пирата максимально проста и эффективна — увидел, догнал, обобразил — и поскорее на гостеприимные Торговые острова, гулять и отдыхать. Долгая же болтанка в море в ожидании добычи приводила лишь к вооружённым столкновениям с вояками, что не приносili никакого дохода и вдобавок забирали совсем не лишние жизни, а то и вовсе оканчивались поражением. Пираты не понаслышке были знакомы с таким положением дел и неутешительная перспектива стать лишённым разума и воли галерным рабом ни разу их не устраивала. Много приятнее дождаться в укромном месте глупой и жирной добычи, что сама плывёт в руки. Такая тактика не раз приносила Белому Аспиду успех и богатство, и он не собирался отказываться от неё здесь, в чужих для него водах.

Дичь везде одна и та же. Лишь то обстоятельство, что в валузийских водах стало слишком много кораблей

Семи Империй, мешающих вольному разбойнику спокойно заниматься любимым делом, вынудило его отправиться дальше на юг.

Остановившись на ночь в уютной бухте, пираты недолго ждали добычу.

Солнце начинало сползать к закату, когда Апни обнаружил приближающееся с севера местное торговое судно. Совершенно беззащитное, что было приятно вдвойне. Разумеется, палубная команда в расчёт не принималась — разбойникам не впервые приходилось беседовать с матросами других кораблей на языке стали. Но простые матросы всегда предпочтительнее отряда наёмников, что частенько содержались на судне осторожными купцами.

Однако на этом судне не было и следа какой-либо серьёзной охраны. Более того, слишком жадный или же чересчур самоуверенный купец не держал на корабле даже плохонького мага, видимо, наизусть зная всё побережье.

Тем хуже для него.

Вёсла вспенили воду бухточки, выводя корабль в открытое море. Барabanный бой задавал ритм гребцам, постепенно убыстряясь. Вот уже и большой белый парус поймал осторожный порыв ветра, добавивший кораблю хода.

«Белый Аспид» стремительно нагонял торговца.

Там заметили это. До сих пор отдыхавшие гребцы схватились за вёсла, стараясь увеличить дистанцию между судами, однако, тяжёлое судно было нелегко заставить двигаться быстрее.

Неожиданное нападение — основной козырь пиратов — и на этот раз великолепно исполнил свою роль. До торговца было уже около сотни саженей, и расстояние это стремительно

сокращалось. Рядом с бортом торговца расцвело множество белых фонтанчиков — суда сблизились на расстояние выстрела. Вскоре с торгового судна послышались громкие проклятия и крики боли. Стрелы начали находить цели. Жертва ещё пыталась производить какие-то манёвры, но это привело лишь к тому, что парус их безвольно повис, потеряв ветер, приближая неотвратимую связку.

На носовой надстройке «Белого Аспида» уже толпились пираты, ожидая касания чужого судна. Абордажный мостик ощетинился острыми металлическими когтями подобно лапе тигра, готового вцепиться в тело жертвы. На торговце, видимо, поняли, что драки не избежать. В сторону пиратов полетели вражеские стрелы, однако высокий борт пока что надёжно укрывал разбойников от свистящих в воздухе смертоносных жал.

Глухой деревянный стук и протяжный скрип возвестили о том, что суда, наконец, соприкоснулись. С «Белого Аспида» на палубу торговца полетела масса абордажных крючьев, намертво сцепивших суда. Ахеронцы рубили канаты, притягивавшие их к пиратскому кораблю, отталкивались от него вёслами, но всё было напрасно. Оба абордажных мостика почти одновременно упали на палубу торговца, окончательно соединив два судна, и пираты ринулись на штурм.

Полсотни одержимых неукротимой жаждой наживы морских дьяволов почти моментально перелетели на палубу торговца. Несколько пиратов упали, сражённые стрелами, но это были последние выстрелы ахеронцев. Кровавая свалка разворачивалась практически на всей палубе, и хотя численный перевес был на стороне ахеронцев, пираты не впервые сражались

лись с противником, превосходящим их числом. Главное — ошеломить врага, не дать ему опомниться от самой первой, самой яростной атаки, вселить страх и смятение в его души.

И пиратам удалось это. Из ртов разбойников текла красная пена, но то была не кровь. Перед битвой почти все они жевали побеги священного алого папоротника, что придавал человеку силу и бесстрашие, заставляя не чувствовать боль от ран и удивительно прояснял разум, обостряя все чувства. Что могли сделать матросы купеческого судна против этих дьяволов, жаждущих крови тех, кто осмелился встать у них на пути?

Беспорядочная свалка вскоре сменилась организованным наступлением. Пираты постепенно теснили ахеронских матросов в сторону носовой надстройки их судна. Некоторые, видя всю бесполезность сопротивления, бросили сабли, показывая, что желают сдаться, однако это не принесло им никакой пользы, кроме быстрой смерти. Пираты рубили всех, не разбирая, кто чего хотел. Подавить сопротивление, загнать врага в угол, уничтожить как можно больше противников, а затем, убедившись в полной и окончательной победе, можно позволить себе немного пообщаться с уцелевшими — если, конечно, они захотят этого. В противном случае, непокорная команда вырезается вся до единого человека.

Нечто подобное должно было произойти и сейчас.

Слишком уж безрассудно и фанатично сражались ахеронцы, несмотря на то, что силы их таяли с каждым мгновением. То и дело очередной матрос падал под ударами пиратских стрел и клинков. Разбойники тоже несли потери, но их яростные атаки

шаг за шагом теснили матросов. Всё чаще пиратам приходилось переступать через очередного упавшего моряка, сражённого их клинками. Дымящаяся кровь замила палубу, сапоги скользили, заставляя предательски открываться ударам вражеских сабель. Однако сок священного папоротника не позволял страху смерти проникнуть в души пиратов, красный цвет слюны лишь возбуждал жажду крови. Атакующие буквально не могли остановиться в этой жуткой резне. Иногда случалось даже так, что возбудившие себя священным растением люди начинали рубиться со своими же товарищами после того, как был повержен последний противник.

Однако сейчас до этого не дошло.

Белый Аспид выдернул свой пламенный клинок из тела очередного противника.

Быстро огляделась по сторонам, он увидел, что бой практически закончен. От команды захваченного судна осталось лишь два человека, которых пираты прижали к борту. Кровь лилась из многочисленных ран, покрывавших тела ахеронских матросов, однако они продолжали защищаться, видимо, желая подороже продать свои жизни. Эта последняя схватка не могла продолжаться долго, и капитан решил вмешаться, пока не стало слишком поздно.

Спрятав с носовой надстройки на палубу, он быстро и безжалостно отшвырнул одного из четверых нападавших пиратов в сторону, так, что тот покатился по палубе почти к противоположному борту, и, не довольствуясь этим, заревел во всю глотку:

— Эй вы, черти, остановитесь! Мы победили! Посмотрите, воевать больше не с кем!

Как бы в ответ на это, один из ахе-

ронцев, решивший, видимо, воевать до самого конца, стремительно атаковал капитана. Однако тот был начеку. Отведя в сторону яростный удар ахеронца и уклонившись на полшага в сторону, мгновенным поворотом своего змеиного клинка отсёк матросу руку, державшую саблю. Тяжёлое лезвие вошло ахеронцу в бок, и мёртвый матрос свалился на палубу. Товарищ его, оставшись один, вовремя понял, чем может грозить ему продолжение сопротивления. Он опустил свою саблю, с плохо скрываемым ужасом глядя на окружающих его пиратов.

Голос капитана подействовал на него отрезвляюще.

— Брось оружие, — обратился Белый Аспид к матросу.

Тихо звякнула упавшая сабля. Слишком хорошо было видно, что может последовать за неподчинением приказу.

— Ты хорошо сражался, а я уважаю храбрость. Сейчас тебе ничто не угрожает, и ты можешь рассказать мне, за что ты сейчас дрался. Ну, отвечай, что у вас за груз, за который не жалко отдать сотню человеческих жизней?

— Шлифованный лазурит и яшма для храма Сета в Коптосе, — произнёс матрос. — Проклятие Великого Змея падёт на ваши головы, если вы осмелитесь наложить свои руки ни то, что предназначено богу.

— Проклятие Змея, говоришь? — произнёс Белый Аспид. — Взгляни мне в глаза, человек! Я сам из рода великого Сета, — ахеронец содрогнулся при виде его жёлтых глаз с вертикальным зрачком кобры. — Неужели наш великий отец будет настолько скончан по отношению к своим детям, что не уделит им малую толику от своих щедрот? Показывай груз! — распорядился Ксан. — И главное, веди себя спокой-

нее, это сохранит тебе жизнь...

Безоружный ахеронец молча указал пиратам на два больших люка в палубе, густо политой кровью. Пираты, разгорячённые сумасшедшей схваткой, бросились взламывать запоры трюма. Вскоре их радостные вопли подтвердили правдивость слов последнего оставшегося в живых матроса.

Неудивительно, что захваченное судно было так неповоротливо — оно было до отказа набито глыбами самоцветов.

Пираты, быстро превратившиеся из безжалостных убийц в носильщиков, сноровисто перемещали ценный груз на «Белый Аспид». Ахеронец молча наблюдал за этим, в глазах его была печаль, смешанная с суеверным ужасом перед совершающим богохульством.

— Скажи, почему на вашем корабле не было никакой охраны? — спросил у матроса Ксан. — Неужели в этих водах совершенно нет разбойников?

— Все знают, как выглядят корабли, принадлежащие храму Великого Сета, — ответил тот. Вы чужие здесь, но Великому Сету нет разницы, кто покусился на то, что принадлежит только ему. И я не завидую вашей дальнейшей судьбе. Отныне все вы принадлежите Сету, и если с вами что-то случится, знайте — это он пришёл покарать вас за святотатство.

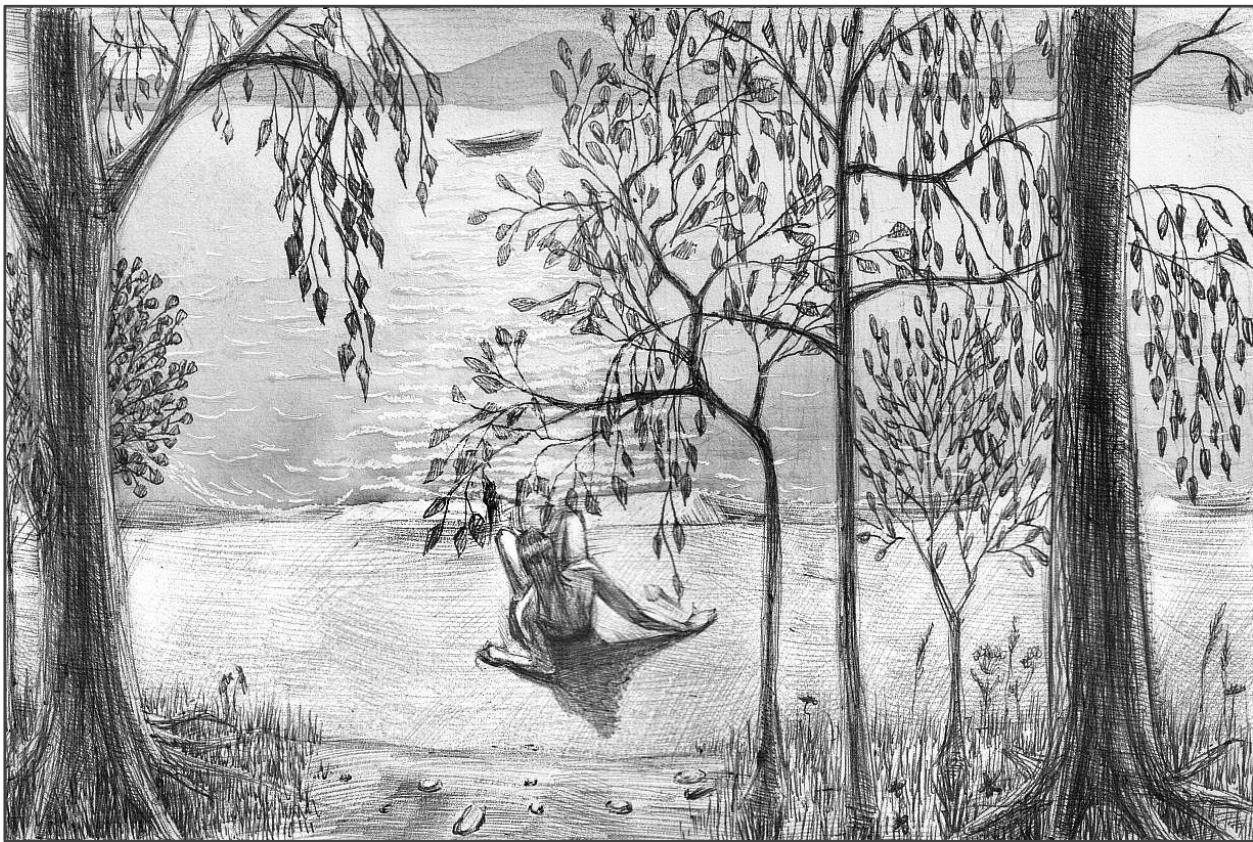
— Наказать, говоришь, — произнёс Ксан. — Пусть так. Многие боги благодаря мне недосчитались своих законных пожертвований, но, как видишь, я бодр и здоров. И я справедлив. Мой корабль не сможет принять на борт весь ваш груз, без угрозы потонуть под его весом. То, что останется здесь, я оставляю тебе вместе с судном. Можешь делать всё, что придёт тебе в

голову. А с Великим Сетом мы как-нибудь договоримся. Это моё последнее слово.

Произнеся это, Ксан отправился на «Белый Аспид». Солнце уже почти закатилось, когда он скомандовал прекратить погрузку. Пираты быстро расцепили корабли, не особо заботясь о состоянии ограбленного судна, вырубая из его палубы и бортов абордажные крюки и мостики. Отягощённые добычей пираты разворачивались в сторону Торговых островов. Парус их вскоре поймал вечерний бриз, и «Белый Аспид» направился в открытое море.

Ахеронец молча следил, как исчезает вдали его белый парус...

Окончание в следующем номере

Сергей Чернов

История без имени

Стать места потаённые, скрытые от людских глаз. Те, в которые не проникает солнце, и по чьим дорогам не бежит луч слепой луны. Один удел там — безмолвное ночное небо и твёрдый купол из зелёных ветвей. В часы утра там, укрывшись золотой росой, пляшут мариды под пение серебряных птиц. А с наступлением тьмы воют и стонут над своими сокровищами алчные гули, да точат об кору дети Иблиса свои стальные когти.

Аль-Халим ушёл в лес, когда в бороде его появились нити серебра. Он был красивым крепким мужчиной, умеющим руками своими делать такие прекрасные вещи из камня и чужеземного дерева, что глаза людей, видевших их, расширялись от удивления. Его любили, его уважали, возно-

сили и почитали, как идола. Ни одно важное дело не проходило без его ведома и участия. К нему приходили люди с просьбой и за советом. Даже старики, хотя был он моложе их. Со временем дом его украсили дорогие ковры... но в волосах забелела седина. И тогда — в день осени — настигла его тоска. Она взяла в полон его крепкие руки, проникла в самое сердце, заставив погрустнеть очи, так что даже хмельная арза¹ не могла зажечь их снова. С тех пор Аль-Халим стал другим. Лица прохожих и даже людей близких, любимых, лица друзей и старейшин стали чужды ему. Он стоял перед стенами своего дома, мечтая втайне заколотить

¹ Арза (хорза) — крепкая кумысная водка, традиционно изготавливаемая в Калмыкии. Пьется только горячей. Изготавливается из араки путем повторной (или тройной) перегонки.

навсегда дверь и окна. За что бы он ни брался, то рушилось, падало, разбивалось. И лежал он целыми днями на прошитых золотом подушках, не смыкая глаз, безвольно разглядывая узоры своих дорогих ковров.

Но вот настал день, и он пропал. Только сторожевые псы, не спящие в ночи, углядели, как по новой луне уходил в лес Халим-мастер.

Страшные вечноzelёные чертоги расступились перед ним, и Аль-Халим распознал, как ужасен, мрачен лес снаружи — и как прекрасен изнутри. Совсем как чёрная запылённая шкатулка, в которой играют, переливаются под солнцем драгоценные камни. Каждый куст, каждый зверёк приветствовал Аль-Халима на его новой стезе. Нежный дурманящий ветерок обласкал ему щёки. И толстые, покрытые мхом гиганты, казалось, сгибались перед ним в поклоне, на что Аль-Халим отвечал тем же, касаясь тюрбаном земли.

Аль-Халим зажил охотой — раньше он не охотился так никогда. Зверь сам шёл ему в силки, ложился под стрелы. Отдавая дань традиции, Халим оставлял лучшие куски огню, лесу и духам его. А те в ответ берегли его как собственного сына — дарили ему лучшие свои сокровища. Таких орехов, таких плодов не ел до того Аль-Халим. А уж эти ягоды — крупные и сладкие, как сахарная голова...

По старым книгам праотцов, взятым им из дома, собирал Аль-Халим травы, лечился ими и стал даже крепче и моложе прежнего.

Вступив первый раз под кров деревьев, Аль-Халим изгнал из своей души былую тоску, на место которой пришли восторг и детское восхищение. Жизнь его изменилась, и он был рад этой перемене.

Ночью, когда он готовился ко сну, слушая, как вдали ухает сова, душа его трепетала. Совсем как в тот миг, когда перед ним прошёл своей гордой, ленивой походкой тигр. Полосатый янтарный мех его играл на солнце, а полный небрежной моси хребет прогибался под тяжестью собственных мышц. Не удостоив Аль-Халима даже взглядом, царь леса прошёл перед ним, скрывшись в чаще.

«Вот та судьба, что околдовала меня, заманила в свои объятья. А я принял их, растворился в них — стал её частью», — думал Аль-Халим, отходя ко сну. И был он счастлив.

Через какое-то время — трудно сказать, сколько его было нужно: недели, месяцы, годы? — Аль-Халим поменялся навсегда. Прохладный лесной воздух навечно выдул все воспоминания о прежней жизни. Все городские привычки, все прежние притворные мысли улетучились из его головы. Встретив на звериных тропинках своих бывших друзей, Аль-Халим не узнал бы их, как и они не узнали бы его. Тонкая его одежда изорвалась о ветки, превратившись в лохмотья — Аль-Халим заменил её звериными шкурами. Волосы и борода его разрослись. Тёплые дожди омывали его от пыли и грязи. Кроны деревьев укрывали его по ночам. Ложем служила ему перина мха. Он жил своей жизнью, простой и прекрасной одновременно.

И вот Аль-Халим вышел на берег озера, большого и круглого, как блюдце. Высокие тёмные скалы обрамляли его с трёх сторон, нависая над водой. Тень от них ложилась на гладкую поверхность, делая озеро тёмным и бездонным. Но сейчас солнце стояло в зените, и лучи его заставляли воду блестеть и светиться. Скалы держали озеро, как золотая оправа

держит изумруд.

На песчаном берегу — единственном среди скал и леса — чернели огарки старого костра, а рядом с ними лежала ветхая плоскодонная лодка, оставленная, должно быть, каким-то забредшим сюда рыбаком.

Аль-Халим столкнул эту лодку на воду, и она поплыла, унося его к центру озера. Аль-Халим лёг на деревянное дно, гребя руками воду за бортом, недвижимую как ртуть. Лодка была старая, но крепкая, добротно промасленная так, что ни одна капля не просачивалась через доски. Уже совсем скоро она была далеко от берега.

Глубина воды манила Аль-Халима. Выпрямившись, бросился он в воду, и та сомкнулась над его головой. Сразу же охватил его древний холод, заставивший часто стучать сердце. Но Аль-Халим быстро свыкся с этим чувством, вслед за которым пришло упругое спокойное наслаждение.

Солнечные лучи пронизали толщу вод, играя в их мраке. На далёком дне чернели какие-то предметы. Охваченный любопытством Аль-Халим поплыл к ним, сильно загребая руками. Но вдруг остановился. Крик пузырями исторгся из его рта.

Там, на дне, подобно свечам, стояли шеренги людей. Руки их были прижаты к телу. В бородах запуталась тина. Глаза — распахнуты.

Не помня себя, Аль-Халим добрался до берега, и долго ещё метался по лесу крик безумца.

Давно это было, но лодка по сей день на том же месте — не сдвинувшись к берегу ни на палец.

Даже ветер осторегается тревожить воды Озера Джиннов.

Роман Дремичев

Озеро тумана (из цикла «Легенды Эйола»)

Их и спокойны воды холодного горного озера. Словно застывшее зеркало, отражают они синее высокое небо и бегущие вдаль по нему облака. В ожерелье диких кустов и высоких трав нежится оно среди скал и горных вершин, упирающихся прямо в купол небес. Несколько старых, покрытых мхом деревьев высятся на берегу, склоняя свои пожухлые кроны почти до самой земли, припадая искривлёнными стволами к холодному камню.

Но глубинный мрак таится под видимостью спокойствия. Чёрные слизкие водоросли припадают к берегу, словно уставшие пловцы, вынырнувшие на свет с опасной глубины. Низко скользит над землёй тишина — не

слышно пения птиц, в кустах не шелухнётся дикий зверь, ничто не нарушает плеском застывшее серебро озера. Лишь высоко у самых вершин иногда захочится протяжным воем бродяга-ветер, навевая тоску и печаль.

Всякий из живых, увидевший эту картину, наполнит свою душу красотой и спокойствием, смиренiem и безмятежностью. Но иногда видения бывают обманчивыми, и до поры лишь тишина и ветер главенствовали в горной неприметной котловине, да солнце сверкало лучами, отражаясь в невозмутимой глади воды.

Ёрные, подсвеченные синевой тучи сгостились над высокими скалами, оглушительно гре-

мел гром, дождь почти непроглядной стеною сыпался с обезумевших небес. Пузырящаяся рябь нарушила гладь безмятежного озера, пустив волны, что качали тёмные водоросли и плескали на песчаный берег. Но это было ещё не все. Таинственное свечение возникло вдруг среди туч, и яркий свет его был сильнее света падающих на землю кривых молний. Багрово-розовое сияние наполнило собой всю долину, затем свет собрался воедино и тонким лучом упал в одну точку — в самый центр древнего озера. Пульсирующий огонь наполнил луч, заставляя его дрожать, но не преломляться. Вот сияние сменилось на темно-синее, неестественное и чужое, и внутри луча промелькнули очертания неизвестного предмета. С тихим, почти неразличимым плеском, он вошёл в воду и погрузился на самое дно. Через миг погасло и свечение, луч водопадом сверкающих искр осыпался вниз. Вновь лишь мрак кругом, озаряемый вспышками молний, наполненный шумом грозы и ливня, и крупные капли все также яростно бьют по поверхности воды...

рошли века, сложившиеся в тысячелетия, и у подножия Синих гор на плато Аршан возникла и расцвела пышным цветом страна Ильрет. Маленькие деревушки диких людей превратились в огромные белокаменные города, взметнувшие свои прекрасные резные башни к самым небесам. Земля покрылась дорогами, каналы ирригационных систем и рек разбавили синими прочерками зелень полей и лугов. Глубоко к недрам гор устремились длинные шахты, где чумазые рудокопы тяжёлым трудом добывали алмазы и золото. Звон стали и скрип дерева разно-

ился повсюду: золотой век расцвета человечества медленно и гордо ступал по земле.

А высоко в горах, в глубинах озера все ещё дремало древнее нечто, но никто из ныне живущих не ведал о нем.

остой, постой, — смеясь, — выкрикнула юная девушка в развевающихся одеждах, бегущая босиком по густой и сочной траве. Она слегка раскраснелась, догоняя крепкого юношу с волосами цвета воронова крыла, в чьих глазахискрились огоньки веселья и любви. — Да погоди же ты, мне за тобой не утнаться!

Но юноша медленно пятился назад маня девушку руками и улыбаясь. Он был влюблён и счастлив, потому что его любимая была рядом. Только она и больше никого. Лишь полная луна, застывшая на чёрном небе, усыпанном блёстками звёзд, безучастно взирала на игры влюблённых.

Девушка ускорила бег и, догнав юношу, со звонким смехом бросилась ему на шею. Не удержавшись на ногах, влюблённые повалились в мягкую траву, осыпая друг друга жаркими, страстными поцелуями. Их радость и счастье, казалось, зажигали вокруг свет, что сливался в вышине с тусклым сиянием одинокой луны.

— Я все же догнала тебя, — тихо прошептала она, не разжимая своих объятий и ласково прижимаясь к его щеке.

— Я и не сомневался, что ты сможешь.

И снова лишь звуки поцелуев нарушали чарующую тишину ночи. Неожиданно девушка ушипнула юношу за плечо и змейкой выскользнула из его рук, устремившись в ночь с криком:

— А теперь ты меня догоняй!

Улыбнувшись, он вскочил на ноги и бросился вслед за ней, окрылённый этой сказочной ночью и ароматами любви, что наполнили густой ночной воздух. Раскинув руки в стороны, он бежал и кричал; кричал что-то радостное, волнующее в далёкие небеса, и лишь лёгкий ветер вторил ему.

Юноша нагнал свою подругу на вершине холма, где одиноко возвышалось высокое старое дерево с раскидистой пышной кроной, трепещущей на ветру. Обняв ее сзади и прижавшись губами к нежной шее, он услышал тихий шёпот:

— Смотри, как красиво. Никогда не видела ничего прекраснее.

Он поднял взгляд и замер. Перед ним во всей красе лучилась отблесками призрачного света гладь горного озера, окружённого травами и цветущим кустарником. Поляна, укрытая ковром мягкой травы, плавно спускалась прямо к самому берегу, обрываясь у небольшой заводи.

Гордые седые вершины взирали на них свысока, тишина дарила сказочный мир, а красота этого места ещё больше окрыляла влюблённые сердца.

— Пошли, спустимся туда. Быстрее! — прошептала девушка. Спустя мгновение, она сорвалась с места и, танцуя в теплом воздухе, устремилась вниз по склону. Юноша бросился следом.

Сказочная атмосфера приключения и уединённости дарила им самые прекрасные моменты любви, наполняя души счастьем и негой.

Девушка, опьянённая счастьем и свободой, вбежала в холодные воды почти по колено оказавшись словно в расплавленном серебре. Юноша прыгнул следом за ней, подняв в небеса тучу искрящихся брызг. Он обнял любимую, прижал к себе, и нежный

поцелуй лёг на их уста. Они долго стояли так, словно две прекрасные статуи в сказочном саду, тихие, как и всё вокруг. Эта ночь была лишь для них и только для них. Вскоре крики радости и звонкий смех вновь терзали тишину. Влюблённые продолжили плескаться в холодных водах горного озера, и только луна, медленно плывущая по небу, беспристрастно наблюдала за ними.

 аигравшись в воде, немного прия в себя и замёрзнув, юноша и девушка выскочили на берег и рухнули в двух шагах от берега на траву, крепко обнявшись. Юноша крепко прижимал девушку к груди. Поцелуям, дарящим наслаждение и разгоняющим кровь, не было конца.

Всё изменилось, когда девушка в порыве страсти запрокинула лицо к небу, зажмурив глаза от ласки и тепла. Открыв их, она с тихим вскриком оттолкнула юношу от себя и хриплым испуганным голосом прошептала:

— О, боги, что это? Смотри!

— Что случилось? — он взглянул на небо и замер, присматриваясь к горизонту. А там творилось что-то удивительное. Черноту космоса разбавил фиолетовый туман, скрывая звёзды и окутывая искрящимся ореолом далёкую луну.

Он медленно плыл в недосягаемой вышине, изменяя форму и сворачиваясь в немыслимой красоты фигуры.

Но влюблённые не видели их красоты. Страх перед неизведанным ледяными цепями сковал их сердца, ибо всё чуждое разуму человеческому таит в себе лишь угрозу.

Туман, как оказалось, исходил будто из глубин самого озера. Неторопливо срываясь с поверхности, он взмы-

вал ввысь и там кружился, растекался, изменялся, закручиваясь в вихри и спирали. Словно зачарованные, смотрели они на происходящее, и ужас неотвратимо наполнял их тела, призывая из недр их душ своё верное детище — панику.

Вдруг гладь озера прорезали морщины волн, и из глубины совершенно беззвучно выплыли, зависнув на мгновение в воздухе, искрящиеся красные шары, каждый размером с голову человека, а затем медленно поплыли вверх, кружась и наливаясь светом. Капли воды искрились на их гладкой поверхности, и чужая, нечеловеческая тихая музыка вдруг пронизала тишину, наполнив ее чарующей мелодией. Шары, словно услышав ее мотив, закружились в безумном хороводе. По их поверхности зазмеялись разряды молний, и сноп искр с оглушительным треском сорвался вниз, пронзая воду, заставляя ее вскипать в местах соприкосновений. Воздух, как после грозы, наполнился озоном.

Этот треск, как ни странно, привёл влюблённых в чувство. С тихим шёпотом: «Бежим», юноша заставил подняться все ещё не пришедшую в себя от увиденного девушку и, оглядываясь назад, повлёк ее за собой вверх по склону. Но, добравшись до вершины, они едва не рухнули в бездну. Девушка с громким криком отпрянула назад, затем, чуть отдышавшись и набравшись смелости, вновь заглянула за край.

— Что же это такое? Что происходит? — бормотала она, как заведенная. Слезы застыли в её глазах, делая взгляд отдалённым, остекленевшим. Ещё недавно ее распирало от неземного счастья, а теперь лишь животный страх жадно поглощал её разум.

А перед ними ничего уже не было:

холм обрывался в пустоту, в клубящийся раствор тумана, и было ли там дно — неизвестно. Исчезло все — камни, скалы, травы, сама земля, лишь алые искры вспыхивали в тумане. Казалось, от всего огромного мира остался лишь этот крохотный клочок — окружённое горными вершинами озеро, плывущее в кипящей круговорти фиолетового тумана.

За их спиной из глубины озера поднимались вспышки света, и тогда вверх устремлялся, словно щупальце какого-то неведомого существа, белый ослепительный луч. Через миг он опадал, исчезая и оставляя чувство, что это свет иных миров проникал через завесу тумана, наполняя собой пространство.

Громкий плеск заставил их оглянуться назад, и тогда крик ужаса, уже ничем не сдерживаемый, сорвался с губ девушки.

Из вод озера на берег выходил... выходило оно. Странное существо, подобное сгустку фиолетового огня, принявшего очертания человеческого тела. Оно медленно ступило на песчаный берег. Странная золотистая аура подсвечивала силуэт пришельца, когда он медленно двинулся к замершим на вершине людям. Приблизившись, он замер в нескольких шагах от них, пристально, изучающе разглядывая.

— Идите со мной, — вдруг раздался в тишине спокойный, лишённый каких-либо эмоций голос. Он пробирал до костей, такая сила чувствовалась в нем, что девушка вдруг закатила глаза и рухнула на землю. Юноша едва успел подхватить ее обессиленное тело и опустить на траву. Гнев вскипал в нем и, крепко сжимая кулаки, он воззрился на незнакомца, готовясь к бою.

— Жаль, — ответил тот. Вытянув руку в направлении девушки, прише-

лец исторг из кончиков пальцев розовое сияние, окутавшее тело жертвы яркими жгутами. Юношу словно огнём обожгло, он отскочил в сторону, а тело его подруги, теряя краски, прямо на глазах превращалось в колдовской туман. За считанные мгновения она исчезла совсем, лишь лёгкая дымка осела на траву, осыпавшись невесомой розовой пылью на стебли.

— Иди за мной, — вновь прозвучал приказ странного существа, выведя юношу из оцепенения. Он взглянул непонимающим, затуманенным взглядом на говорившего, потом на место, где ещё мгновение назад лежала его возлюбленная. Снова на пришельца и вновь на траву, усыпанную теряющей цвет пылью. Гнев и боль ужасающей бурей вскипели в его груди, всколыхнув горячую молодую душу. В единий миг его любовь, его счастье были уничтожены, безжалостно и бесцельно. С безумным нечеловеческим воплем он ринулся на врага, в лунном свете мелькнул короткий нож. Миг — и острые сталь вонзилась существу в горло, пробив тонкую ткань плотного тумана и уйдя внутрь на три пальца. Лезвие просто исчезло, утонув в странной субстанции, что составляла плоть гостя. Розовая фосфоресцирующая жидкость фонтаном выплеснулась на траву, исходя розоватым дымком, а две фигуры рухнули на землю — одна, сотканная из огня, безвольно всплеснув руками, и другая, оседлавшая первую, без остановки кромсая ножом плоть существа. Дикий, обречённый крик резал ночные небеса, вспарывая фиолетовый туман, а кровь неземного существа заливалась все вокруг.

— За что?! За что, тварь?! — орал юноша в приступе безумия, что уже поглотило его разум. В пустых глазах

чёрными бриллиантами сверкали слезы. — За что?!

Но вот он устал, выдохся, стремительный порыв сошёл на нет. Только тупая, ноющая боль осталась с ним, разрушая раненое сознание. Диким зверем метнулся он к озеру, оставив в угасающем теле пришельца своё оружие. Прошептав с безумной улыбкой на лице «Любимая, я иду к тебе», юноша с разбегу бросился в воду. Мрачные, потерявшие свой серебряный блеск волны сомкнулись над его головой — и не выпустили его назад.

Время разгладило морщины на поверхности озера, вновь превратив его в зеркало. А тело пришельца, утратив свой насыщенный цвет, медленно растеклось и впиталось в землю, исчезнув навсегда. Лишь потускневший кинжал упал в сочные травы. Фиолетовый туман растаял в воздухе, и вновь красавица луна взглянула на мир, даря ему свой призрачный свет.

Ничто не напоминало о произошедшем, ничто больше не тревожило покой этой крохотной долины, окружённой вершинами серых гор. Воды озера замерли, и лишь ветерок иногда нарушал поверхность лёгкой рябью.

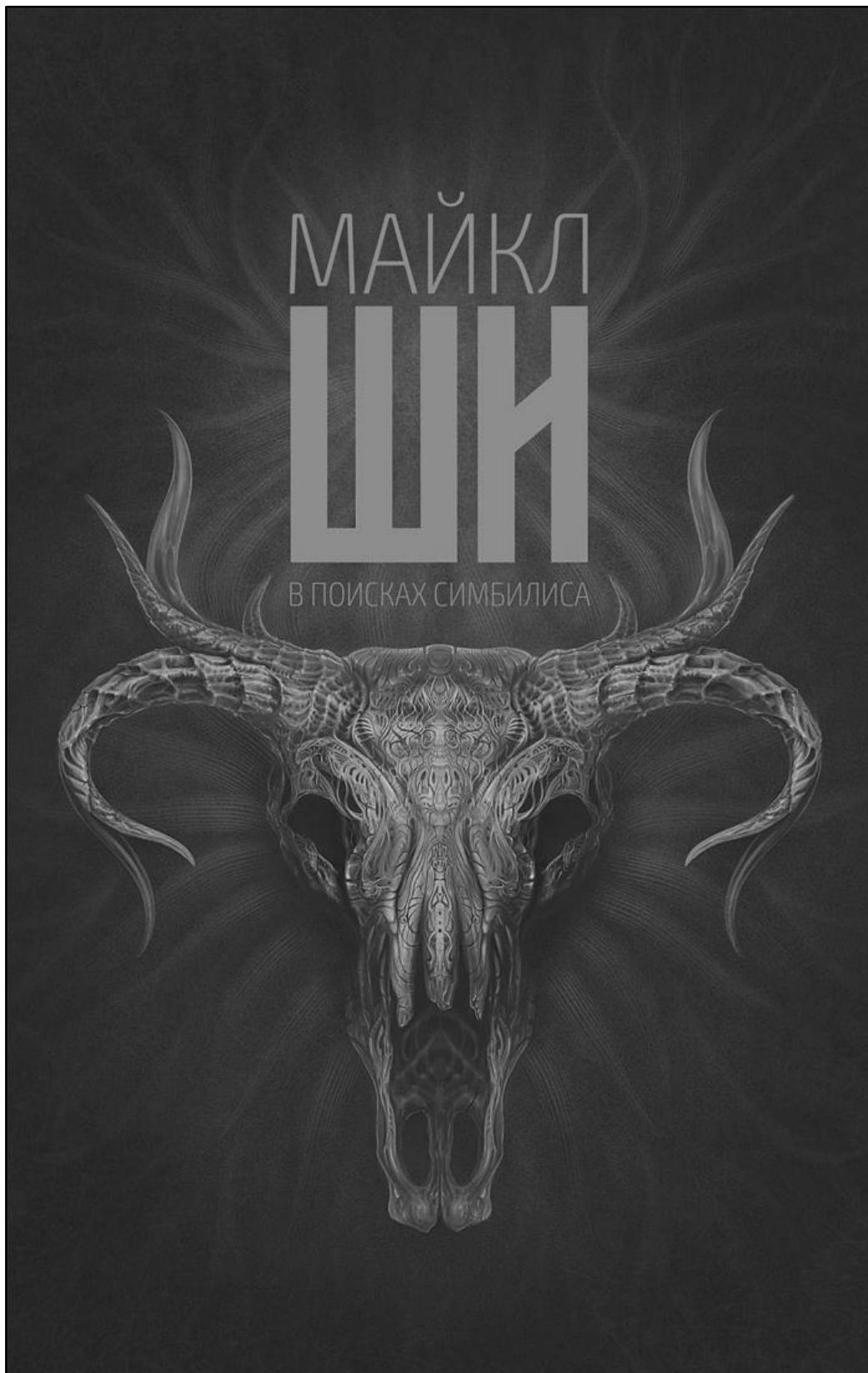

Никто так никогда и не узнал, что же произошло той ночью у одинокого озера среди скал. Тела пропавших так и не нашли, хоть поисковые отряды несколько недель обыскивали все леса и горы в округе. Со временем все забылось, поросло мхом и скрылось за завесой тумана.

Но до сих пор холодные воды мёртвого озера хранят свои тайны...

«Лаборатория Фантастики» представляет:

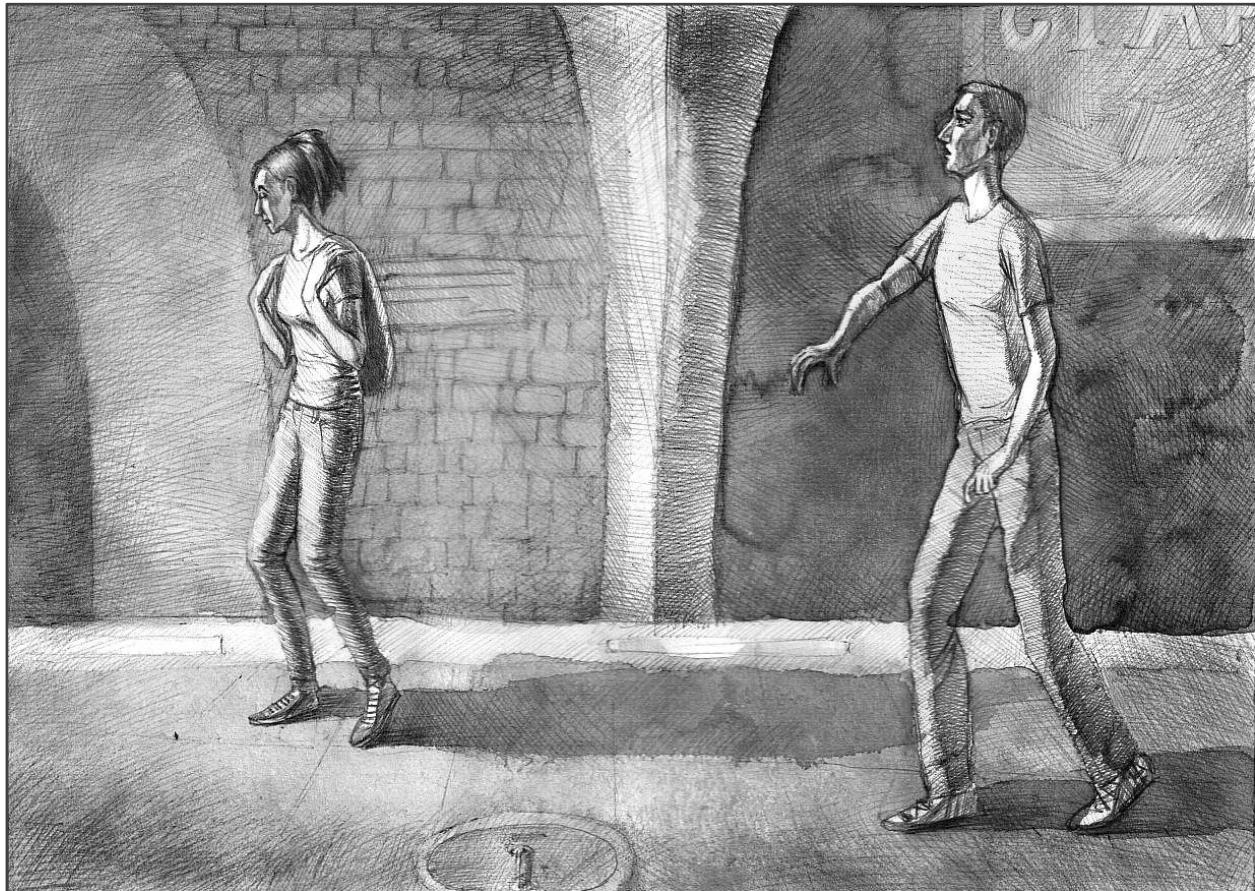

Майкл Ши «В поисках Симбилиса»

Подробности здесь: <https://fantlab.ru/blogarticle54507>

Спешите! Тираж ограничен!

Алексей Жарков

Дылые вещи

Грюзак был похож на открытую пасть гигантского капкана.

— Это тебе, Галка! — сообщил Гоша. — С днём рождения!

На самом деле её звали Аллой, но за чёрные волосы, странным образом похожие в причёске на разлохмаченные перья, за выразительные глаза и суетливую непоседливость Гоша придумал своей девушке другое имя. Маленькая и лёгкая, когда она была рядом, то будто сразу везде.

— Спасибо, — смущилась Галка, принимая подарок — рюкзак ярко-зелёного цвета с жёлтыми полосками молний, серой сеткой боковых карманов и мягкой прорезиненной ручкой. Стяжка-резинка на внешней сто-

роне была чёрной. Кроме этого, периметр рюкзака с тыльной стороны охватывал лёгкий, но прочный металлический каркас с закреплёнными по бокам светоотражающими зубами. В целом, рюкзак представился ей огромной яркой лягушкой, из чьей открытой пасти, как языки, торчали красные лямки.

— Симпатичненько, — заявила Галка, внимательно осмотрев «лягушку» со всех сторон. — А где инструкция?

— А... ну да... я читал её в метро, пока ехал... здесь, наверное, — Гоша быстро проверил один карман, похлопал второй, нахмурился и схватился за лоб. — Черт, неужели поселял?

— Жаль, — сказала Галка и отложила рюкзак в сторону, — но без ин-

струкции... что-то я побаиваюсь.

— Это понятно. Не, я её читал по дороге, он не злой... а-а, — Гоша огорчённо мотнул головой. — Вот фигня.

Галка с грустью посмотрела на рюкзак.

— Я думаю, в магазине можно попросить другую, — нашёлся Гоша, — ну, там, где я покупал.

— Правда? — обрадовалась Галка.

— Наверняка. Хочешь вместе съездим?

Девушка задумалась.

— Или я могу один. Как ты хочешь?

— Он точно не злой? — Галка открыла рюкзак и осторожно заглянула внутрь. Там пахло свежим полиэстером и нетронутой пустотой.

— Не-не, точно... я бы не стал...

— Значит, я могу с ним поехать? — она закинула «лягушку» за плечи и начала вертеться, подтягивая ремешки.

— Тебе идёт, — самодовольно заметил Гоша.

— Тогда погнали! — оживилась Галка. — Где там твой мотик?

«Мотиком» она называла Гошин скутер, но с ним у парня случилась небольшая, так сказать, размолвка. Пару дней назад ему позвонила Галка и потребовала срочно приехать, иначе она «умрёт со скуки». Они начали встречаться совсем недавно, Гоша был готов ко всему и на всё, и к подобным угрозам относился серьёзно. Он вылетел из дома, запрыгнул на «мотик», как влюблённый мушкетёр на лошадь, и под тонкое мычание электрического двигателя покинул двор и выскочил на бульвар. Галка жила на другом его конце. Почти у самого её дома он превысил максимально разрешённую скорость и был тут же наказан. В полном соответствии с предупреждением, изложенным в инструкции по эксп

луатации скутера.

— Нет, не на мотике, — грустно признался Гоша. — Мне теперь неделю нельзя. Да и болеть ещё не перестало...

— Ах ты мой Шумахер, — жалостливо улыбнулась Галка. Ей было немного стыдно за тот случай, да что там немного — очень стыдно, и это хотелось как-то исправить.

— Шумахер? — смущался Гоша. — Он плохо кончил.

— Да? — удивилась Галка.

— Лучше уж Сенна.

— Кто такой Сенна?

— Другой великий гонщик.

— Он хорошо кончил?

Гоша отвёл взгляд в сторону. Сенна тоже погиб, но быстро, почти сразу, почти во время гонки, как великий актёр — на сцене. «Уж лучше так, — подумал Гоша, — чем годами пускать слюни, не узнавая родных».

— Нет, но пусть лучше Сенна.

— Хорошо, — согласилась Галка. — Сильно болит?

— Ну-у, — вздохнул Гоша, — не так плохо, как тогда... Не смертельно. Надеюсь.

— Уверен? — Галка заглянула ему в глаза, ища прощение.

— Да, на все сто, — мужественно подтвердил Гоша. — А без мотика пойдешь?

Галка часто закивала — чёрное пёрышко чёлки сползло на лоб, и она тут же сдула его на прежнее место, слегка жмуряясь.

«Красивая», — подумал Гоша.

Она закинула в новый рюкзак зонтик, зарядку для мобильного, упаковку одноразовых салфеток, и ещё много чего другого — Гоша перестал следить после круглой белой сумочки размером с ладонь, с символом Венеры на крышке. «Тяжело, наверное, быть де-

вушкой, — подумал Гоша, — столько всего нужного приходится иметь».

Они вызвали лифт и, дождавшись маленького, зашли в мрачную кабинку. Сразу за ними ввалился толстый мужик на костылях, сосед напротив, и лифт сигнализировал о перегрузке. Толстяк злобно ухмыльнулся.

— Выйдите, пожалуйста, — попросила Галка. — Мы же первые вошли.

Гоша начал считать сигналы лифта — после третьего он закроется, и из стен полезут шипы. Судя по количеству отверстий, их будет достаточно много, и кого-то они обязательно проткнут. Толстяк не выходил, и Гоша начал нервничать. Лифт пропищал второй раз.

— Да ну его, — Гоша схватил Галку за руку и вытянул из лифта, — пусть едет.

Толстяк презрительно хмыкнул. Двери закрылись, лифт уехал. Галка вырвала руку и недовольно посмотрела на Гошу:

— Ты что? Нельзя же вот так... сразу сдаваться.

Гоша промолчал. С лифтом шутить не стоит — это одна из самых злых вещей на свете. Страшнее только метро и банкоматы.

— Почему ты уступил? — сердито спросила Галка.

— Он же калека, — сказал Гоша, розовея, — сейчас большой приедет.

Но большой никак не приходил, минут десять он ползал между этажами, пока, в конце концов, не застыл где-то наверху, а перед ними снова не открылся маленький — он успел спустить наглого толстяка на первый и вернуться.

Перед тем, как перейти улицу, Гоша взял Галку за руку. На всякий случай, а то вдруг рванёт под машину. Перед ними лежала дорога в две по-

лосы, но перебраться через неё было непросто даже несмотря на затёртую до неузнаваемости «зебру». Водитель мог не успеть затормозить и сбить пешехода — раздавить насмерть или оставить на всю жизнь убогим калекой, поломав дюжину костей. Разумеется, его бы за это наказали, но разве пострадавшему от того станет легче?

Гибель на переходе не входила в Гошины планы. Галка вырвала руку и обожгла гневным взглядом — «я же не ребёнок».

До метро ходила маршрутка. Она шла через единственный мост, соединявший их район с остальной частью города. Никто не любил этот мост, на нём всегда были пробки. Гоша обезжал их на скутере по трамвайным путям или по тротуару. Маршрутка, в которой они сидели с Галкой, так не могла. Она заторможено гребла через мост по всей этой пробке.

— Не понимаю, как можно было потерять инструкцию? — сказала Галка, теряя терпение от затянувшейся поездки и от молчаливого сидения на одном месте.

С переднего сиденья на них обернулся мужчина. Его очки едва держались на треугольном островке кости, оставшейся от носа.

— Галка, ты чего?

— Чего-чего? Ничего! Постоянно всё теряешь и забываешь, бесполковщина.

— А что ещё я потерял? — изумлённо спросил Гоша.

— Всё время что-то теряешь. Как можно было посеять инструкцию? Без неё же ни одну вещь нельзя использовать.

Сбоку от них сидела женщина, беспальми руками она держала на коленях огромную сумку. Женщина эта повернула голову и обдала Гошу та-

ким испепеляющим взглядом, будто он только что у неё на глазах кого-то зарезал или толкнул под поезд.

— Или ты хочешь, чтобы меня воспитали? Хорошенький подарок на день рождения... дарю, поздравляю, — передразнила Галка, — только я инструкцию потерял, крутись, Галка, теперь как хочешь.

— Мы же едем... — почти шёпотом отозвался Гоша.

— Да уж, едем. Стоим в этой чёртовой пробке, вот как мы едем. Был бы у тебя сейчас мотик, мы бы ехали... но нет, ты и с ним умудрился поссориться.

«Так ведь из-за тебя же», — мысленно произнёс Гоша. Галкина несправедливость обжигала как огонь, но тушить его на глазах у целой маршрутки, ругаться в полный голос... Он уставился в пупырчатый пол и промолчал.

Маршрутка ехала на сжиженном газе. Над водителем была прилеплена табличка «НЕ КУРИТЬ», а под ней мелким шрифтом «в противном случае баллон взорвётся и основательно вас повредит». Рядом висела другая наклейка: «Употребление спиртных напитков наказывается перцовым газом. Будьте бдительны — злаговременно обезвреживайте нарушителей».

Дорога до метро обошлась пассажирам в один час пятнадцать минут. Почти всё это время Галка самозабвенно шипела на Гошу. Высаживаясь у метро, он уже почти жалел, что взял девчонку с собой. «Некоторых женщин, наверное, можно принимать только в небольших дозах». А к такой концентрации Галкиных упрёков разум Гоши оказался не готов.

Перед входом в метро она остановилась и заявила:

— Зря я вообще согласилась с тобой

ехать.

— Хочешь вернуться? — устало обрадовался Гоша.

— Ну да, сейчас! Два часа тряслись до метро, теперь столько же обратно? Тебе на меня вообще, что ли, наплевать? Мало того, что ты заставил меня ехать, так теперь хочешь отправить одну домой? Как вещь?! Вот ты сволочь!

Она и раньше, бывало, вела себя немного нервно и часто раздражалась, но такого как сейчас — он не ожидал. На самом деле Галка не хотела его обидеть, и даже не хотела разозлить. Всё наоборот — ей нужна была индульгенция за тот случай с мопедом, когда установленным в седле микроволновым излучателем скутер поджарил Гошу за превышение скорости. Молодой и совершенно целый парень едва не стал из-за неё инвалидом. А может и стал, но молчит и не признаётся.

— Ты меня не любишь, — обиженно заявила Галка и демонстративно надула губки. — Я хочу есть и пить.

— Давай пойдём и купим что-нибудь, — предложил Гоша.

— Нет, сам сходи, не хочу с тобой никуда таскаться, надоело.

— А что ты хочешь?

— Ты что, дурак? — выпучила глаза Галка.

Вздохнув, Гоша побрёл к палаткам и через минуту вернулся с большим золотистым пончиком и поллитровой бутылкой газировки, холодной и влажной.

Галка взяла пончик, повернулась к урне и выкинула.

— Ты бы мне ещё сало купил!

— Ты чего, Галка? — ошарашено спросил Гоша.

— Ничего... — Она выхватила у него газировку, отвернула крышечку и

жадно выпила примерно треть.

«Ну вот, ещё рыгни теперь», — подумал Гоша, глядя, как Галка лихорадочно и неровно закручивает крышечку, и бросает бутылку в рюкзак.

«Протечёт же», — хотел сказать Гоша, но не успел.

— Поехали уже, куда там дальше...

Гоша стиснул зубы и засопел, его терпение подступало к пределу. «Вот толкну тебя на двери, будешь знать, коза невоспитанная».

Двери в метро отличались особенной злостью. На каждом стекле каждой двери большими белыми буквами было написано — «НЕ ПРИСЛО-НЯТЬСЯ», затем ниже, как водится, дополнение из занудной инструкции. Его можно было не читать. Что случится с прислонившимся или со случайно оказавшимся между дверями человеком, можно было догадаться и так. Например, по острым лезвиям, которыми оканчивались дверные створки, а также по звонкому скрежету, который они производили, быстро и хищно захлопываясь на каждой станции. Эти двери запросто рубили пассажирам носы, пальцы, стопы, кисти, руки, ноги и шеи. Разрубить человека вдоль по туловищу им не хватало сил, но, если такое случалось, умирая, пассажир ещё некоторое время ползал по полу в попытках вернуть на место выпавшие из живота кишки.

«Нет, это было бы чересчур», — решил Гоша, и его сердце наполнилось тёплой жалостью к симпатичной подруге, — «Подумаешь, бесится, может у неё настроение плохое, у девчонок такое бывает; так-то она добрая».

Эскалатор тоже был не из добрых — ползущие вперёд ступени прятались под ножами, способными нарезать человеческое тело не хуже шре-

дера, а поручни втягивались под тяжёлые и злющие валики. «Не облокачивайтесь на поручни». Большинство безруких калек являлось продуктом именно этого правила. За соблюдением инструкции вещи следили сами. Они воспитывали в людях условные рефлексы, как вивисектор Павлов слюноотделение у подопытных собак.

Гоша и Галка зашли в вагон, встали у противоположной двери и сразу же почувствовали на себе завистливые взгляды разнообразных уродов, сидевших и стоявших вокруг. Почти у каждого чего-нибудь да не хватало: ног, рук, глаз, ушей, носа, пальцев, ногтей. У некоторых, казалось, всё было на месте, но только кривое и корявое, изломанное и неправильно сросшееся, часть людей ехала в повязках или в бинтах с сочными красными пятнами. По вагону блуждал запах йода, зелёнки и вообще больницы, привычный для любых общественных мест. Воспитание людей шло повсеместно. И чем старше был человек, тем больше он нёс на себе следов этого воспитания.

Гоша и Галка стояли молодые и невредимые. Напротив сидел парень с велосипедным шлемом, вроде нормальный, но, присмотревшись, Гоша заметил, что у него напрочь отсутствуют передние зубы. «Интересно», — подумал Гоша, — «это какая же вещь так наказывает?» Ещё он подумал, что если всегда и везде аккуратно соблюдать инструкции и правила, то сам он сможет избежать подобной участи и останется целым.

Беззубый парень встал, и Галка тут же оказалась на его месте. Не снимая рюкзак, она плюхнулась на сиденье, откинулась на спинку и закрыла глаза. «Ещё злится или уже нет?», — задумался Гоша, внимательно разглядывая

её глаза и хитрый, остренький носик. Наконец объявили их остановку, они осторожно прошли двери и направились по вестибюлю станции к выходу в город. Мимо них пробежали два санитара. Когда поезд уехал, и на станции сталотише, Гоша услышал, как в рюкзаке за спиной Галки что-то тикает и пощёлкивает. От нехорошего предчувствия между лопатками пробежал холодок, он замедлился и, оказавшись позади, присмотрелся к рюкзаку. Внизу на нём появилось тёмное пятно. Похоже, внутри упала и потекла незакрученная бутылка. Мокре пятно стремительно расширялось, рюкзак начал тикать чаще.

— Снимай! Снимай! — заорал Гоша, Галка обернулась... Красивая, стройная, целая... В этот момент в рюкзаке что-то хрустнуло и пасть сидевшей у неё за спиной «лягушки» захлопнулась, звонко стиснув стальные зубы. Галка беззвучно открыла рот, как рыба, повалилась на пол, начала извиваться и корчиться от боли. В глазах у Гоши потемнело, он что-то закричал, но не услышал собственный голос. Под Галкой росла бурая лужа. Она трепыхалась в ней, как выпавшая на берег рыбёшка, пытаясь, видимо, встать, но руки и ноги лишь беспомощно скользили по окровавленному мрамору. Рассудок Гоши качнуло в неожиданную сторону, он решил ей помочь — вытереть с пола кровь, чтобы скользкая жижа не мешала подняться. Сунул руку в карман, там вроде хранился платок, но вместо него обнаружил какую-то бумажку. Поднёс к лицу и тупо уставился на странные, нелепые закорючки. Буковки водили хоровод с пульсирующими головной болью чёрными пятнами. Он смотрел и не мог понять — зачем на платке что-то написано? Постепенно буквы

выстроились в ряды и сложились в слова и предложения — это была та самая инструкция к рюкзаку, за которой они ехали, и которую он думал, что потерял.

У него перед глазами оказался пятый и последний пункт правил пользования: «Не мочите рюкзак изнутри, в противном случае он откусит вам спину».

Алексей Лотерман

Из глубин Лох-Несса

1

ачиная свои поиски, я ещё не подозревал, в какие тёмные глубины мне предстоит погрузиться. Подобно свирепым вихрям разверзшейся бездны, произошедшие события подхватили и вовлекли меня в преисполненные безумия тёмные воды Лох-Несса. Загадка этого стаинного уголка Шотландии давно интересовала меня, и когда удалось вырваться из окружения пыльных стопок «Кингспорт Газетт», я отправился в долгожданное путешествие. Разумеется, меня интересовало не только само озеро и местные красоты, сколько необычные слухи о лох-нессском чудовище, которого на гэльском языке называли *Nisag*. Ещё римские легионеры, покорявшие кельтские просторы,

наблюдали удивительные изображения длинношеего тюленя исполинских размеров, сделанные пиктами и скоттами. Но первое письменное упоминание об этом существе появилось только в VII веке в «Житии святого Колумбы», написанном аббатом Адомнаном. В нём рассказывалось, как ирландский монах-миссионер, проповедовавший пиктам, стал свидетелем похорон человека, которого загрызло водяное чудовище, когда тот купался в озере, а другой раз он самолично отпугнул крестным знамением и молитвой странного вида жабоподобного зверя, который пытался напасть на его лодку. Следующее упоминание появилось уже в труде «История шотландского народа» Гектора Боэция, написанном в 1527 году, где тот сооб-

щал об ужасном чудовище, прервавшем своим появлением обряд крещения на берегу Лох-Несса, повалившем множество деревьев и убившем несколько человек. Ричард Франк в своих «Северных воспоминаниях» 1658 года упоминал о плававшем в озере огромном существе, а писатель Даниэль Дефо в «Путешествии через весь остров Великобритании» 1724-1727 годов, сообщал о левиафанах, которых видели в озере солдаты генерала Уэйда. В 1871 году Д. МакКензи из Бэлнайна наблюдал в водах Лох-Несса нечто, похожее на бревно или перевёрнутую лодку, но плывущее словно живое существо, извиваясь и выныривая с большой скоростью. А спустя девять лет о чудовище вспомнили после того, как при полном безветрии на озере перевернулся небольшой парусник с людьми. Тогда же, водолаз по имени Дункан МакДональд, выполнивший подводные работы в западной части озера, спустя считанные минуты после погружения, начал посыпать отчаянные сигналы, требуя поднять его на поверхность, а выбравшись из воды, в ужасе рассказал о существе, лежавшем на выступе скалы и походившем на огромную лягушку. Пятью годами позже распространились новые слухи о лох-нессском чудовище, и в 1886 году газета «Глазго Ивнинг Пост» посвятила ему целую статью, а в ноябре того же года американская «Конститьюшн» опубликовала другую, сопроводив её подробным изображением чудовища. Эти и многие другие материалы я перечитывал по дороге в Шотландию, и они всё ещё крутились у меня в голове, когда я стоял возле небольшого двухэтажного домика на самом берегу озера. С неподдельным волнением впервые в жизни я взирал на древние величественные воды, застланные гу-

стым утренним туманом, сливавшимся со свинцовыми тучами. Сколько невероятных тайн хранят его мрачные глубины?

Мистер Мартин, человек почтенного возраста с посеребрённой головой, радушно встретил меня и проводил в комнату на втором этаже, окна которой выходили аккурат на водную гладь. Это жильё мне удалось найти без особого труда, сразу же по приезду в Инвернесс, и на удивление, довольно дёшево. Поставив чемодан на пол, утомлённый долгим путешествием, я тут же рухнул на застеленную кровать и проспал до полудня. За обедом мистер Мартин представил меня своей супруге и остальным постояльцам дома. Ими оказались двое молодых людей, живших в мансарде и занимавшихся фольклористикой. Они, так же, как и я, интересовались преданиями о загадочном обитателе Лох-Несса, благодаря чему у нас появилось множество общих тем для разговоров. И уже на следующий день вместе с новыми знакомыми я опрашивал старожилов и рыбаков Инвернесса и местных деревень, но, к сожалению, так и не узнал ничего нового. Они говорили о морском драконе, водяной лошади, или огромной жабо-подобной твари с хвостом и небольшой головой на длинной шее, каждый повторял слова предыдущего, лишь приукрашивая свой рассказ о том, что видел существо на берегу, или проплывавшее мимо его лодки, а то и плескавшееся на мелководье с целым выводком себе подобных. Очевидно, единственным местом, где они видели его, было дно пивных кружек в местном пабе. Однако судьбе оказалось угодно, чтобы какой-то старик, сидевший перед деревянной лачугой и дымящий трубкой, бросил в мою сто-

рону одну кроткую фразу:

— Морской дьявол, это колдун его призвал.

Я хотел было переспросить, что он имел в виду, но старик, прихрамывая и опираясь на клюку, поспешил скрыться в своей лачуге. Разумеется, я не придал этому особого значения, мало ли, что болтают выжившие из ума пропойцы, но стоило мне тем же вечером упомянуть о словах старика в присутствии мистера Мартина, как тот сразу переменился в лице, что не осталось незамеченным. И хотя на все мои расспросы он отказывался отвечать, вскоре настойчивость взяла своё. Тогда-то я и узнал, почему комната на самом берегу Лох-Несса достались мне так дёшево. Дело в том, что в полуимиле от дома мистера Мартина находился скрытый холмами другой старинный дом под названием Блекстоунхилл. Его владелец, некий Александр Элуорк, ещё лет пятнадцать назад приехал к озеру и снял в доме комнату. Позже, со слов тогдашних хозяев Блекстоунхилл, семейства МакАлистеров, стало известно, что из комнаты нового постояльца время от времени доносились странные голоса — то самого Элуорка, то чьи-то ещё, — хотя гостей у него никогда не было. А если кто-то из МакАлистеров пытался заглянуть через плечо в таинственные книги, за которыми постоялец нередко сидел в гостиной, в комнате становилось настолько темно, что приходилось зажигать лампу, хотя на улице был ясный день.

Неестественность этих событий сразу же дала повод для пересудов среди соседей, и после того, как МакАлистеры стали свидетелями богохульных ритуалов, совершаемых Элуорком по ночам на берегу озера, его поспешили выселить из Блекстоунхилл. Однако

через неделю-другую после его отъезда в доме стали твориться поистине дьявольские вещи. Все, кто хоть раз бывал там, говорили о странной давящей атмосфере, а те, кто задерживался подольше, утверждали, что днём по дому как будто носился невидимый табун лошадей, к вечеру смеявшийся неясными шорохами, щелчками и похожими на лягушачье громким кваканьем, перемежавшимся доносившимся невесть откуда бульканьем. В довершение всего, дом наводнили мерзкие чёрные жуки, что просто довело главу семейства МакАлистеров — он умер, помутившись рассудком и завещав Блекстоунхилл не кому иному, как Александру Элуорку. Тот появился через пару недель и заявил свои права на дом, никто и не посмел возражать, даже овдовевшая миссис МакАлистер поспешила покинуть ставшую ей ненавистной бесовскую обитель. С тех самых пор Элуорк и сделался владельцем Блекстоунхилл, а местные жители предпочитали обходить это место стороной, да помалкивать о кощунственных обрядах на берегу Лох-Несса, после которых всё чаще стали замечать в его водах огромную жабоподобную тварь. Тех же, кто проявлял излишнее любопытство к делам, творившимся в Блекстоунхилл, постигала незавидная участь, они тонули в озере без всяких видимых на то причин, а тела некоторых вовсе бесследно пропадали.

Меня эта история заинтересовала, но на дальнейшие расспросы мистер Мартин не поддался, а расспрашивать старых пьянчуг в городе было бесполезно, поэтому дом Элуорка мне пришлось искать самому. Как выяснилось, Блекстоунхилл находился совсем недалеко от дома мистера Мартина, на берегу озера, за холмами, ко-

торые были видны из окна моей комнаты, если посмотреть налево. Поэтому, выбрав погожий денёк, когда лучи солнца пробивались сквозь серые облака, я уложил в свою сумку блокнот, пару сандвичей и термос с горячим кофе: поскольку мой путь пролегал через живописные холмы на берегу Лох-Несса, я подумывал немного побродить по ним и перекусить. Волны тёмных и загадочных вод озера, столь древних и холодных, бились о каменистый берег, и я, зачарованный их видом, не спеша ступал по сырой земле холмов и редеющей зелёной траве, влажной от росы. И вот, взойдя на очередной холм, я увидел у его подножия большой дом Блекстоунхилл; гротескный, словно древний монолит, он полностью оправдывал своё название. Сзади к этой серой громаде подступала чёрная лощина, спереди же редели лишь небольшие заросли кустарника, здесь я и намеревался спуститься, обойдя холм сбоку. Подходя к дому, я подметил, что грунтовка, шедшая к главной дороге в город, давно заросла, зато хорошо была видна тропа, вёдшая к обрывистому берегу и заканчивавшаяся почти у самой воды. Я взошёл на крыльцо и постучал по тускневшим латунным молоточком в дверь, но изнутри не донеслось ни шагов, ни голоса хозяина — вообще ни единого звука. Вслушиваясь в тишину, я постучал ещё раз, и, окинув взглядом фасад дома, задержал его на каменном фундаменте, где что-то чёрное, весьма мерзкого вида, юркнуло в расщелину в кладке, отчего мне сразу же вспомнились огромные жуки, о которых рассказывал мистер Мартин.

Когда состояние странного оцепенения, наконец, прошло, и уже было решив, что мой визит так и останется без ответа, я повернулся к двери, то

совершенно неожиданно оказался лицом к лицу с хозяином дома. В тёмном дверном проёме стоял лысоватый мужчина лет сорока в вязаном жакете, его бледное, не по годам обрюзгшее и покрытое пятнами лицо, с крючковатым носом и мешками под пронзительными, хотя и находившимися в каком-то наркотическом отупении, глазами, было обращено ко мне. Вслед за ним из раскрытой двери тянуло сыростью, а шум прибоя эхом раздавался в тёмных недрах дома. Собравшись с мыслями, я поздоровался, но человек, не подавая виду, ровным голосом спросил, что мне нужно. Я представился фольклористом-любителем, снимающим комнату в доме по соседству с Блекстоунхилл и интересующимся преданиями о Лох-Нессе. Взгляд, как мне показалось, ни разу не мигнувших глаз пронизал меня насквозь, и всё тем же невозмутимым голосом мужчина произнёс:

— Сэр, не думаете ли вы, что я позволю нарушить свой покой привравшему писаке из американской газетёнки, услышавшему истории не просыхающей деревенщины?

Мои мысли были как на ладони для него. Я прочистил горло, и хотел было возразить, но хозяин дома остановил меня жестом и захлопнул дверь, оставив стоять перед ней полностью обескураженным. Если это и был Элуорк, рассуждал я, то в нём действительно присутствовало что-то дьявольское, не от мира сего. Мне не оставалось ничего другого, как уйти прочь, и хотя настроение для намеченной прогулки по побережью Лох-Несса было безвозвратно испорчено, я и не думал сдаваться. Напротив, я решил вернуться в Блекстоунхилл под покровом ночи и проследить за Элуорком, однако эта хитрость впоследствии мне дорого

обошлась.

Пока мистер Мартин с супругой и мои соседи мирно отходили ко сну, я незаметно выскользнул на улицу. Ночная дорога до поместья оказалась гораздо трудней, чем днём, моё положение к тому же усугубляли затянувшие всё небо тучи, так что путь предстояло проделать при слабом свете электрического фонаря. Через четверть часа, выключив фонарь, я осторожно обогнул холм, спускавшийся к Блекстоунхилл, и мелкими перебежками по кустам, стоявшими мне двух падений и порванной штанины брюк, подобрался к лощине возле самого дома, где спрятался в зарослях под окнами первого этажа, в которых горел свет. Разумеется, я не надеялся увидеть что-то особенное, и, тем не менее, осторожно заглянул внутрь. Моему взору открылась просторная гостиная, освещённая отблесками огня в камине, вдоль её стен высились стеллажи с книгами, перемежавшиеся деревянными панелями с висевшими на них картинами. Помимо бесчисленного количества древних фолиантов на полках, то там, то здесь красовались уродливые статуэтки, принадлежавшие неизвестным культурам и их культам, я не берусь даже описывать их. В дальнем конце гостиной располагались секретер и кушетка, а посередине, напротив камина, кресло и столик. Это был не обычный чайный столик, а искусная работа неизвестного мастера, выполненная из дерева тёмных пород. Столешница, покрытая лаком, была украшена загадочным геометрическим узором с волнистым обрамлением, четыре изогнутых ножки представляли собой искусно вырезанных мифических сирен, чей стройный антропоморфный стан переходил в мерзкий рыбий хвост, а тонкие руки,

что поддерживали столешницу, оканчивались хищными лапами с когтями и перепонками. Локоны их волос, вырезанных с невероятной тщательностью, ниспадали на плечи и прикрывали манящие контуры груди. Но вот лица, окружённые уже не локонами, а извивающимися змеями, не несли в себе никакой завораживающей красоты. Наоборот, черты обитателей океанских глубин вызывали отвращение: выпученные глаза, приплюснутые носы, раскрытые в мерзком оскале змеиные зевы с рядами длинных ядовитых клыков и высунутыми раздвоенными языками. Жуткие фигуры имели что-то общее с жуткими статуэтками на полках.

Наблюдая это богохульство, я почти расслышал дикий рёв глубоководных тварей, и не сразу заметил, как ведущая в гостиную дверь открылась, и на пороге появился мой новый «знакомый», с чайной чашкой в руках. Не заметил я и того, что в действительности слышу резкое скрежетание, чем-то напоминавшее писк крысы. Как оказалось, по моему рукаву полз, издавая мерзкие звуки, огромный чёрный жук наподобие египетского скарабея, только этот был с какими-то отвратительными наростами на панцире и длинными подвижными усиками, походившими скорее на извивающиеся жгутики. Я замахал рукой, стараясь сбросить проклятое насекомое — если оно вообще было таковым — и в этот же момент Элуорк, привлечённый шорохом веток кустарника, подошёл к окну, устремив свой немигающий взгляд во тьму. Я припал к земле под окном и затих, стараясь ничем не выдавать своё присутствие, и минуту спустя хозяин дома вернулся к своим делам, повершил кочергой потрескивавшие в камине поленья и устро-

ился в кресле. В гостиной Блекстоунхилл, даже не смотря на её обстановку, было тепло и уютно, в то время как снаружи становилось невыносимо холодно, а капли начавшего накрапывать дождя падали мне на лицо, и, не дожидаясь холодного ливня, я поспешил убраться из этого места.

Дождь застал меня почти у самого дома мистера Мартина, с которым я тут же столкнулся в холле. На его вопросы я ответил невнятной фразой об одолевшей меня бессоннице, желании подышать ночным воздухом и непогоде, прервавшей мою прогулку. Учитывая испачканную одежду, порванную штанину и зажатый в руке фонарь, моё объяснение звучало неубедительно. Но, несмотря на это, мистер Мартин пригласил меня на стаканчик бренди, и вскоре, переодевшись в сухую домашнюю одежду, я уже сидел в гостиной, кутая замёрзшие ноги в колючий шерстяной плед. А в дальнем конце комнаты хозяин дома тихо позвякивал бокалами, разливая в них горячительный напиток, и, когда он поставил их на чайный столик возле меня, волна дрожи пробежала по телу от воспоминаний о мерзком столике в гостиной Блекстоунхилл.

— Вижу вы всё ещё дрожите, — промолвил мистер Мартин. — Вот, это поможет согреться.

Я взял протянутый мне бокал с янтарной жидкостью и уже через минуту ощутил, как приятное тепло разлилось по всему телу. Затем последовала череда вопросов о ходе моих изысканий, на которые мне было нечего ответить, и гостиная погрузилась в полнейшую тишину. Вскоре моя голова, наполненная медленно текущими мыслями о вылазке в Блекстоунхилл, начала клониться на грудь, и, пожелав доброй ночи мистеру Мартину, я под-

нялся в свою комнату. Мягкая постель, мерный стук дождя за окном и тихий плеск волн, незамедлительно погрузили меня в сон, в котором я видел теми снующими повсюду сирен и мерзких чёрных жуков.

2

 Ес科лько последующих дней, пока стихия за окном демонстрировала свой суровый шотландский нрав, я провёл в некоем забытьи, то просиживая с книгой в руках и тупо уставив взгляд на пляшущие огни камелька, то в праздной дремоте, наполненной неясными тревожными грёзами. На третий день всеобщее уныние было прервано слабыми лучиками солнца, прорывшимися из-за серых туч, и в ту же ночь я решился вновь посетить Блекстоунхилл. Тяжёлое предчувствие в этот раз заставило меня сунуть в карман шестизарядный револьвер, приобретённый мной ещё в Кингспорте. Как и в прошлый раз, обойдя холм, я начал осторожно пробираться от кустарника к кустарнику, старательно высматривая дорогу в слабом свете звёзд, как вдруг остановился словно вкопанный. Уже знакомое чувство пронзительного взгляда овладело мною, я поднял голову и с ужасом заметил чёрный силуэт в освещённом проёме парадной двери дома. Припав к земле, я спрятался за кустарник, сердце бешено колотилось, казалось, вот-вот дьявольская фигура в два прыжка достигнет холма и разорвёт меня на куски, даже холодная тяжесть револьвера в кармане не внушала уверенности. Но ничего не произошло. Пролежав так с четверть часа, за которые моя одежда успела намокнуть от влажных после непогоды травы и земли, я поднялся, но не увидел ни освещённого дверного проёма, ни чёрного силуэта, лишь в

окнах гостиной Блекстоунхилл по-прежнему подрагивал свет от камина. Этого с меня было достаточно, и я поспешил восвояси.

Последующие дни я опять провёл в раздумьях, никогда прежде даже самые необычные дела в моей работе журналиста «Кингспорт Газетт» не ставили меня в такой эмоциональный тупик, как сейчас. Я просто не понимал, что останавливало меня, и сидел в ожидании. Но чего? По ночам мне всё так же снились неясные образы, пока однажды к ним не прибавился странный протяжный звук, похожий на пение кита. Я открыл глаза, звук всё ещё витал в ночной тишине, но казался всего лишь отголоском сна. Поднявшись с постели, я вышел из комнаты, чтобы спуститься в кухню и налить стакан воды, но горевший в гостиной свет привлёк моё внимание. Я прильнул к полуоткрытой двери и прислушался, из гостиной доносились голоса мистера Мартина и его жены:

— Опять этот колдун проводит свои дьявольские обряды.

— Как бы ни перебудил всех постояльцев.

Я заскрипел дверью и вошёл в комнату, мистер Мартин и кутавшаяся в шерстянную шаль седовласая женщина устремили на меня взгляд.

— Значит, вы слышали? — промолвил хозяин дома.

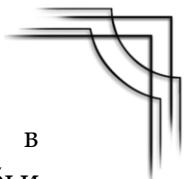
— Лишь то, что вы сказали про обряды, — ответил я.

— И это тоже... — огорчённо произнёс он, и, заметив моё недоумение, тут же добавил:

— Я говорю про тот протяжный звук, вы ведь его слышали? Поговаривают, что его издаёт чудовище озера, когда Элуорк совершает свои обряды.

Выходило, что звук был не просто отголоском сновидений, прорвавшим-

ся в бодрствующий мир, а вполне реальным звуком, проникшим в мои сновидения. Но кому он в действительности принадлежал, неужели лохнесскому чудовищу? Эта мысль захлестнула моё сознание, я извинился перед мистером Мартином за ночное вторжение и поспешил к себе. Наскоро одевшись, сунув в карман револьвер, схватив фонарь и стараясь не шуметь, я вышел из дома. Двинувшись по уже знакомому маршруту, я обогнулся холм и, к своему удивлению, заметил свет на берегу озера. Пройти от того места, где я находился, к Блекстоунхилл не составляло особых проблем, но пробраться к берегу, откуда исходил свет, было куда сложнее, мой путь пролегал по открытому участку на склоне холма, лишённому растительности, где я неминуемо был бы замечен. Поэтому я решил обойти холм и спуститься с той стороны, где его густо покрывали заросли кустарника, подступавшие прямо к источнику света. Через них мне пришлось буквально продираться, ползя на животе и не щадя недавно залатанных и почищенных брюк, а приземистые ветки кустов с дьявольской точностью хлестали меня по лицу, и, тем не менее, взяв за ориентир источник света, я потихоньку продвигался к цели. Картина, открывшаяся мне на границе кустарника и берега, полностью подтверждала слова мистера Мартина: Элуорк, обряженный в чёрную мантию с капюшоном, накинутую, по-видимому, на обнажённое тело, стоял у самой кромки темнеющих вод Лох-Несса, вглубь которых уходили вытесанные в незапамятные времена каменные ступени. По обе стороны от них на металлических штативах ярко пылали два факела, которые и послужили мне ориентиром. Неожиданно

фигура зашевелилась, и я отчётил услышал шелест мантии, только тогда поняв, какая же глубокая тишина окутывала берег. То, как я прорыдался через заросли, наверняка не осталось незамеченным. Из складок мантии показались бледные, по-старчески суховатые руки Элуорка, сжимавшие резной рог, наподобие ритуального шофара, его тонкий конец скрылся в тени капюшона и в тот же момент раздался протяжный звук, слышанный мною ранее. Выходило, что его издавало во все не чудовище озера. Затем Элуорк опустил руки и над берегом разнеслись гортанные звуки древнего нечеловеческого заклятия:

— У'глар'х п'гарн уизл'х!

Не успел затихнуть последний отголосок этих звуков, как вдалеке послышался мерный плеск воды, будто невидимый пловец двигался на свет факелов. Вряд ли кто-то из людей отважился бы окунуться в ледяные воды озера ночью, и я невольно припомнил все прочитанные легенды об обитавшей в нём твари. Сердце в груди бешено колотилось в ожидании какого-то невероятного явления, плеск воды раздавался уже у самого берега, там, где располагались каменные ступени. Я прополз чуть вперёд, к самой границе зарослей, чтобы ясно увидеть неизвестного пловца.

И я увидел его. По ступеням на берег вышла чудовищная, в семь футов ростом, антропоморфная фигура. Её белёсая, местами покрытая серозелёной чешуёй, кожа, влажно лоснилась в ярком свете факелов, а на груди поблескивало какое-то золотое украшение. Перепонки на когтистых лапах и мерно раздувавшиеся подобно жаберным щелям складки на шее говорили, что это была амфибия. Кошмарная же морда существа, с выпу-

ченными немигающими глазами, в точности повторяла рыбью и жабью черты резных фигурок в Блекстоунхилл. Внезапный приступ тошноты скрутил меня, когда, развернув свою хищную пасть, чудовище исторгло гортанные булькающие звуки, походившие на слова неведомого заклинания, произнесённого ранее Элуорком. Пытаясь побороть крупную дрожь, сотрясавшую мою руку, я нашупал в кармане рукоять револьвера, когда из воды на берег ступило второе чудовище. Захлестнувшая меня волна ярости и неописуемого ужаса затуманили рассудок, заставив с диким воплем вскочить с земли, стреляя в озёрных бестий и Элуорка. Одновременно с громом выстрелов раздалось ужасающее гортанное рычание, одна из тварей прыжком бросилась на меня и мощным ударом сбила с ног на каменистую землю. В то же мгновение мое сознание благосклонно погрузилось в тёмную бездну небытия.

3

чувства возвращались ко мне, словно пробиваясь через толпящи воды. Я ощутил нестерпимую боль в груди и холод, а последовавшие за этим две резких пощёчки окончательно привели меня в сознание. Собрав все силы, я открыл глаза — надо мной, на фоне свинцовых туч, склонилась фигура Элуорка.

— Наконец-то вы пришли в себя, поднимайтесь, — донеслись до меня его слова.

Опираясь на вызывавшего у меня отвращение Элуорка, я доковылял до входа в Блекстоунхилл, при этом пульсирующие боль и гул в голове усиливались с каждым шагом. Войдя в дом, Элуорк довёл меня до гостиной, обстановку которой я уже хорошо знал, и, уложив на кушетку, вышел из

комнаты. Казалось, прошла вечность, прежде чем раздался скрип двери и в комнату вошёл Элуорк, неся бинты и бокал с шерри. Несмотря на моё удивление и нескрываемую неприязнь, он молча протянул бокал. Алкоголь немного заглушил боль и помог согреться. Я недоумевал, откуда взялась такая необычайная гостеприимность? Забинтовывая мои руки, покрытые ссадинами и рваными ранами, Элуорк наконец нарушил гнетущую тишину:

— Я так понимаю, вы снова следили за мной? В этот раз ваша дотошность дорого вам обошлась, ночью вы поскользнулись на склоне холма и упали, ударились головой о камень и пролежали без сознания до утра, пока я вас не обнаружил.

Эти слова прозвучали с гипнотической настойчивостью, и я сделал вид, что поверил в них, хотя стоявший неподалёку чайный столик с резными ножками вызывал невыносимые воспоминания о произошедших накануне событиях, в реальности которых я нисколько не сомневался. Ведь когда вышедшая на берег мерзкая тварь набросилась на меня, то рука, которую я инстинктивно выставил вперёд, закрываясь от неё, зацепилась и сорвала со склизкой холодной груди золотой амулет. Именно его, очнувшись, я обнаружил крепко зажатым в руке и незаметно от Элуорка сунул в карман. Этот предмет служил осязаемым доказательством того, что всё произошедшее со мной ночью было невероятной, но всё же действительностью. Пролежав с полчаса, я поднялся и, провожаемый Элуорком, напоследок ещё раз повторившим своё внушение, прихрамывая добрёл до дома мистера Мартина. Тот помог мне подняться в свою комнату, переодеться и улечься в

кровать, а на все его расспросы я отвечал именно тем, что безуспешно пытался внушить мне Элуорк. Мистер Мартин предпочёл не выпытывать у меня подробностей, а оставить отдохнуть и собираться с мыслями, вероятно, уповая на моё благоразумие.

Так началась третья неделя моей жизни в Шотландии, до возвращения в пыльные застенки «Кингспорт Газетт» оставалось совсем немного, но возвращаться не было никакого желания, даже после всего пережитого. События последних дней хоть и шокировали меня, но в то же время пленили своей загадочностью, поэтому я просто не мог уехать, не разобравшись в их подоплеке. Лёжа в кровати, я отдавался раздумьям и не переставал вертеть в руках источавший еле ощущимый рыбный запах золотой амулет; вернее, золотым он показался мне только на первый взгляд, на самом же деле он был изготовлен из какого-то желтоватого сплава с белёсым налётом. Внешне же амулет напоминал пару щупалец, свёрнутых в некое подобие глаза вокруг кольца-зрачка, с причудливым перекрестьем, наподобие кельтского триксаля, внутри. Неужели носившая его тварь была настолько разумна, чтобы изготовить эту диковинную безделушку, да ещё со столь причудливой символикой, указывавшей на принадлежность её к какому-то религиозному культу, пускай и примитивному? Вновь и вновь я возвращался к этим мыслям, вспоминая всевозможные мифы о русалках, ундиных, тритонах и сиренах, о греческом Посейдоне, шумерском Оаннесе и ханаанском Дагоне. Мотив о подводных обитателях, превосходивших своим возрастом и мудростью жителей суши, нашёл отражение в преданиях практически всех народов, и не было

сомнений, что он имел реальные прообразы, с которыми, возможно, мне и довелось столкнуться.

С такими мыслями в один из вечеров я отошёл ко сну, который оказался недолгим. Необычные сновидения в последние дни стали гораздо яснее и насыщенней, в них я погружался в воды Лох-Несса и явственно различал в их глубине верхушки занесённых чёрным илом циклопических храмов с бесчисленными колоннадами и арками, напоминавшими своим стилем античную архитектуру, но вместе с тем обладавшими какой-то неестественной геометрией. Однако в ту ночь мой сон был нарушен уже знакомым протяжным звуком, доносившимся со стороны Блекстоунхилл. Пару минут я лежал в темноте, широко открыв глаза и вслушиваясь в полуночную тишину, в памяти возникали события роковой ночи — яркий свет факелов на берегу, плеск воды и поднимающиеся из неё омерзительные существа. Вспоминания прервал повторившийся протяжный гул, в этот раз он напоминал скорее призывный вой, а мгновение спустя ночную тишину прорезал далёкий нечеловеческий вопль. Я вскочил с кровати, тело всё ещё ныло от боли, натянул ботинки на босу ногу, схватил револьвер, фонарь и, распахнув дверь, сбежал по лестнице в холл, столкнувшись там с остальными обитателями дома. Не проронив ни слова, мы выскочили на улицу и успели в Блекстоунхилл, откуда донёсся дикий вопль. С холма мы увидели свет факелов, озарявший мрачный берег, и уже тогда я знал, что это не предвещало ничего хорошего. Подойдя к месту, где Элуорк проводил свои ритуалы, мы замерли в ужасе. Яркие всполохи факелов отражались в багряных следах, тя-

нувшихся от скомканной чёрной тряпки к каменным ступеням в воде. Подойдя к тому, что некогда было частью мантии, мистер Мартин поддел ткань дулом ружья, и из неё вывалилась бледная, по-старчески сухая рука, крепко сжимавшая перепачканный кровью резной рог — единственное, что осталось от Александра Элуорка, сгинувшего в пучинах Лох-Несса.

Когда всеобщее оцепенение прошло, мистер Мартин послал одного из молодых людей за полицией, а сам остался охранять Блекстоунхилл на случай возвращения убийцы. Я же, не дожидаясь их появления, поспешил внутрь дома, где сразу же принял обшаривать полки с книгами в гостиной. Как и ожидалось, моему взору предстала богатая коллекция философской, теологической, мифологической, мистической и оккультной литературы, содержавшая как широко известные работы Блаватской, Папюса, Поля Кристиана, Леви, так и необычайно редкие тома *«De Vermis Mysteriis»*, *«Liber Iyonis»* и *«Unaussprechlichen Kulten»*. Однако ни одна из этих книг не проливала свет на тайну вычурного амулета, обладателем которого я стал, равно как и на то, чем занимался Элуорк. Лишь в неудобочитаемом *«Cthäat Aquadingen»* я наткнулся на изображение, напоминавшее символику амулета, а текст под ним отсылал меня к другому малоизвестному трактату, под названием *«Ye Text ov R'lyeh»*, который я тут же принял с надеждой искать на полках, бегая от стеллажа к стеллажу в еле освещаемой затухавшим камином гостиной. Но мои поиски были безрезультатны, и в какой-то момент их все прервал глухой звук, похожий на гулкое лягушачье кваканье, который, казалось, исходил из самой глубины

дома. Я замер, прислушиваясь, вероятно в доме кто-то был, возможно залишившийся убийца, а, возможно, и сам Элуорк, пытавшийся позвать на помощь. Сжав покрепче рукоять револьвера, я направился к двери в холл, но, прежде чем выйти из гостиной, бросил взгляд на мерзкого вида чайный столик, где лежал, словно намеренно оставленный там, небольшой фолиант. Направив на него луч фонаря, я откинул потрёпанную кожаную обложку, и прочитал полуустёршуюся надпись на титульном листе — «*Ye Text ov R'lyeh*». Спрятав заветный том за пазуху, я вышел из гостиной.

Тишину в холле вновь нарушил глухой рокочущий звук, отчего в памяти всплыли рассказы мистера Мартина о таинственных звуках, наполнявших Блекстоунхилл, а также воспоминания о злополучной ночи, когда на берег вышли издававшие своё омерзительное гортанное бульканье озёрные существа. Я замер. Неужели эти антропоморфные чудовища были всё ещё в доме? Мне совсем не хотелось вновь столкнуться с ними и повторить судьбу Элуорка. Собрав волю в кулак, я двинулся к лестнице наверх, возле которой вновь услышал гулкий рокот, доносившийся определённо откуда-то снизу, вероятно из подвала, дверь в который была рядом с лестницей. Вытянув вперёд руки с фонарём и револьвером, я толкнул скрипнувшую дверь и шагнул во тьму. Осторожно переступая по старым прогнившим ступеням, я, наконец, достиг каменного пола подвала, когда громоподобный звук повторился, на этот раз он был более громкий и отчётливый. Направив луч фонаря на дальнюю стену, со стороны которой он шёл, я высветил аккуратную каменную арку, зиявшую чернотой. Во вновь насту-

пившей тишине из арки послышался плеск воды. Двинувшись вперёд, я ощутил, как узкий тоннель уходит под наклоном вниз. Гулкий рокочущий звук, сопровождаемый сыростью и отвратительным гнилостным запахом, вырвался из глубины тоннеля, заставив меня большим пальцем дрожавшей, не то от холода, не то от липкого чувства страха, руки взвести курок револьвера и приготовиться нанести молниеносный удар по неведомому противнику.

Последний шаг, и моему взору открылся довольно большой подземный грот, наполовину заполненный водой. И, как мне показалось в фосфоресцирующем свечении, шедшем от покрывавшего стены грибка, у дальней стены копошилось нечто огромное. Я поднял фонарь и почувствовал, как ноги тут же предательски подкосились, а рассудок помутился. Огромная, походившая на жабу тварь восседала на каменном выступе, её чёрная склизкая кожа обтягивала мощный хребет, переходивший в продолговатый хвост, а омерзительные лапы оканчивались чем-то вроде ромбовидных плавников, образованных перепонками между пальцев. Самым же ужасным в этом чудовище была его морда, вернее длинные, извивающиеся и пульсирующие отростки на её месте. Должно быть, свет фонаря ослепил чудовище, находившееся в полумраке, отчего оно медленно вытягивало в мою сторону несколько щупалец, оканчивавшихся шарообразными утолщениями, и пожабы переминалось с лапы на лапу. Остальными же своими щупальцами оно обвивало, крепко сжимая, изувеченные останки бледного человеческого тела, с застывшим в омерзительной гримасе лицом и лишь одной оставшейся, согнутой под неестественным

углом, рукой.

Стоя в каменной арке на подкосившихся ногах, объятый дрожью и невыразимым ужасом, я издал дикий вопль, когда до моих ушей донёсся отвратительный треск разрываемой плоти. Одновременно с этим я несколько раз нажал на спусковой крючок револьвера, озарив подземный грот яркими вспышками и оглушительным грохотом выстрелов, в ответ на которые мерзкое чудовище задёргало всеми своими чёрными отростками и хищно зарокотало. Я бросился прочь, слыша за спиной плеск воды и шлепки склизких щупалец о каменные стенки тоннеля. Ужасное существо не могло прятиснуться в него, и всё же, в какой-то момент я ощутил, как нечто холодное скользнуло по моей ноге и обвилось вокруг ботинка. Развернувшись, я разрядил оставшиеся патроны в клубок извивавшихся щупалец, закрывших собой весь арочный свод тоннеля. К счастью, моя нога с лёгкостью выскользнула из незашнурованного ботинка, и чудовище забилось в конвульсиях, извергнув мне в след жуткий рокот, заглушивший шум осыпавшейся каменной кладки тоннеля. С диким воплем я выскочил из проклятого дома, тут же налетев на мистера Мартина в сопровождении полисменов, и единственное, что мне удалось вымолвить, прежде чем рухнуть без чувств на землю, было:

— Оно там, в доме!..

4

 чнулся я уже на своей кровати, в доме мистера Мартина, снизу доносились чьи-то голоса. На мне была всё та же перепачканная пижама, а на ноге не хватало ботинка, зато рядом на тумбе лежал разряженный револьвер. Я сунул руку за пазуху, нашупал там кожаный пе-

реплёт книги, и, вытащив его, быстро спрятал под подушку. Это оказалось весьма своевременным, поскольку половицы за дверью заскрипели, и без стука в комнату заглянул молодой человек, один из моих соседей. Увидев, что я пришёл в себя, он позвал мистера Мартина и полисменов, желавших узнать, с чем же мне довелось столкнуться в Блекстоунхилл, чтобы бежать прочь в таком состоянии? Вероятно, мистер Мартин скрыл от них историю моихочных наблюдений за Элуорком, и, рискуя прослыть трусом в глазах окружающих, я сослался на какуюто тень, привидевшуюся мне в подвале дома, по слухам населённого призраками. Не имея никаких подозрений, полисмены оставили меня в покое, лишь заметив перед уходом, что наткнулись в подвале на недавно обвалившуюся каменную арку. И я благодарили судьбу за то, что больше никому не пришлось столкнуться с ужасным чудовищем, разорвавшим на куски Элуорка и чуть не убившим меня самого. Умывшись и скинув с себя пижаму, я забрался в кровать и тут же забылся беспокойным сном.

Проснувшись ближе к полудню, мне никак не хотелось возвращаться к тому безумию с поминутными воспоминаниями о ночном происшествии. Все предшествовавшие события лишь подогревали мой авантюризм, даже увиденное появление земноводных существ на берегу озера. Но последнее стало слишком сильным ударом. Не было сомнений, что я столкнулся с самим лох-несским чудовищем, истинный облик которого доселе был скрыт лишь за описанием тех его частей, которые очевидцы видели высывающимися из воды. Чтобы хоть как-то отвлечься от этих мыслей, я спустился к обеду, но царившая в доме атмосфе-

ра оказалось настолько гнетущей, что, не выдержав взглядов мистера Мартина и остальных жильцов, я попросил не тревожить меня и поднялся в комнату, где без сил рухнул в кровать. Полуденное солнце, то и дело пробивавшееся из-за серых облаков, узким лучом врывалось в мою комнату, наполняя её приятным золотистым светом, напомнившим мне о блеске странного металлического амулета. Он абсолютно вылетел у меня из головы, и я никак не мог вспомнить, куда его положил, сколько не силился это сделать. Озадаченный, я бросился судорожно перерывать все свои вещи, обшаривать каждый угол комнаты, но амулета нигде не было. В конце концов, я вспомнил, что прежде чем проснуться от гула и дикого вопля накануне, уснул, сжимая амулет в руке. Ринувшись к кровати, я лихорадочно сорвал с неё одеяло и покрывала, из-под подушки вылетел и упал на пол «*Ye Text ov R'lyeh*», но и здесь амулета не оказалось. Неужели я потерял его, единственную вещь, которая служила материальным доказательством охватившего Блекстоунхилл и Лох-Несс безумия? Опустившись на пол, чтобы в последней надежде заглянуть под кровать, я вдруг ощутил, как нечто едва весомое, качнувшись, ударило меня в грудь. Спешно расстегнув воротник рубашки, я сунул за пазуху руку и тут же нашупал причудливые формы металлического амулета. Всё это время он находился на мне, подвешенный на шнурке за обрывки цепочки, при этом он казался тёплым и лёгким, а потому я совершенно забыл о нём.

Несколько успокоившись, я привёл комнату в порядок, поднял упавший на пол том «*Ye Text ov R'lyeh*» и разместился с ним на стуле возле окна. Поистёргаясь и обтрепавшаяся от време-

ни обложка ещё как-то удерживала рассыпающийся переплёт книги. С некоторым трудом разбиная текст на староанглийском, я погрузился в тёмный мир потаённых мистерий, столь ужасающих и столь невероятных, что в них было невозможно поверить. Эта летопись дочеловеческой истории рассказывала о времени, когда на первозданную землю спустилось древнее божество по имени *Ктулху*, а вместе с ним пришло и его чернокрылое потомство, которое возвело циклические города с невероятной космической геометрией. Но впоследствии из-за глобальных катаклизмов одни города разрушились, а другие погрузились в тёмные бездны океанов. Величественная столица *R'lyeh*, ставшая гробницей для *Ктулху*, до сих пор покоится где-то на дне Тихого Океана, грозя подняться из его пучин, когда звёзды примут благоприятное положение, и явить миру своего бессмертного основателя, а до тех пор его покой стережёт ужасный *Дагон*. О, как же жалко выглядела ветхозаветная ложь о нём, божественная поступь *Дагона* могла бы с лёгкостью разрушить все те полумифические города, которые слепо воспевали авторы священного писания, ведь основанный им самим город *Й'ха-Нтлей* куда как больше достоин почитания. Этот нетронутый временем и тленом колосс до сих пор скрывается в водах близ Иннисмаута, напоминая о себе выступающим из воды Дьявольским рифом. Как и многие другие города, *Й'ха-Нтлей* никогда не оставляла жизнь, его населяли бессмертные отпрыски *Дагона* и *Гидры*, и этот причудливый народ амфибий уже был невероятно древним, когда первые жители суши, заворожённые плеском океанских волн, устремили свой взор в его тём-

ные пучины.

Книга полностью поглотила меня, словно безумный, я не выпускал её из рук часами, жадно вчитываясь в древнюю летопись. Отказываясь от еды, я, напротив, всё чаще предавался снам о древних подводных городах, наполненных бурлившим в них жизнью, но теперь это были не смутные тени, а ясно различимые жители глубин. Однажды я даже почувствовал себя одним из них, после чего проснулся в холодном поту и больше не смог уснуть. Странное недомогание завладело мной, я подолгу сидел за книгой, снова и снова перечитывая её, либо стоял у окна, всматриваясь остекленевшим взглядом в простиравшуюся за ним свинцовую гладь Лох-Несса, и наяву созерцал картины из снов. Вскоре к этому прибавились ещё более тревожные симптомы — приступы удушья, сопровождавшиеся сильными спазмами, подавляли мою физиологическую способность нормально дышать, при этом мышцы лица часто сводила судорога, делавшая их практически недвижимыми. Не было сомнений, что мне требовалась помощь врачей: похоже, что всё пережитое за эти дни навредило мне куда сильнее, чем я полагал, и стало причиной этих приступов. Но я не хотел видеть никого из людей, болезненно избегая даже встречи с соседями по дому или его хозяином, что, впрочем, было и к лучшему.

§

ошла последняя неделя моего отпуска, грозившая скорым возвращением в Кингспорт, когда произошло событие, побудившее меня к написанию этих строк. Не имея ни родных, ни близких, которые бы стали меня искать, я оставляю свои записи мистеру Мартину, который

будет обеспокоен моим внезапным исчезновением, в надежде, что он сумеет поверить во всё написанное, хотя и не сможет с этим ничего поделать.

Принявши читать взахлёб проклятый «*Ye Text ov R'lyeh*» с самого начала, я совсем позабыл о том, почему так упорно искал эту книгу в Блекстоунхилл. Прочитав около половины небольшой по формату, но весьма объёмной по содержанию книги, я неожиданно для себя наткнулся на изображение символа, точь-в-точь повторявшего контуры металлического амулета, всё это время висевшего у меня на шее. Ранее я уже читал о том, как люди суши заключали противестественные союзы с жителями глубин, порождая на свет мерзких гибридов, поначалу не имевших в своём человеческом развитии никаких отклонений, но по достижении определённого возраста начинавших меняться, уподобляясь своему второму родителю. Именно такие полукровки, а также те из людей, которые верно служили *Дагону* и жаждали измениться, чтобы войти в его подводное царство, были отмечены Знаком *Дагона*, как он именовался в книге.

Мысль о том, что амулет из неизвестного металла, с которым я ни на минуту не расставался, мог каким-то мистическим образом быть причиной происходивших со мной приступов, а те, в свою очередь, являлись признаком злокачественных перемен в организме, была сама по себе безумна. И всё же она, словно острое лезвие бритвы, больно полоснула по моему воспалённому сознанию. Сломя голову я бросился к умывальнику в углу комнаты, отгороженному складной ширмой, и устремил немигающий взгляд на гладкую поверхность зеркала. Дикий вопль, похожий на тот, что донёс-

ся в роковую ночь из Блекстоунхилл, был, пожалуй, единственной возможной реакцией на увиденное. Я схватил подвернувшийся под руку кувшин с водой и запустил в повторявшего все мои действия мерзкого урода с безумными выпученными глазами, приплюснутым носом и широким, почти безгубым ртом, вдребезги уничтожив и зеркало, и моё собственное отражение в нём. А затем, ни минуты не колеблясь, я кинулся к револьверу, так и лежавшему на прикроватной тумбке, поднёс его к виску и нажал на спусковой крючок.

Вновь и вновь я нервно жал на него, и звяканье ударного механизма по пустым гильзам во вращающемся барабане изdevательски, но, к несчастью, не смертельно, отдавалось резкой болью в голове. В бессильной злобе я упал на пол, облокотившись на кровать. За дверью послышались быстрые шаги и настойчивые стуки. Преодолев тяготившее меня на протяжении нескольких дней безмолвие, я ответил, что всё в порядке, смутив молодых людей за дверью своим неестественно гулким, горланным голосом. Явилось ли это следствием длительного молчания или же произошедших метаморфоз, меня уже не волновало, в зеркале я успел увидеть достаточно такого, по сравнению с чем изменения в голосе были просто ничтожны. Нашупав дрожавшей рукой на груди металлический амулет, я сорвал его и зашвырнул в валявшиеся возле умывальника осколки, погрузившись в отчаяние. Часы тупого stupora, проведённого на полу у кровати, были прерваны внезапной мыслью, что, если присутствие амулета оказалось столь сильное воздействие, то его отсутствие должно произвести обратный эффект. Несколько ободрённый этой мыслью, я, наконец,

взобрался на кровать, и, уткнувшись лицом в подушку, попытался забыться подобием сна. Вновь, как и прежде, я оказался в подводном городе, с гротескными античными храмами, треугольными портиками, арками и длинными колоннадами. Всё больше он наполнялся жизнью, и я видел сновавших всюду обитателей глубин, они уже не казались мне столь омерзительными, наоборот, обращая на меня свой взор, эти существа испытывали некую неприязнь. Впервые в этих грёзах я услышал их голос, раскатистый и горланный, какой издавали те, что вышли ночью на берег, и отдалённо подобный тому, какой издавал я сам в ответ, ещё не понимая их речь, но воспринимая её смысл посредством зыбких образов, возникавших в моём сознании.

Неожиданно эти болезненные видения были прерваны приступом удушья, куда более сильным, чем все предыдущие. Вскочив, я распахнул окно, пытаясь успокоиться, ноказалось, что мою шею сдавило тисками, кровь прилила к лицу. Я бросился к умывальнику, но кувшин с водой был превращён в груду черепков. Повалив на пол складную ширму, я ринулся к двери, пробежал по коридору и, ворвавшись в ванную комнату, выкрутил ручку крана. В раковину ударила струя холодной воды, судорожно зачерпывая её руками и поднося ко рту, я вдруг ощутил, как в спазме моя горло наполнила холодную воду в лёгкие. Откашливаясь, я внезапно понял, что удушье прошло, и способность свободно дышать вернулась. Неужели произошедшие в моём организме изменения пробудили некиеrudименты, заставившие лёгкие начать действовать подобно жабрам земноводных?

Стало очевидно, что моя болезнь не

только не отступила вместе с проклятым амулетом, но и продолжила раз виваться, а уготованный мне судьбой конец, неизбежен, и я могу лишь сми риться с ним. В некоторых людях течёт древняя кровь, о которой они даже не подозревают, и никогда не узнают, если судьба не столкнёт их со *Знаком Дагона*. Ещё несколько дней мне предстоит вдыхать воздух вместе с людьми суши, после чего я совершу то, чего так жаждал Элуорк, но был недостоин. Его тело так и не найдут, пожранное, словно принесённый в жертву скот, древним и мудрым хранителем озера, имя которому *Nisag*. Совсем скоро, когда луна исчезнет с небес, и волны отступят, под разрывающий ночную тишину гул резного Рога Зова на освещаемый факелами берег выйдут те, кто поведёт меня в подводный город, раскинувшийся на дне Лох-Несса. Там я смогу закончить своё превращение и воочию увидеть древние храмы, с колоннадами и арками, возведёнными ещё римскими легионерами, которые, как и я, были отмечены высшим знаком, изменились и ушли в дивный подводный мир отца *Дагона*. А после я отправлюсь в много колонный *Й'ха-Нтлей* у берегов Инсмаута и циклопический *P'лиех*. Там мы погрузимся в чёрные бездны, где будем вечно пребывать среди чудес и красоты.

Герберт Кэмпбелл, 17 августа 1921 года

Илиас Дралунг

Подкидные младенцы

Гистер Сноддервик, клубный завсегдатай, как обычно, по-рядочно нализавшись (на дворе был ноябрь, стояла студёная, промозглая погода, так что он пил вдвое больше обычного), уселся поудобнее, забил свою изящную, прокопчённую не хуже чеддера бриаровую трубку модели «Чёрчвард» и начал так:

— Довелось мне однажды, джентльмены, охотиться в торфяниках Северного Ланкашира. Дело было в начале весны, и от сырости весь мой отборный порох марки «Хэмпстед» безнадёжно промок. Да, кстати, было это лет двадцать с гаком тому, так что я был совсем другим, отважным и энергичным молодым человеком, полным лихорадочных идей, читал журналы по радиотехнике, посещал

всякие научные семинары и прочие рауты. Так вот, погода была хуже некуда, а две моих борзых, Тильда и Лямбда, вконец замучились гнаться за хитрюгой-зайцем, я же вусмерть утомился бегать за ними по колено в болотной жиже; наконец, заморосил холодный дождцец со снегом, так что я свистнул псинам, сел на пень и закурил. Табак, мой превосходный табак сорта «Уайтклифф» тоже весь вымок, так что еле тлел. «Чёрт!» — выругался тогда я в сердцах и сплюнул в жухлую траву. «Ну, — думаю, — денёк».

Тут смотрю, невдалеке, у поваленных берёз с торчащим вокруг них рогозом, эльф на бревне сидит да виски прихлёбывает. Как-то до этого я его не усмотрел? Местность же пустынная, болотистая. Видно, за корневищами

не разглядел сперва. «Вот-те на! — думаю, — эльф.»

Выглядел эльф-то как самый обыкновенный ирландец, каких я на своём веку уйму перевидал, только длинный больно, что твоя берёза или ольха, и с благородным профилем, как у гимназистов. Волосы у него были серебряные, как паутина. Тильда и Лямбда как раз подбежали и, учуя фейри, принялись брехать как дурные, пока я не огrel их по головам. Тогда псины поджали хвосты и, боязливо поглядывая на незнакомца, принялись жалобно подывать, но я вновь на них замахнулся, и они вконец замолкли. Эльф смотрел на всё это с выражением лёгкой насмешливости, а когда я закончил муштру моих борзых, поманил к своему «столу», сделав длиннющей костистой ладонью эдакий лёгкий пригласительный жест.

Одет он был, надоенно сказать, совершенно не по моде и не по погоде: на нём красовался такой лёгкий прогулочный костюмчик из зелёного твида — и ни дождевика, ни кирзы. А тут ведь торфяники, да ещё март-месяц, холодина, туманище, меня аж самого передёрнуло, как подумал. Да, сразу видно, что эльф-то не из наших краёв. На голове у эльфа сидел такого же цвета вельветовый козырёк, а на ногах были изысканные кожаные ботфорты, годные разве что по набережным Темзы слоняться. В общем, надо видеть. Рубашка у него была с высоким воротником, василькового цвета и будто бы мерцала на сероватом полотне торфяников. А небо было самого невыразительного оттенка и по ощущению такое же тяжёлое, что и самый тяжёлый металл, то есть свинец.

Вокруг нас на несколько миль простиралась тусклая пустота без единой живой души, вдали чернел лес; и

представьте себе, насколько чудным должен выглядеть силуэт любого человека на этом безрадостном фоне, а уж силуэт этого джентльмена, поверьте моему слову прирождённого акварелиста, выглядел вдвойне, нет, втройне чуднее. Его долговязая фигура настолько вопиюще контрастировала с окружающей нас хмурой проэзой весенней природы, что я, ей-ей, несколько раз помигал, протёр глаза и ущипнул себя за руку со всей силы. Но, глядь — а он всё там же сидит и рукой своей длиннющей меня подзывает. Ну, я-то парень не робкого десятка, но всё же, господа, честное слово, немного струхнул тогда, однако от приглашения фейри отказываться не слишком-то вежливо, сами знаете. Так что делать нечего, обхватил я покрепче своё ружьё, призвал святого Патрика и святую Фиону на помощь, и подошёл, выбирая дорогу между кочек и прогалин, к эльфу и его импровизированному привалу.

— А вот мне не очень понятно, как это вы вывели, дорогой мой сумасброд, что перед вами непременно должен был оказаться фольклорный персонаж, а не самый обыкновенный представитель мистической молодёжи, — раздался надменный фальшивый тенор мистера Монтегю, как всегда старающегося досадить Сноддервику при любой возможности, ибо у них были давние разногласия на почве политики — мистер Монтегю относил себя к вигам, а мистер Сноддервик, соответственно, к тори.

— Закрой пасть, скотина! — крикнул на него, не поворачивая головы, похожий на древнего ящера мистер Сноддервик, брызнув желчной слюной. — И без тебя уже всё известно.

Ужаленный в самое естество, злопамятный тучный мистер Монтегю

грозно хрюкнул, встал и громогласно удалился из комнаты. Раздался чей-то неодобрительный храп. Мистер Сноддервик что-то сердито буркнул вслед ушедшему, потом кашлянул, после похрустел шейными позвонками, затем костяшками пальцев и продолжал так:

— Так вот, господа дорогие. Что произошло далее.

— Да, что же, во имя Фауста? — взмолился один профессор средневековой латыни.

— А вот что. Подошёл я, значит, к этому дитя природы, хотел уже представиться, как тут над нами низко так прогудел аэроплан, разрывая туманный весенний воздух протяжным рёвом пропеллеров.

Вместо приветствия эльф указал пальцем на небо и спросил меня довольно учтиво на чистейшем валлийском:

— И давно они здесь летают, сэр? — с этими словами он поднёс к глазам бинокуляр и сосредоточенно стал настраивать фокус.

Я, сам чистокровный валлиец по бабке, недолго думая, поклонился, осенил себя крестным знамением и, подождав, пока мой новый знакомец закончит наблюдения за аэропланом, ответил, тщательно подбирая слова:

— Сэр, мы не представлены друг другу.

— Ах да! О, чёрт меня подери, какой же я болван. Простите меня великолдушино, — расплылся эльф в ироничной улыбке; при этом глаза его оставались холодны и прозрачны, как вода в дождовом бочонке. — Можете меня звать Корнелиусом Ши Морнаухом. Я здесь не часто, вот приехал тётушек повидать.

Хотя его имя показалось мне несколько необычным, я виду не подал и

только кивнул с почтением, после чего представился сам.

— Очень приятно, мистер Сноддервик, — голос у моего нового знакомого и сам по себе был довольно оригинален — будто бы тональность и обертоника в его модуляциях постоянно плавали туда-сюда — но, тем не менее, я не стал особо придираться и сел на соседний пень.

— Так что вы мне скажете про эти шумы в небе? — напомнил мне Корнелиус. — Да, и к чему вы вспомнили про распятие того древневосточного философа-чудотворца?

— Э? Простите, я вас не очень понял, — в голове у меня, помнится, всё смешалось: запахи пробуждающейся после зимнего сна земли, вороны крики вдалеке, затихающий гул аэроплана, Библия, древние ирландские саги и невесть что ещё. С неба опять заморосило.

Я собрался с мыслями, поглядел на гранёную бутыль виски «Олд Скоттиш», потом на длинные руки и серебряные волосы эльфа и ответил ему, как ни в чём не бывало.

— Это аэроплан. Избрели их лет пятьдесят тому назад, в Австрии вроде. У нас их заказывают себе в основном зажиточные спортсмены, бизнесмены и молодые баронеты-естествоиспытатели. На дворе сейчас тысяча девятьсот двадцать шестой год. Я сам не суеверный, но воспитан в христианской католической традиции, а вы, дорогой мой, самый натуральный эльф, только без обид, вот я и перекрестился по наитию.

Корнелиус Морнаух помолчал некоторое время, глядя вдаль бесстрастным лицом, а затем указанная часть его тела вновь приняла ироничное выражение. Он взял бутыль с виски и налил мне, а потом — и себе. Молча

он протянул мне металлическую кружку, а когда я взял и собрался уже отхлебнуть, вдруг резво остановил меня:

— Стойте, дорогуша. Коли вы воспитаны в этой вашей христианской вере, вам должно же быть тогда вдомёк, что, во-первых, ни в коем случае нельзя смертному принимать приглашение от бессмертного, а если уж принял, то креститься и призывать всех святых тут уж и вконец бессмысленно, и, во-вторых, пить эльфийский алкоголь, тем самым разделяя трапезу с представителем нашего Славного Народца — уж совсем никудышное занятие для правоверного католика. А что, если это не виски, а сонное зелье — выпьете вы его, сударь, и очнётесь где-нибудь на дне этих болот, где, кстати, у моих тётушек прекрасное имение. Станете вы одним из наших или того хуже — простым прислужником, будете изо дня в день воду из одного кладезя в другой переливать, чай? Ну, что скажете?

И глядит на меня во все свои пронзительные глаза цвета зимнего пруда, да с хитрецой такой. Я тут и смекнул, что Корнелиус хочет меня заманить в какую-то логическую игру, потому сказал ему как есть:

— Ладно, сэр, не морочьте мне голову. Мы с вами оба джентльмены, разве что вы с причудами, коли сидите тут на болотах в марте-месяце без тёплого пальто и болотных сапог. До ближайшей деревни как до оазиса Амона в ливийской пустыне — от Каира (тут я, право, применил свою недюжинную географическую эрудицию). Только что с нами нет нескольких легионов царя Македонского. Да и погода ни к чёрту. Рекомендовал бы я вам накинуть... ну хоть мой плащ — у меня под ним тёплый свитер из

козьей шерсти, если что.

— Да ну что вы, мне в самый раз, — вежливо отклонил предложение эльф.

— А виски, — продолжал я, — и раньше пили самого разного качества, и ничего нам с него не было. Верно, Лямбда?

Псины замахала хвостом и отрывисто гавкнула в знак согласия. Я же опорожнил свой жестяной кубок одним махом.

Виски оказался недурственным, да-ром, что «Олд Скоттиш» — обычно туда мешают всякую химическую бурду — только что сильно крепкий, мне аж дыхание перехватило. Мистер Морнаух от души рассмеялся, да так оглушительно, что Тильда и Лямбда враз подскочили и забрехали. Корнелиус похлопал меня по спине, спазм отпустил, и ничего вокруг не изменилось.

— Вот видите, не всё то правда, что о нас говорят, — веско сказал эльф, воздев указующий перст в сырой мартовский воздух.

— Ладно. Так вы сказали, сэр, что приехали в гости к тёткам. А сами вы из каких мест будете? — решил я перевести тему, чуть отышавшись.

— Я-то? Из отдалённых, — довольно лаконично ответствовал он.

— А поподробнее?

— Ну а вы сами-то из каких?

Поняв, что разговаривать вопросами — весьма глупое и трудоёмкое занятие, я ответил про себя:

— Из Гластонбери, там у меня родственники, но сейчас я снимаю апартаменты в Лондоне, вернее сказать, художественную мастерскую.

— О, так вы художник?

— Не совсем. Скорее, столяр-краснодеревщик.

— Ага, — сразу же охладев, кивнул эльф. — Ну, а я из Девоншира, значит.

— Вот сразу бы так.

— Ну уж простите мне мою слабость. Ещё по одной?

Действительно, подумалось мне, эльфийская логика сродни женской, только ещё более заковыristа. Какой-такой секрет из того, что в Девоншире тоже живут фейри? Они ведь в каждом графстве есть.

— А никакого, — иронично ответил, видимо, прочтя мои мысли, Корнелиус, разливая виски. — Только что родичи просили меня не распространяться кому не попадя.

— Ясно, — повисла небольшая пауза. — Так что вы думаете о современной технике — о летательных аппаратах, о новых средствах связи и открытиях в области электромагнетизма?

— Что я думаю? — задумался Корнелиус. — Что я думаю? Хммм....

Меня уже не так пробирал озноб, как раньше, душа моя согрелась добрым эльфийским пойлом, поэтому я не стал ускорять ход мысли моего странного собеседника и позволил отвлечь своё внимание на обозрение туманной полосы дальнего леса.

Наконец Корнелиус вышел из ступора и ответил:

— Я хотел бы предостеречь ваших учёных от заигрывания со стихиями и энергиями, которые они не понимают. Этот пресловутый антропоцен-тризм... «Человек есть мера всех вещей». Кто это сказал? Читал я ваших мудрецов. Ницше, Спиноза, Вернадский, Гёте, Достоевский, Шлегель, Гегель, Гоголь, Моголь. Не впечатлило.

— А что вас впечатляет обычно? — раздосадованный его гонором, осведомился я у сего интеллигента.

— Что меня впечатляет? Ха-ха, хо-хо, ну, хотя бы то, что вот я сейчас возьму и заново наполню бутыль превосходным виски.

— Да ну? — не поверил я и прищурил один глаз. — Вот уж давайте без фокусов, у нас с вами тут серьёзный разговор.

— А никто и не говорит ни о каких фокусах. Всё естественнейшим образом, исходя из первого закона термодинамики.

— Из первого, говорите? — встрепенулся тогда я. — Ну-ка, организуйте.

Житель он холмов или не житель, а меня так просто не обдуришь. Что я, зря, что ли точным наукам обучался в колледже и всего Артура Конан Дойла прочитал?

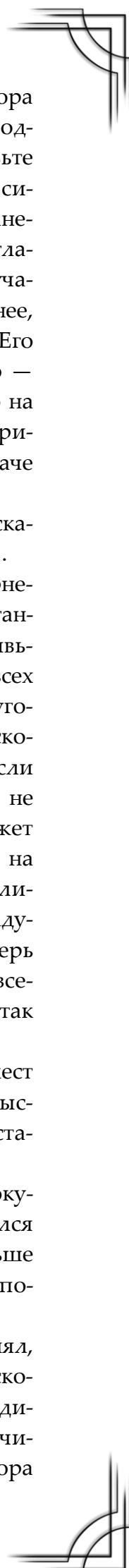
— Тогда смотри внимательно, — произнёс эльф и своей худющей, словно жердь, рукой приподнял бутыль с виски на уровень своей головы. Тёмно-зелёное стекло просвечивало на воздухе, и я вполне удостоверился, что виски осталось разве что на донышке.

— Ну вижу, да, — наконец, сказал я и кашлянул — слишком уж промозгло было здесь, на луговине. — Осталось разве что моим борзым угоститься.

Я не большой любитель всяких там иллюзионистских штучек, джентльмены, потому сразу потерял интерес к фокусу и полез в карман за спичками и табаком, а в другой карман — за своей старой трубкой, которую вы, кстати, можете и сейчас лицезреть.

— Да хватит уже баухальства! — не выдержал какой-то скряга в углу, закутанный в плед, как бедуин. — Покороче давай.

— А ну заткнись, пёсья морда! — рявкнул, не вынимая изо рта трубки, мистер Сноддервик. Наступило тягостное молчание, слышно было, как у собравшихся трутся друг об друга челюсти и поскрипывают суставы на ветру.

— Вот такой вот я позитивист, господа, — продолжал, как ни в чём не бывало, м-р Сноддервик. — Эльф же мгновенно уловил перемену настроения и участливо осведомился, опустив бутыль обратно к себе на бревно.

— Что-то не так, монсieur?

— Нет-нет, — поспешил я его заверить. — Пожалуйста, продолжайте, сэр Корнелиус. Я тут малость отвлёкся на проблемы насущные.

— Ах, эти насущные проблемы, — вдруг оживился эльф. — Знаете, у нас ведь тоже не всё гладко.

— А что у вас не так?

— Ну, не считая засилья человеческих орудий промышленности, всех этих проклятых и зловонных дымных фабрик с вонючими нефтяными машинами и злыми собаками, — начал отвлечённо формулировать мысль Морнаух, — у нас есть ещё один постоянный источник для раздражения.

— И кто — или что это? — недоумевал я. Про заводы мне было понятно, разумеется.

— Никогда не догадаетесь.

— Не спорю.

— Это — цыгане.

Корнелиус произнёс это простое слово с таким весом и с такой зловещей интонацией, что мне стало не по себе. Однако я быстро отошёл.

— А что же вам сделали цыгане?

— Ну как, — грустно усмехнулся почтенный эльф, — мало того что цыгане охотятся на наших зайцев, они ещё и подкладывают своих детей нам на воспитание. А ведь это именно мы, — гордо выпятив грудь, прогремел Корнелиус, — именно мы славимся испокон веков «подложными грудничками»!

Тут у меня начала формироваться картина этого древнего противостояния.

— Эти развесёлые ребята из табора постоянно крадут наших детей и подсовывают нам своих. Представьте только, как страдает от этого наша система образования и здравоохранения! Вот и в этот раз тётушки пригласили меня разобраться с одним случаем «подложного грудничка». Вернее, на крестины пригласили, тьфу-ты. Его нашли в этих болотах не так давно — видно, бросили своего внебрачного на верную смерть. Моим тётушкам пришлось взять его на воспитание, иначе помер бы.

— Вот оно что, — сокрушённо сказал я. — А я и не знал, как же у вас...

— Да, — гневно продолжал Корнелиус. — Этот чертёныш явно цыганский, правда, я ещё его не видел живьём. Но уже ощущаю. У них ещё у всех зубы золотые. И как только меня угораздило — стать крёстным цыганскому племени. Ладно. Увы. Кстати, если увидите зайца на этих лугах — не стреляйте лишний раз, это может быть наш тотемный зверь. А вот на уток охотьтесь, это без проблем. С лисами тоже осторожнее — они колдуны. Про сов сами знаете. А теперь мне пора. Рад был познакомиться, всегда к вашим услугам, премного, и так далее, и тому подобное.

Эльф сделал мне прощальный жест рукой и вдруг исчез. В прямом смысле. Даже облачка от дыхания не осталось.

Я проморгался, потом ещё покурил, встал, кликнул собак и двинулся восвояси. Ни одной утки мне больше не попалось. Кстати, вот что было потом...

Тут мистер Сноддервик отнял, наконец, свой взгляд от гипнотического полыхания камина и оглядел аудиторию. Никого не было рядом, не считая только дремавшего профессора

латыни в соседнем кресле. Он бормотал что-то вроде: «*Sol... inaetnmen... incntmmt... justi... Antwerp*»¹.

Сноддервик бросил взгляд на напольные часы. Часовая стрелка подползала к одиннадцати вечера.

¹ Почтенный профессор, судя по всему, хотел донести до внешнего мира какое-то мудрое изречение на латыни. Увы, он сам не помнил его смысл; а, изречённое в искажённом виде в состоянии дрёмы, оно не поддаётся расшифровке даже для читателя осведомлённого.

Дмитрий Константинович Рыба, способная проглотить лодку

« цитон», трёхдечный трёхмачтовый корабль с жёлто-красным муравьём на парусах, вышел из адмиралтейства полтора месяца назад. Муравей имел огромные изогнутые челюсти — солдат кочевого вида. Африканские крестьяне, завидев колонию этих насекомых, хватали домашнюю живность и бежали из деревень.

Капитан Ярн Мюрт не раз бывал на берегах тропической Жамурии, но дальше портов с рахитичными по-прошайками и грудами гниющих фруктов Чёрный континент оставался для него загадкой. Про эцитонов Мюрту рассказал береговой окологаваний, негр с пористым лицом и ушами борца, похожими на цветную капусту. Они пили под тентом бара

недалеко от гавани, и окологаваний долго смеялся, вспоминая, как однажды в джунглях сопровождал двух белых путешественников.

«Я улёгся возле палатки под москитной сеткой, — говорил негр. — Жара стояла адская, но спал я крепко, я всегда сплю крепко. Меня разбудил крик профессора. Я вскочил. Смотрю, не понимаю. Профессор танцует голый возле палатки, весь в чёрных точках. Тут до меня дошло. Муравьи его жрут. Боль от укусов ужасная, поверьте на слово. Будто углами обкладывают. Профессор, значит, орёт, ноги в сапоги тычет, а там тоже муравьи, эцитоны. Тут и помощник профессора выскакивает — тоже весь в муравьях, в одних трусах отплясывает. Пока бензином не окатил — визжали, как

дети. Ох, и насмеялся я тогда. Знаю-знаю, что бензин запрещён! — околоточный взмахивает руками. — Экологическая программа «Путь» у нас в Жамурии как библия. В качестве горючего ни-ни, у самого — велосипед и небольшой парусник».

По возвращению из того рейса Мюрт подал заявку в юрберское Бюро Регистрации Названий, а через неделю уже заказывал паруса с новой эмблемой (предварительно отполировав задом скамью библиотеки имени Проклятого Нима, выискивая изображения непреклонных кочевников), а поверх белых полос по бортам лично вывел кистью: «Эцитон». Старое имя корабля — «Анна-Эстель-Катрин» — досталось Мюрту вместе с судном и никогда не нравилось. Плавать на женщине он предпочитал только в окружении перин или душистых полевых трав.

Корабль шёл левым галсом. В холодно-синем, как зрачок сирены, небе кружили немые чайки. Капитан стоял на мостице. Впереди по-прежнему горел огонёк маяка. Уже как неделю огонёк не менялся в размере.

Полтора месяца, как «Эцитон» покинул северное адмиралтейство графства Юрбер — и неделя, как гнался за тенью.

Два матроса драили палубу, выливая от соли и грязи пространство возле решётчатых люков банкета. Щётки сновали по тиковым доскам. Третий курил, уперев ногу в кнект и сверля спину капитана узкими глазками коренного мангирца, готовый в любую секунду схватиться за ведро.

По трапу, хватаясь за перила и со свистом дыша носом, поднялся барон Лайфо-Дрю с неизменным часословом под мышкой. Он ворвался на мостики, словно мощный циклон, едва не

столкнув капитана за борт. Мюрт даже ухватился за леерную стойку, когда барон ткнулся потным барсучьим лицом в его плечо. На кожаном наплечнике капитана ниточками кудели осталась дворянская слюна Лайфо-Дрю.

Капитан отстранился, бросил взгляд на часослов.

— Решили исполнить песнопения в затяжном нырке?

Обложку книги украшала роскошная миниатюра братьев Либургов «Возведение Ромул-Августулской башни».

— Я не очень сведущ в тонкостях церковного богослужения, — барон сжал книгу толстыми пальчиками. — Но верю, что часослов поможет нашему кораблю найти путь, выведет из пустоты и тумана. Собственно, именно поэтому я здесь, в столь ранний час, капитан. Чтобы спастись и спасти, прошу нести слово Божье команде, пролить свет на палубы, как недавно на них пролилась кровь.

— Замолчи, — прохрипел Мюрт.

— Я не потерплю на своём судне другой веры, кроме веры в попутный ветер и мои приказы.

— То, что случилось...

— Забудь. Прочти в каюте пару молитв и забудь.

— Я не смогу, — залепетал Лайфо-Дрю.

— Я тоже, барон, — лицо капитана нависло над ним, словно гильотина. Зубы Мюрта скрипнули. — Я тоже...

— Не надо было их убивать.

— Их? А его?

— Смерть — всегда смерть.

— Ты жалеешь, что не умер сам?

— Всё это ужасно. Даже когда вы... ужасно...

— Да. Как и любая соизмеримая справедливость.

— Вы не понимаете... эти ужасные изменения, эти жестокие ритуалы пробудили дрожь в сердце Создателя...

— Заткнись. Вали отсюда и держи язык за зубами. Вокруг слишком много страха, а ещё больше моря.

— Мы давно должны были приплыть в Цишлет. Туман не рассеивается неделю. И этот огонёк, который не приближается... Мы прокляты.

— Если ты не заткнё...

Барон попятился, держа перед собой часослов.

— То, что сделал граф Долунг...

Он не закончил, споткнулся о планку трапа, круто развернулся и сбежал вниз. Повезло, что не скатился кубарем. На палубе барон замедлился, словно призрак проплыл мимо баталёра, несущего полосы вяленого мяса, и стал спускаться на жилую палубу. Матросы делали вид, что заняты лишь мокрыми досками.

Зюйдвектка Лайфо-Дрю исчезла из поля зрения капитана. Миорт повернулся обветренным лицом к морю.

«То, что сделал граф Долунг — ужасно», — мысленно закончил он. Ужасно. Любимое слово этого осла барона. А то, что сделали он, капитан Ярн Миорт, справедливо. Правильно. Пусть и чрезмерно дико.

Как бы то ни было, они оба — капитан и граф — убили. И не только они.

Граф Долунг изнасиловал леди Миалу.

Четверо одержимых матросов изнасиловали леди Миалу.

Хид'а'тур, слуга графа Долунга, съел глаза леди Миалы.

Потом граф убил женщину.

Затем офицер Крипджосс застрелил двух матросов.

Других двух схватили разбуженные

члены экипажа и задушили.

Затем капитан разрубил Хид'а'тура, а графу отсёк левую руку.

Долунг не умер, он убил трёх матросов, офицеров Груга и Перрайта, вестового кают-компании, откусил штурману два пальца на левой руке и пытался добраться до барона Лайфо-Дрю. Морская проказа изменила графа: тело чудовищно раздулось — так вода раздувает утопленника, кровь превратилась в слизь, в слоистых ранах всплыли суставы и арки костей. Жёлтые кости Долунга покрывал толстый слой соли.

Крипджосс всадил в спину графа пять пистолетных пуль, а Миорт проткнул клинком. Когда Долунг, закованый в цепи, пришёл в сознание, начался сущий кошмар: синее, водянистое лицо графа больше не принадлежало человеку... даже мёртвому человеку. Сочащаяся слизью кулья царапала мачту, к которой привязали графа, а рыбья пасть изрыгала проклятия на древнетуттгарском.

Капитан и офицер Крипджосс, единственный из оставшихся в живых офицеров, запечатали воском все отверстия на теле графа, вскрыли грудную клетку и закидали углами сердце, бьющееся в коралловой паутине. Затем слили порченую кровь в ендову и изрубили тело — губчатое, бугристое нечто — на куски не больше головы младенца.

Так умертвляют Призванных глубиной.

На следующее утро они увидели в тумане яркий кругляш — сигнал маяка. Это случилось восемь дней назад.

Стоя на коленях на кровати, Крипджосс упёрся лбом в переборку. Задвижка на двери каюты была закрыта. На тумбочке лежал заряжен-

ный пистолет.

Офицер не молился. Руки безвольно висели, кончики пальцев касались ворса одеяла. Поза «Мыслителя» со стороны смотрелась глупо (даже когда он сам смотрел на себя со стороны), но сейчас Крипджоссу было плевать.

Полчаса назад он видел призрак леди Миалы.

Тела убитых сложили в лодку, закидали деревянным ломом и подожгли. Все тела. Даже леди Миалы, хотят её семья — если «Эцитон» вернётся — наверняка будет в бешенстве от того, что придётся оплакивать пустую полку фамильного склепа. В трюме не было амулетов — мертвецы быстро бы обзавелись алыми жабрами.

Офицер дрожал.

Ноктурлабиум в течение двух недель показывал одно и то же время, окаменевшее время, а сегодня Крипджосс видел призрака. Даже будучи призраком, леди Миала была мертва: её полупрозрачное тело лежало на палубе, там, где над ним надругался граф Долунг, там, где матросы порвали её тонкий рот, а Хид'а'тур выковырял и съел миндалевидные глаза. Будучи призраком, леди Миала лишилась ужасающих увечий и просто лежала на палубе. Словно спала.

Офицер видел её несколько минут — не мог сдвинуться с места, когда ночной воздух родил видение — а потом тело покрылось костной чешуйей и исчезло. Сигнальщик ничего не видел — или умудрялся спать стоя, повернувшись к невидимому маяку, который слал сквозь лёё свой недосягаемый привет.

Почему огонёк не приближается? Был ли он светом, усиленным линзами Френеля, или — дьявольской иллюзией? Корабль резал тёмную воду, а горизонт тонул в мерцающих клубах.

Они давно должны были увидеть землю...

Прошло четырнадцать дней, а земли не было.

Крипджосс приложил к холодной перегородке ладони. В призраков он верил чуть меньше, чем в «естественное выздоровление атмосферы», о котором твердили учёные, и которое в будущем якобы позволит снова громыхнуть в гонг эре двигателей и высоких технологий.

Но он видел плечи и шею леди Миалы, пронизанные лунным светом, как видел бьющееся сердце графа — сквозь сломанные, покрытые солью рёбра, как видел сейчас револьвер на тумбочке.

Но эффект Призванных глубиной имел медицинское объяснение. Призраки — только теософское.

Больше всего офицера расстраивало то, что, даже явившись к нему после смерти, женщина оставалась мёртвой, неподвижной. В этом было что-то обречённое. Неправильное. Как в холодном свете маяка.

А ещё эти разговоры среди матросов...

В дверь постучали.

— Сэр? — сказал Крипджосс, открывая.

— На тебе лица нет... Я войду?

— Конечно, сэр.

— Не сэркай мне. После всего...

Капитан сел на бамбуковый стул. Только сейчас офицер заметил в руках Мюрта бутылку виски в упаковочной сетке, с восковой печатью на шёлковом шнурке у горлышка.

— Два стакана были бы кстати.

Крипджосс подошёл к лакированному шкафчику.

— Что ты знаешь о препарате «аквамедетур»?

Офицер помедлил, копаясь в памя-

ти.

— Ничего. Возможно, успокоительное.

— Близко. Депрессант, на основе психоактивных лекарственных средств с гипнотическим эффектом. Старые бензодиазепины снимали мускульные спазмы и тормозили нервную систему так, что агрессия, как побочный эффект, всё равно не имела выхода — человек превращался в варёное яйцо.

— И?

— Компания обанкротилась после трёх или четырёх судов: случаи мутации при передозировке «аквамедетуром»...

— Чёрт, — офицер поставил стаканы на стол. — Призванные глубиной...

Капитан подвинул стул и принялся за бутылку.

— Ага. Эффект Призванных. Что там происходит с мозгами — не помню, а с телом — мы все видели. Препарат запрещён, но угадай, что я нашёл в крови графа? В крови матросов и слуги Долунга он тоже был, уверен.

— Почему вы не взяли анализ у всех?

— По той же причине, что заставила нас побыстрее избавиться от тел. Не хотел, чтобы команда видела. Для некоторых современная медицина — второй лик Сатаны.

— Вы правы, — Крипджосс опустил голову. Его смущили слова капитана — офицер вспомнил собственную одержимость, с которой бросал угли в развороченную грудь существа, которое ещё недавно была графом, а после пускал слизь из вен. Тогда он верил в необходимость этого ритуала, понимал, по-другому никак.

Запрещённый препарат инверсировал психику и тело графа, как и его приспешников, пускай и в меньшей

степени. Долунг, похоже, сидел на «депрессантах» давно.

Они убили его. Хватило бы и отрубленной головы. Но многие поверья сильнее научных фактов. Безграмотность требует насилия. Капитан понимал, что их действия успокоят команду.

И какое-то время — кромсая воднистую плоть графа — Крипджосс знал, что матросы правы.

— До дна, Крипджосс, — капитан дзинькнул стаканом о стакан.

— Есть, сэр.

— Ещё раз сэркнешь, разрешу барону прочитать тебе проповедь.

— Лучше сразу бросьте акулам.

Граф глottает кисть штурмана — и, когда она по-казывается из треугольного рта, в уголках которого колышутся кожистые выросты, кровь хлещет из пеньков фаланг, оставшихся от указательного и среднего пальца.

Штурман верещит. Долунг отталкивает его, бесноватые глаза находят барона. Тот застыл на возвышении, штаны промокли от мочи.

Крипджосс открывает огонь. От пули ткань куртки раскидывается на спине растрёпанными лепестками, но граф продолжает мчаться к барону. Пятая пуля всё-таки сбивает его с ног. Долунг падает на грудной плавник. Брызжет кровавой слюной, смеётся, кричит. И тогда капитан бьёт мечом и чувствует, как лезвие царапает позвоночный столб...

Мюорт открывает глаза, сглатывает и моргает. Не двигается, словно боясь потревожить застоявшийся воздух, за пылинками которого прячутся остатки сновидений.

И последняя мысль: кем была леди Миала, почему путешествовала ин-

когнито, без титулов, фамилии, пла-тила втройне? Бессмысленная мысль.

Капитан возвращается в настоящее.

 юрт поставил ноги на пол и жадно выпил целый стакан воды с лимонным соком. Его вниманием на минуту завладели настенные часы, заставили задумчиво прикрыть глаза.

Капитан оделся и направился в ка-юту Крипджосса. На камбузе шипела плита. Пахло подгоревшим жиром и потрохами.

Офицер, похоже, вообще не спал.

— Готов? Пошли.

— Капитан? Прямо сейчас?

Они миновали ахтер-люк и остановились перед грузовой камерой. Ка-питан вставил ключ, налёт на маховик двери — запорный механизм нехотя поддался.

Они зажгли фонари.

— Немного контрабанды, — опередил мысли офицера Мюрт. — Подвоз дворянства не приносит много денег.

Крипджосс прошёлся вдоль деревянных ящиков; из некоторых торчали уголки целлофана. «Ориент» — значилось на плёнке.

Потом офицер увидел катер на балочной конструкции. В свете поднесённого фонаря он маслянисто блестел. Крипджосс взобрался по приставной лестнице и с какой-то куртуазной влюблённостью провёл рукой по панели управления.

Мюрт усмехнулся, глядя на яркие офицерские штаны Крипджосса, куртку с серебряной тесьмой и рукоять револьвера, заткнутого за пояс, — всё это смотрелось нелепо на фоне машины, которую, как и другую «энергетическую» механику, запретили полвека назад. Запретить-то запретили, но... Адам отказался от яблока?

— Двигатель с высокоэффективной системой улучшения сгорания топлива, — с гордостью сообщил капитан.

— Топливо, — сказал Крипджосс, словно ругательство и таинство одновременно. — Катер. На нём можно сделать миллион.

— Полтора. Или пять лет в камере с дырой в полу.

— Зачем вы мне это показали?

— Беру в долю. — Капитан уже не улыбался. — Только бы увидеть землю...

Он передал офицеру фонарь и вскрыл один из ящиков. Крипджосс увидел пузырчатые целлофановые упаковки вперемешку с картонными коробками в два спичечных коробка размером.

Офицер извлёк электронные часы. Таких он никогда не видел, как и других, где вместо стрелок — окошечко. Но слышал, разумеется.

— Надеюсь, ещё работают, — сказал Мюрт.

Он разорвал картонку и высыпал на ладонь четыре металлические «таблетки». Сковырнул ногтём гравированную крышечку. На дисплее загорелись цифры.

— Порядок.

При помощи боковых кнопок он выставил время: 7:00.

— Но сейчас... — начал офицер.

— Реальное не важно. Хочу кое-что проверить.

Разделительное двоеточие мерно пульсировало между цифрами «7» и «00». Прошло три минуты — капитан считал по ударам сердца — цифры не изменились.

 атросы ели молча. Тишину нарушил старый моряк с заячьей губой. Он посмотрел на свою руку, на татуировку Топорга —

синий Бог моря задумчиво сидел на синем якоре — и сообщил, что вчера видел графа Долунга. Тот стоял на мостице и раздавал приказы, а под мачтой лежал чешуйчатый труп леди Миалы. Призрак графа. Призрак леди. Они словно накладывались на корабль. А потом призрак сигнальщика крикнул графу, что видит землю. И граф, колеблясь в зеленоватом мареве, истончаясь, хохотал.

Он нас проклял, сказал матрос, он украл у нас сушу.

Никто не прокомментировал рассказ старого моряка. Промолчал и Мюрт, который второй день обедал вместе с командой в столовой.

Виски пользовался большой популярностью. Как-то незаметно Крипджосс и Мюрт перешли на бутылку в день. На каждого. И при этом не могли похвастаться пьяной отрешённостью, спасительным забвением, способным оградить от однотипности дней, призрачной потерянности команды, которая выполняла свои обязанности без вмешательства капитана. Мнимое течение времени — стук волн за кормой.

Они напивались, но оставались рассудительными и мрачными. И словно уже не могли существовать без привычного шума в голове, который появлялся после второго стакана.

Двадцать восьмой день «Эцитон» преследовал маяк.

— Что со звёздными картами? — спросил офицер. — По-прежнему?

Капитан кивнул.

— Разве что зад ими подтереть. Некоторые созвездия я никогда не видел. Словно у меня украли небо.

— У нас.

— У «Эцитона».

Настенный фонарь делал их лица

оранжевыми. Мюрт долго смотрел в небольшой четырёхугольный иллюминатор, мысленно огибая взглядом борт, скользя под брусьями над безразличной водой, чтобы увидеть точку на горизонте, метнуться к ней, освободившись от клетки корабля... и достичь, узреть, как вырастает стебель маяка, каждую секунду концентрирующий и излучающий свет, взлететь на его вершину, призраком проникнуть за вращающиеся линзы. Кого бы он мог увидеть внутри башни? Смотрителя, приводящего в движение часовой механизм? Смеющегося графа, приглашающего за стол взмахом культи? Плоть от ила твоего...

Капитан отвернулся от иллюминатора.

— Вчера я подслушал разговор, — сказал офицер. — Матrosы верят, что мы мертвы и плывём к последней бухте.

— Чушь.

Офицер повёл плечами.

— Они говорят, что четыре недели назад граф набил наши черепа икрой устриц. И теперь мы видим сны Придонной Королевы.

— У нас массовые послесмертные галлюцинации? — капитан издал придущенный смешок.

Крипджосс сделал глоток и криво улыбнулся.

— Кто его знает, что такое смерть? Матросы треплются о сорока днях, о непонимающих душах, которые бредут эти сорок дней к Большой Раковине.

— Или плывут.

На этот раз никто не засмеялся.

— Уж не барон ли разносит подобные мысли, — сказал Мюрт после паузы. — Как думаешь?

— Религия барона ограничена чансословом, на котором он помешался

после... той ночи. А в нём нет ничего страшнее христианского календаря и красочных миниатюр.

— Ты видел, что он сделал со своей головой?

— Ага. Баталёр лично сбивал то, что осталось после ножниц Лайфо-Дрю.

— Что думаешь о маяке, Крипджосс.

Офицер подумал.

— Он меня пугает. Знаете, как свет в окне пустой комнаты.

Ветер усиливался. Парусина стонала под ударами невидимых кулаков. «Взять рифы», — собрался крикнуть капитан, но матросы уже трудились на мачтах и палубе, уменьшая парусность.

— Грот и фок на гитов! — крикнул чёрный матрос, похожий на морского конька, и через несколько минут рангоут осиротел.

Мюрт сплюнул под ноги. Этому кораблю не нужен капитан. Он просто существует, меланхолично, как прилипшая к камню улитка, и делает вид, что движется вперёд — к цели, оставляя за собой кильватерную струю пенных испражнений.

Лица матросов не выражали никаких эмоций. Иногда казалось, что солнечный свет пронзает их насеквоздь. Барон Лайфо-Дрю сидел на корме: на коврике, по-пластунски, возведя руки в небо. Рядом сидел кок, видимо, постеснявшись поднять руки. Барон и кок пели молитву.

«Заложить бы сейчас оверштаг, — подумал Мюрт, — приложить этих богомолов о борт».

Тихо подошёл Крипджосс. Или же стоял какое-то время рядом.

— Там, где я вырос, есть легенда о Большой Белой Рыбе, — сказал офи-

цер. Он смотрел на огонёк вдали.

— Карабос? — когда-то капитан гордился тем, что знал личное дело каждого члена экипажа.

— Малый Криж. Большой рыбацкий посёлок, где знают о рыбе и море всё.

Мюрт улыбнулся.

— Похоже на рекламный слоган.

— Ага. Так и есть. Так вот, мои родители и другие жители верили, что после смерти душа рыбака выходит в море на призрачной лодке и плывёт на закат. Большая Белая Рыба выныривает, глотает душу вместе с лодкой и погружается на самое дно, глубоко-глубоко, куда никогда не доберётся свет. Умерший проводит в брюхе Рыбы несколько дней. Это время даётся ему, чтобы подумать о жизни, проститься и простить. А потом Большая Белая Рыба выныривает и открывает пасть — и это уже совсем другой мир. И совсем другой ты.

Муравей на парусах давно не казался грозным — скорее, насильственно украшенным бутафорскими челюстями.

— Холодаёт, — поёжился капитан.

— Предлагаю...

— Поддерживаю.

И они зашагали по трапу.

Во сне судно приблизилось к маяку на расстояние, достаточное, чтобы рассмотреть почерневшие постройки чуть поодаль, слева и справа от белой колонны навигационного ориентира. Крипджосс стоял на палубе и смотрел на мрачные горбы, возвышающиеся над скалистым берегом, пока не понял, что это. Он насчитал одиннадцать построек, когда ветер — или потрёпанный скитаниями рассудок — подсказал ему: блокшивы. Старые суда, уже непри-

годные для плавания. Их перевернули, обложили по краям камнями, превратили...

...во что? — спросил себя Крипджосс. Был ли это просто сон, и, если да, то почему он помнил всё до мельчайших деталей: смятение, страх, оттенки мыслей, обломки рей и боканцев, каждый пролом и пятно мха на досках навсегда потерявших море судов, ставших наземными остовами? Чем стали эти суда без мачт? Казармами? Кладбищем чужого прошлого? Тюрьмами для арестантов?

А потом он поднял подзорную трубу и увидел.

В одном из разбитых иллюминаторов блокшива, у кормы которого гнила одинокая гичка, появилось лицо, чтобы тут же исчезнуть, но Крипджоссу хватило и секунды.

Он проснулся, сдерживая крик, взмокший и потерянный между двумя мирами. А перед глазами стояло лицо мертвеца с вытянутыми вперёд, наподобие ключа, челюстями, длинной трубкой рта и глазами, посаженными на концах молотообразного черепа.

 блака и небо вблизи горизонта окрасились в красные и оранжевые тона.

— Дерьмо, — едва слышно произнёс капитан.

Серое дымчатое месиво по кромке моря — вот что принесло очередное утро. Если, конечно, ещё существовали такие понятия, как утро, день, вечер, ночь.

Облокотившись на влажное от водяной пыли бортовое ограждение, Мюрт глубоко затянулся. Коричневая сигарета зашипела. Капитан никак не высказался по поводу того, что Крипджосс выбрался на руслень. Даже не посмотрел в лицо офицера,

только отметил сезень, зажатую в руке — видимо, Крипджосс прихватил снасть для страховки, но передумал привязываться.

Оба некоторое время смотрели на глаз маяка. Глаз смотрел на них.

— Он ближе, — сказал капитан.

— Да, — ответил офицер.

— Мне кажется, я вижу берег.

— Там, несомненно, что-то темнеет.

В грязном мареве горизонта огонёк на секунду вспыхнул вишнёвым. Подмигнул. Или им показалось. Они помолчали.

Размытая масса облаков не плыла, а двигалась странным образом, будто сигаретный дым в непроветриваемом помещении. Попутный ветер трепал такелаж, набивался в паруса, нёс их к призрачной цели. Попутный ли?..

— Как думаешь, это остров? Или просто кусок скалы, торчащий из моря?

— Скоро выясним, — сказал Крипджосс. — Только...

— Что?

— С этого якоря мы уже не снимемся.

Капитан глянул на офицера, коротко кивнул и почесал жаберные лепестки под острым углом челюсти.

Он помнил сегодняшний сон. «Эцитон», перевёрнутый килем вверх. Превращённое в тюрьму судно, окна которого выходят на маяк из белого кирпича, внутрь которого не ведёт ни одна дверь.

Дарья Леднева

Баровы или туман

Солнечный свет отражался от морской ряби и возвращался на небо. Звёзды ловили его, скатывали в маленькие шарики и вешали рядом с собой. Кромка льда у берега треснула, и на гальку выползло существо, очертаниями — рыба, запутавшаяся в рыбакских сетях. Оно поднялось на четвереньки и рывком выпрямилось во весь рост.

Бело-бледный месяц покачнулся, суетливо забегали светящиеся шарики, но звёзды цыкнули, и те успокоились.

Человек из моря оглянулся на волны, расправил полы одеяния-сети, и усталой поступью побрёл к городу, что старыми деревянными срубами томился на берегу.

Светало. Солнечные луки лениво ползли по деревянным и шиферным крышам, по каменным стенам новых зданий, пока не добрались до гостиницы «Гандвик», названной по имени туманного моря.

В уютном тёплом номере проснулся Вячеслав. Его босые ступни выглядывали из-под одеяла, но не мёрзли. Протёр глаза, зевнул, надел прямоугольные очки, пригладил взъерошенные чёрные волосы. Утром с похмелья раскалывалась голова.

В город у моря Вячеслав прибыл по заданию шефа, очень уважаемого в столице человека, который помогал взыскательным клиентам покупать престижные вещицы, а по совмести-

тельству владел ещё сетью ночных клубов и модельным агентством.

Вячеслав должен был выкупить однушку редкость — задание проще некуда, ведь шеф, Анатолий Георгиевич Снегирёв, в узких кругах известный как Снегирь, уже обо всём договорился с продавцом. Вячеславу оставалось только забрать. Правда, вышла заминка. Оказалось, «Газель», в которую хотели погрузить покупку, маловата: как ни укладывай, покупка торчит и не даёт закрыть дверь. Кто-то пошутил, что можно частным самолётом перевезти. Но Вячеслав понимал, что заказ самолёта — слишком дорого, и шеф на такое добро не даст. Поэтому он велел отнести покупку в свой номер, а утром собирался продумать транспортировку. Так четверо мужчин поднатужились, подхватили товар и понесли к «Гандвику». Ночью никто им не встретился на пути, кроме мужчины с мольбертом, который рисовал звёздное небо над пустым перекрёстком, но так увлёкся, что ничего не замечал.

Здание гостиницы принадлежало тем временам, когда дверные проёмы делали высокими и широкими. За тысячу рублей ночной портье ничего не видел и целых полчаса пил кофе в комнате для персонала.

Покупку прислонили к свободной стене в номере Вячеслава.

Утром Вячеслав оделся, тщательно, чтобы нигде не топорщилось, заправил рубашку в брюки, умылся и вышел в гостиную.

Покупка пропала.

У стены, куда её поставили ночью, оставался лишь грязный след ботинка.

Вячеслав моргнул и ещё раз прокрутил в памяти события прошлой ночи. Нет, товар определённо поставили именно сюда, и после Вячеслав с

помощниками отправились в баню отмечать удачную сделку.

— Ладно, разберёмся. Главное, чтобы Снегирь не звонил.

Когда Вячеслав узнал, насколько простое задание ему предстоит, он рассмеялся. Тогда шеф недовольно постучал по столу.

«Слава, не относитесь к этому легкомысленно. Город, в который я вас отправляю, не захочет так просто расстаться с этой вещью».

Вячеслав только сильнее рассмеялся.

«Вы говорите так, будто город живой».

Снегирь нахмурился и провёл пальцем по спине бронзовой коровы, которая стояла у него на столе, собирая пыль.

Утро воскресенья.

На понедельник Вячеслав брал отгул, а вернуться в столицу собирался лишь во вторник рано утром. Два дня хотел отдохнуть от утомительного брака и подгоревших блинчиков. В последнее время жена становилась всё более капризной. Ей хотелось новую шубу, потому что подруге купил муж. А чем она хуже? Ещё она хотела на море, в Доминикану, где белый песок. Вячеслав присвистнул, когда узнал стоимость. Конечно, шеф платил достойно. Но Вячеславу было жаль четверть миллиона на каприз этой седеющей женщины-бочки.

Он помнил, какой она была раньше, с ямочками на розовых щеках, с блеском в глазах. И всегда смущённо хихикала, когда рассказывала, что по образованию — юрист, но отработала по специальности только месяц, а затем — она ведь творческая натура — неплохо устроилась у отца в галерее, где оценивала картины, вернее, руково-

дила работой оценщика. Рассказывая об этом, она гордилась своей ловкостью и смекалкой, смеялась, показывая белые зубы. А Вячеслав не мог налюбоваться на её красивое, счастливое лицо. После декрета она уже не работала, сидела дома, зависала в Интернете, где рассказывала подругам, как это здорово, когда находишь мужчину, способного тебя содержать. Теперь она смеялась монитору, а Вячеслав смотрел на её профиль с трясущимися подбородками.

Всякий раз, отправляясь по заданию Снегиря, он чувствовал перерождение, вдыхал полной грудью и спал сладким сном.

Но теперь придётся потратить выходные на работу и поиски пропажи. Вячеслав вздохнул.

Спустился в ресторанчик при гостинице. Хотелось пышного омлета и крепкого кофе. Дома всегда был растворимый. Кофемашина сломалась, Вячеславу некогда было её чинить, а жена никак не могла дозвониться до мастера.

Все столики у окон были заняты, а столов в центре зала едва касался утренний свет.

«Ну, не больно-то и хотелось на серую улицу плятиться», — Вячеслав уже почти выбрал место в углу, когда увидел: напротив, у окна, сидела молодая женщина — растрёпанная коса светлорусых волос, непослушных, как ветер, рубиновые серьги, поглощающие и излучающие свет, точно сердце вселенной. Утреннее солнце ложилось на её лицо, волосы, и казалось, девушка светится изнутри.

Она нарезала на кусочки омлет, жевала с удовольствием, точно самую вкусную вещь в мире. Взгляд, движения, играющие светом серьги — всё говорило, что она наслаждается про-

сто тем, что находится в этом мире, каким бы туманно-сизым он ни был.

«Где же я её уже видел? Вроде видел, но где? Слишком она... тыфу ты, даже слово не подобрать. Слишком она слишком», — Вячеслав подошёл к девушке:

— Можно к вам подсесть? У окон все столики заняты.

— Пожалуйста.

Теперь он мог разглядеть её нежное лицо с острым подбородком и вздёрнутым носиком, бровями, похожими на кусочек сухой травы.

— Вы давно у нас? — Вячеслав только развернул меню, а девушка уже перехватила инициативу.

— Да, вот на выходные по работе приехал. А вы?

— Всю жизнь тут живу. Из командировки утром вернулась. Вы у моря уже были?

— Нет...

— Сходите. Море тут самое красивое.

— Схожу, — ответил Вячеслав, хотя Снегирь и предостерегал его. Он говорил, что море тут неспокойное и безжалостное. И лучше держаться от него подальше, иначе рискуешь никогда не уйти.

Вячеслав разобрался в меню, дождался, пока официант запишет, и улыбнулся девушке:

— Простите, а как вас зовут?

— Полина Эдуардовна.

— Вячеслав Станиславович... — сбился, смущаясь. Девушку могли бы звать Полина, Поля...

— Часто к нам приезжаете? — спросила Полина Эдуардовна.

— Да вот, впервые, — Вячеслав покрасился. По телу пробежал холодок от строгого, пронизывающего взгляда. — А вы часто на море ходите?

— Это как мой второй дом.

Полина Эдуардовна доела омлет и ушла, оставляя за собой лёгкие разводы тумана. Вячеслав моргнул, и сизые волны исчезли. Кофе его остыл и превратился в жижу.

Осталось только отправить сообщение ночному продавцу, договориться о встрече, а по дороге купить горячий кофе.

Продавец согласился встретиться на окраине. Напротив местного краеведческого музея — обветшалого розового особняка с треснувшей скорлупой лепнины. За музеем раскинулось поле прелой травы, обрыв и белые льдины, утром прибивающиеся к берегу. Над головой тянулось небо, закрытое серой плёнкой тонких облаков.

У входа в музей стояла троица в телогрейках и курила. Дым смешивался с низким туманом, что как проказливый кот подкрадывался из-за кустов. Пока Вячеслав приминал траву в ожидании продавца, троица затоптала окурки. Взяли мастерки, вёдра и разбрелись вдоль фундамента, замазывая трещины.

— Здравствуйте, Вячеслав, — раздался голос за спиной. Интеллигентного вида молодой человек с жиidenькой бородкой и глубокими глазами. Одет он был в неожиданно модный костюм, но обут в высокие ботинки на меху, со шнурками разных цветов, один — синий, другой — зелёный.

Вчера, в сумраке полуночи, продавец показался Вячеславу чёрной тенью, которая смотрела из темноты и вспыхивала огоньком сигареты. И Вячеслав радовался, когда, наконец, удалось расстаться с продавцом. Но теперь, при тусклом дневном свете, это был обыкновенный усталый мужчина, носящий чуть великоватый пиджак.

Интеллигент внимательно выслушал и развёл руками.

— Даже предположить не могу, Вячеслав. Ваши люди сами всё забирали.

Внутри Славы заклокотало. Неужели этот провинциальный интеллигентишко не понимает, что должен найти пропажу? Он наверняка всех в этом городе знает и подозревает, кто мог напакостить.

— Я могу позвонить в банк и затребовать отмену платежа. У меня связи.

Продавец задумался и медленно достал пачку сигарет. Руки у него были холёные, но синие вены вздувались буграми. Спокойно закурил.

— Хорошо, я вам помогу, но вечером. Сейчас я должен быть на работе.

Антиллигента звали Ардальон. Он приходился внуком директору музея, Борису Павловичу, который сейчас в высоких сапогах бродил по болотам в поисках затонувших древностей. Может, он даже набрёл на старообрядческое поселение и теперь выспрашивает у них легенды и предания.

Ардальон особо не интересовался всей этой белибердой, но при деде вёл себя тихо и исполнительно. Деда он любил и уважал, тот заменил ему отца, рано почившего Бориса Борисовича, известного этнографа и писателя. Отец фанатично предавался работе, и до маленького Ардаши ему никогда не было дела. Он мог неделями сидеть в кабинете, отвлекаясь лишь на обед, но даже если тело его сидело за обеденным столом, то дух летал где-то далеко. Однажды он подарил Ардаше кроссовки, непарные, один — белый с синими шнурками, другой серый с зелёными, один — на три размера больше второго.

Маленький Ардаша долгое время был предоставлен самому себе. И если мальчик не играл с друзьями на бере-

гу в «найди существо из моря», то молча заглядывал в кабинет отца и выжидающе смотрел ему в спину. И когда казалось, что отец вот-вот обернётся, Ардаша вздрогивал и убегал прочь. Он боялся, что вместо улыбки отец разозлится и накричит на него. Но так никогда и не узнал, что случилось бы. Удивителен человек: он так боится столкнуться с неприятной правдой, что предпочитает и вовсе отказаться от возможности узнать её. Уже взрослый Арdalлон часто вспоминал, как смотрел в спину отцу. И, тяжело вздыхая, думал, как сложилась бы жизнь, встретясь отец с ним взглядом. Арdalлону хотелось заглянуть туда, где время, прошлое или будущее, не имеет значения. Но он гнал эти мысли как несерьёзные.

«Ерунда всё это!»

С дедом всё стало иначе. Дед всегда брал его в походы, учил разжигать костёр и ориентироваться по звёздам. Рассказывал о мифах. Сначала Арdalлон, как и все маленькие дети, с интересом слушал. А затем, после того случая с Полечкой на берегу, когда Ардашу охватил сверхъестественный ужас... с тех пор мифы мальчику разонравились. Злые, противные мифы, несущие страх и такой холод, что высыхают потные ладони. «Разумеется, это всё неправда, — сказал однажды Ардаша. — Ерунда какая-то!» На деда он теперь смотрел как на безумного чудака, который вместо серьёзных вещей копается в сундуке со сказками. Но боясь, что дед перестанет о нём заботиться, молчал, молчал, представляя, как меж родительских могил гуляет холодный ветер и колышет изумрудно-серую осоку.

Борис Павлович, уходя в экспедицию, оставил Арdalльона в музее за старшего, да ещё поручил приготово-

виться к выставке в честь юбилея.

Выставка будет большим событием, правда, не таким, какое деду понравится. Арdalлон всё сделает на свой вкус. Хватит уже с него мифологической чепухи. Перво-наперво Арdalлон избавился от бумаг с дедовыми рекомендациями, завернул рукопись «Краеведческой книги», которую прнесла Полина Эдуардовна. Они поругались, старший научный сотрудник пробормотала псевдо-страшное проклятие и исчезла на четыре недели. Впрочем, она бывала в городе наездами, часто и надолго пропадая, но возвращаясь с новыми мифами, которыми восхищался дед. Собственно, весь краеведческий музей давно стал домом мифов, легенд и прочей ереси и чертовщины. «Ну, ничего, скоро мы это исправим и сделаем приличное место».

Сегодня утром Полина Эдуардовна объявилась, позвонила и сообщила, что перепишет несколько глав в угоду Арdalлону. «Но только попробуй хоть слово вырезать!»

За тот месяц, что никто не присматривал за Арdalлоном, он перекроил план музея и занялся перестановкой. В главном зале раньше висели виды Гандвика. Серые, почти однотонные миниатюры, с которых по вечерам часто падали кусочки льда, а к утру растаивали в лужи, перетекали в центр зала, чтобы исполняющий обязанности директора поскользнулся.

Тени с моря не пускайте в дом. Тени придут из волн и из тумана, тени явятся холодные, воздух заморозят, срежут звёзды с полотна. Тени с моря заберут ваших детей. Тени станут туманом с рассветом, тени уйдут к морскому дну, и ваши дети к вам не вернутся.

Говорят, когда-то у моря жило су-

щество. Оно было не уродливое и не красивое, оно было не доброе и не злое, не большое и не маленькое. Оно не тонуло в воде, а шло по волнам, как не ходят люди. Дети бегали к существу и спрашивали, что с ними будет, когда они вырастут, как сложится их жизнь. И существо рассказывало про войну, и про голод, и про летящую смерть. Однажды взрослые пришли с вилами, а у кого были — с ружьями, и прогнали существо. И кровавой полосой оно уползло в море. С тех пор туманы стали приходить и сладким голосом звать детей. И дети шли к берегам и слушали песни из тумана. Некоторые возвращались, некоторые — пропадали навсегда.

Ардальон с детства знал эту страшную сказку. И помнил, как сам с друзьями бегал к морю и ждал, появится ли существо, но волны выносили на берег только ошмётки мёртвой морской травы. Потом была Полечка, и волосы её как водоросли растекались по поверхности воды, пока она не исчезла в глубине. Потом Ардальон вырос и перестал ходить на берег.

Словом, все картины с морем и туманом его раздражали. Решено было перенести их в запасники, и сделать выставку, посвящённую семье Коровиных, богатых промышленников, в начале двадцатого века владевших зданием будущего музея и рыболовецким предприятием, но расстрелянных в годы революции. Ещё немного внимания можно уделить семье Снегирёвых, которые занимались лесозаготовительным делом и враждовали с Коровиными. В тот год, когда приехали Снегирёвы, туманы ползли особенно густые и вязкие, и суеверные крестьяне обвинили во всём вновь прибывших и практически устроили восстание.

Из запасников принесли коробки с личными вещами Коровиных, и Ардальону предстояло решить, куда и как разместить; а ещё оставалось надеяться, что Полина Эдуардовна не подведёт и напишет о семье Коровиных что-нибудь достойное. А ведь с ней станется ещё больше мифологической ерунды напихать в книгу.

Ах да, ещё этот Вячеслав некстати притащился. Ардальон надеялся, что он уже укатил в столицу. Но тот, видите ли, профукал свою покупку. Ардальон внутренне поёжился. Нехорошо это. Всё-таки, товар был из музейной коллекции. Непонятно теперь, где всплынёт. Если всплынёт не в том месте, то проблемы будут. Ардальон-то надеялся отдельаться тем, что: «Горе-то какое, в запасник отнесли, да вот подвалчик-то наш протекает, оказывается, прямо места живого не осталось». На роль испорченного музейного экспоната у него уже была припасена заготовочка. В том, что кто-то решит докапываться до истины, Ардальон сомневался. Два года назад прорвало трубу и подтопило запасник, пришлось платья госпожи Коровиной реставрировать. Его история казалась вполне правдоподобной.

Но если экспонат где-то всплынёт, то задумка с заготовочкой не сработает.

Ардальон прокручивал в голове события прошлой ночи. Сделку заключили в ресторанчике при гостинице «Гандвик», уже за полночь, потом двинулись к музею. Расстояния в городе небольшие, поэтому можно уложиться за час. Когда подходили к музею, с моря повалил жидкий туман, у Ардальона закоченели ноги, а когда он дома раздевался, чтобы лечь спать, то понял, что носки его промокли насеквоздь.

Продавец и Вячеслав с подручными зашли в музей и забрали экспонат. Ардальон сразу же привесил на его место другой, чтобы завтра утром, когда грузчики будут разбирать мифологический зал, их не смущала пустота на стене.

Ардальон предлагал вытащить картину из рамы и забрать только холст, но Вячеслав настоял на том, что нужно брать в раме. В «Газель» картина, разумеется, не влезла. Поэтому на неё набросили простыню и потащили к покупателю в гостиницу.

«Неужели портье положил глаз на картину? Наверняка, доложил своему начальнику. Тот уже давно смотрел на неё... И где он её повесит? Не в холле же».

«Нет, — покачал головой Ардальон. — Вещи в этом городе просто так не пропадают».

Бросил взгляд в окно. По дорожке к музею спешила Полина Эдуардовна: пальто расстёгнуто, шаль из овечьей шерсти болтается на ветру, платье вязаное как рыбакские сети, и сухая трава цепляется, отцепляется и колышется, покрытая сизой изморосью.

— Сейчас начнётся. Но, может, ещё успею кофе выпить.

Вернулась из командировки Полина Эдуардовна рано утром — или поздно ночью, когда солнце ещё не коснулось льдин Гандвика. Льдины в этом году приплыли очень рано, точно хотели год за годом приплывать всё раньше и раньше, притупить внимание жителей, а потом, когда к их виду привыкнут, и вовсе не упывать, полностью поглотить город. И когда всё вокруг станет льдом, отколоться от материка и уплыть туда, где не бывает дня, а изморозь колючками покроет стёкла, и

те превратятся в лёд.

Полина Эдуардовна долго сидела на набережной и с холодной скамейки смотрела, как туман покусывает берег, как в пенистых волнах исчезают галька и песок. И в пепельной дымке скользила тень, не большая и не маленькая, не уродливая и не красивая, расползающаяся по туману тень, без начала и без конца.

Щёки раскраснелись, защипало, Полина Эдуардовна направилась в гостиницу. Останавливаться там она не собиралась, у неё была квартира и родственники, но в ресторанчике при гостинице подавали самый вкусный омлет. А по омлету Полина Эдуардовна соскучилась.

Теперь солнце встало высоко и выглядывало боязливо из-за пасмурных туч. Полина Эдуардовна не знала, сколько времени проведёт в городе, но знала, что скоро, или не очень скоро уедет.

Она уезжала всегда. Даже не помнила, было ли время, когда она жила оседло. Да и можно ли в принципе говорить о времени, когда человек никуда не уезжал? Время ведь не имеет ни конца, ни края, но постоянно течёт и перетекает своей безостановочностью. Можно началом времени считать рождение и первый вздох, окончанием — смерть, и если промежуток между рождением и смертью считать единственным временем, то можно сказать, что Полина Эдуардовна всегда куда-то уезжала и никогда не жила на одном месте. А если учесть, что она не помнила рождения, и едва ли осознает смерть, то получается, что время не имеет границ, и нельзя говорить об отрезках времени... В этом случае Полина Эдуардовна живёт в безграничном, безначальном и бескраинем пространстве времени, где прошлое,

настоящее и будущее — лишь разные названия одного состояния. События, которые уже случились, ещё не случились. События, которые ещё не случились, уже случились. Комната беспрестанно слушающих и не слушающих событий растекается в безостановочной безнечальности и бескрайности времени. Ты можешь лишь выбрать момент и попытаться назвать этот момент жизнью. Но откуда ты знаешь, что ты живой, если не помнишь своего рождения и едва ли осознаешь смерть?

Можно ли осознать смерть?

Полина Эдуардовна помнила, как захлебывалась холодом, как кричали с баржи, как смыкалась вода над головой, и как туман обволакивал. Помнила, как в детстве бежала от мамы, как споткнулась, перелетела через ограждение набережной, и волна уносила в открытое море. Помнила сладкий голос тумана, и движение воды, когда мимо проносился косяк рыб. Помнила, как сама шла в море, и как вода сходилась над головой.

Наконец, Полина Эдуардовна добралась до пятиэтажного здания, где жила на третьем этаже. Красный кирпич побледнел от недостатка солнца, и только старый девичий виноград упорно полз по стене ярко-бордовыми пятнами.

Во дворе играли дети, несколько женщин с колясками обсуждали семейные неурядицы. Полина Эдуардовна толкнула обшарпанную дверь с остатками клея и объявлений, поднялась по широкой парадной лестнице мимо остова неработающего лифта. Позвонила в квартиру. Ключей она не носила, боясь потерять в командировке.

Открыла дверь бабушка, полная, с коротко стриженными волосами, выти-

рающая пот со лба. Одета она была в застиранный халат. За её спиной виднелся узкий из-за огромного шкафа коридор и ярко-желтые разводы на обоях.

Бабушка окинула гостью недовольным взглядом. Полина Эдуардовна почувствовала, как спокойствие покидает её. Всякий раз в командировке она обретала умиротворение, но, вернувшись, теряла его. Она чувствовала, как высокий потолок опускается и давит.

Наконец, бабушка произнесла то, что произносила всегда:

— Поля, ну наконец-то, вернулась! Совсем в своих командировках загуляла. Ни стыда, ни совести. Ты хоть понимаешь, что о тебе соседи думают? Бегаешь бок знает где, как шалава какая-то.

Полина Эдуардовна была уверена, что соседи вряд ли помнят о её существовании, но промолчала. Может, стараниями бабушки они о ней и помнят, и думают много хорошего, но Полина Эдуардовна сама ни имён, ни лиц их не знала. Промолчала. А бабушка продолжала:

— Ну, проходи, проходи, блудливая кошка. На кухню иди. Что ты всё работаешь и работаешь, покушай давай, совсем худая стала, мужчины худых не любят. А тебе, Поля, уже лет десять как пора замуж выходить.

Полина тяжело вздохнула. Бабушка неисправима, переделывать её поздно. Да и что толку?

Бабушка похоронила пятерых мужей, за шестым по лагерям моталась, и после амнистии оба осели в городе на берегах Ганцевика.

Бабушка поставила перед Полиной тарелку горячего борща, баночку свежей сметаны и ломоть чёрного хлеба. Как пахнет-то! Полина раньше люби-

ла готовить. Ах, какие супы из тыквы она делала, какие отбивные, пироги с курицей, а уж её выпечка с ягодами была бесподобна! Потом переехала к бабушке. Не очень хотелось, но пришлось. Полина Эдуардовна плохо помнила, что именно случилось. Помнила холодную воду, которая сжимала кольцом, помнила сладкий туман, мокрый песок, мелкую гальку, ласкавшую щёку. Помнила плеск воды, помнила, фигуру, что шла по воде в туман и не тонула.

Каждый вечер бабушка встречала Полину Эдуардовну с работы и начинала причитать: «Какая ты, Поленька, уставшая, худенькая, голодненькая, я тебе покушать сделала, бедненькая моя, покушай, что бабушка приготовила». Полина Эдуардовна устало отвечала: «Бабушка, ну зачем? Я и сама могу себе приготовить! Что ты сутишься. Небось, ещё и сумки из магазинов тяжёлые таскаешь». «А что я? Я ничего, мне ничего не надо, я о тебе, Поленька, забочусь. Ты так поздно домой приходишь, тебе готовить некогда». Полина Эдуардовна поначалу сопротивлялась, потом смирилась и забыла, где лежат сковородки и кастрюльки. В ней что-то хрустнуло, сломалось, и обломки смыло морской волной. Она вдруг ощутила, что ей абсолютно всё равно, и всё в этом городе давит на неё и душит. Только море одно и слушает её непроизнесённые слова и недуманные мысли.

Полина Эдуардовна почти не помнила, какой она была раньше. Иногда по ночам её посещали вспышки воспоминаний, но к утру она всё забывала. Помнила, что любила готовить, и часто ходила в местный кинотеатр, с библиотекаршей гоняла чаи, в доме культуры с кем-то высоким и статным танцевала, и чужие руки расплетали

её косы... А потом море её обожгло, и туманные тени всё настойчивее звали к себе.

Ей часто снилось, как сливочное масло тает на сковородке (сильно не разогревать), потом на сковородку выливаются смесь для омлета, бледно-жёлтая, скорее белая, сыплется петрушка, чуть-чуть укропа, солится, перчится, можно ещё паприки для остроты добавить — она любила поострее. Потом звонил будильник, и Полина Эдуардовна просыпалась под осыпающейся с потолка штукатуркой, упиралась взглядом в герань на широком подоконнике, с жёлтыми разводами после затёкшего дождя. Вспоминала, где она, и уходила на работу, стараясь не пересекаться с бабушкой.

— Поля, кушай, кушай, тебе полнять надо, кожа да кости. Кто же на тебе такой худой женится? — заботливо прощебетала бабушка и подвинула к гостью тарелку.

Полина была сыта, и борщ уже не лез. Но надо доесть, иначе бабушка не угомонится и собьёт всё рабочее настроение.

— Поленька!

— Бабушка, мне надо работать!

Краеведческий музей готовился к юбилею. Полине Эдуардовне поручили написать небольшую книжку о Белом Крае, о море по имени Гандвик и о людях города на туманном берегу. В конце следующей недели книгу нужно сдать в печать. В общем-то, работу Полина Эдуардовна закончила давно, и директор музея её одобрил, но официально сдать в печать не успел. Затем резко уехал в экспедицию, а вместо него остался Ардалён. Он тоже работал в музее, но совершенно иначе видел мир. Полина Эдуардовна и директор музея собирали мифы, осторожно ловили их в море, в лесах, в болотах,

бережно помещали в картины, древние черепки, небольшие артефакты и хранили в музее. Ардальон уже не первый год порывался отправить их коллекцию в самый дальний запасник и сосредоточиться на реальной истории города. Полина Эдуардовна не хотела прогибаться, но не знала, что делать. Оставалось разбавить историю семьи Коровиных кровавыми революционными подробностями.

Над столом висела репродукция. Чёрный город уходил в море, а море уходило в туман. Звёзды сквозили в тумане, луна висела низко над скрытыми скалами. Не ходите, дети, в море, не зовите по ночам теней. Тени придут, а вы уйдёте, и останется только чёрная галька от вас.

Включила ноутбук и открыла файл под названием «Семья Коровиных».

История семьи Коровиных начиналась с середины девятнадцатого века, когда Фёдор Николаевич Коровин организовал рыболовную компанию. Начинал он с того, что скупал у местных рыбаков их товар, а затем продавал дороже. Позже он нанял несколько рыболовецких судов, наладил поставку в столицу. Предприятие разрасталось, приносило доход, перешло к наследнику, Эдуарду Фёдоровичу. Однажды тот завёл коров. Северные земли у моря не самое лучшее место для разведения скота, но он говорил: «Какие же мы Коровины без коров?» Ещё до революции семью Коровиных постигло несчастье. Младшая дочь, Полюшка, отправилась с братьями в плавание, но судно попало в шторм, и девочка упала в туманные воды. Выловить её не успели.

Полина Эдуардовна на минуту остановилась. Дальше шёл рассказ о семье Снегирёвых, и вместе с ним — о чудовище, которое жило у моря, и о

тумане, и о вражде между двумя семьями. Именно из-за существа и тумана Ардальон и завернул рукопись в прошлый раз. Полина же считала, что это самое интересное и важное место в книге.

Снегирёвы приехали в город вместе с туманом. А вместе с туманом стали пропадать люди. Говорят, туман всегда окутывал берег у моря. Раньше — меньше, до того, как крестьяне с вилами и топорами отправились к существу, что жило у моря. Но после с каждым годом туман приходил всё чаще и гуще. Невозможно точно доказать, открыли ли Снегирёвы ворота туману, или он сам за ними увязался. Но в тот год туман был как смог, густой, клубящийся, сладкий, приторный.

В день приезда Снегирёвых на море приполз туман, и рыболовное судно Коровина разбилось о скалы, погибло трое рыбаков. Конечно, Эдуард Фёдорович никак не связал это с приездом Снегирёвых. Пока.

Снегирёвы занимались лесозаготовкой и начали строить лесозаготовительный завод. И вырубали леса. Говорят, в тех лесах тогда обитало много мифов, много леших с их хозяином Шишко, много водяников и ветровиков, кикимор и блуждающих огоньков; в деревне жили домовые, банники и дровяники. Но стоило Снегирёвым начать вырубку леса, как все эти существа начали исчезать. Кто-то тихо, кто-то с воем, что разносился по округе и пугалочных птиц. Те в ужасе улетали в сторону моря и без сил падали в холодные воды. А волны выносили на берег их тела, ставшие чёрными льдинками.

Эдуард Фёдорович и крестьянин, бывший крепостной, Иван, с которым промышленник вместе увлекался ста-

ринными легендами, забеспокоились. Но сделать ничего не могли. Иван с крестьянами устраивал мелкие пакости на лесозаготовительном заводе. Эдуард Фёдорович рассыпал письма в инстанции. Но ничего не помогало.

Туман, клубившийся над морем, наступал на город. Медленно, неотвратимо, въедаясь в дерево, в кирпич, в плитку дорожек, в стёкла, и всё становилось бесцветным. Цветы засыхали серым прахом. Исчезали взрослые и дети. Вставали ночью, тихо затворяли за собой дверь и не возвращались. Первым несчастье постигло семью Ивана. Его любимые старшие сыновья ушли в туман и не вернулись. Нашли только деревянную лошадку с выщипанной гривой.

Бросился Иван в ноги Эдуарду Фёдоровичу, прося помощи.

Тогда Эдуард Фёдорович взял керосинку и отправился к морю, пройдя сквозь туман. Говорят, там он встретил существо, без имени, без внешности, безграничное и безвременное. И существо подарило ему трёх худых коров.

И коровы ели туман.

С тех пор люди стали пропадать реже, Снегирёвы закрыли завод и переехали на другой конец города, подальше от Коровиных. А после революции и вовсе уехали. Только в восемидесятые их потомки вернулись на северные земли.

А Полюшка, младшая дочь Эдуарда Фёдоровича, вместе с нянькой часто ходила играть к морю. Девочке нравились пенистые барашки, которых волны выбрасывали на берег. Она тянула к ним ручки, но они утекали между пальцами. Девочка весело смеялась, а нянька опасливо косилась на тёмные воды.

Однажды Полюшка упросила бра-

тьев взять её с собой в плавание. Они как раз направлялись в соседний город, полдня пути. Младший брат после рассказывал, что Полюшка много говорила о морском существе, которое обидели крестьяне. Она говорила: существо всегда защищало город от злых и тёмных теней. Но люди его обидели, и оно перестало их оберегать и позволило теням делать то, что им заблагорассудится. «А эти тени — кто?» — спрашивал брат. И Полюшка объясняла: «А это те, кто умер, но не ушёл». А потом всегда добавляла: «А есть ещё те, которые умерли, но вернулись». Брат хмурился и говорил: «Это как с дедушкой? Когда доктор говорил, что он умрёт, а дедушка поправился?» «Да, как с дедушкой», — соглашалась Полюшка. И минуту помолчав, говорила: «Я тоже вернусь». Мальчик побежал к старшим братьям рассказать о тенях, и в это время волна смыла Полюшку в море.

Говорят, существо не просто так подарило Эдуарду Фёдоровичу коров. Оно что-то попросило взамен. Потому что существо было древнее и знало, что всё имеет цену, и нужно сохранять равновесие.

— А вот не буду ничего в черновике править, — решила Полина Эдуардовна. Она сделала копию файла. Один назвала «Семья Коровиных — для типографии», вторую «Семья Коровиных — для Арданьона», и удалила из неё все упоминания мифов.

— Всё равно будет невнимательно читать.

Ещё немного поработав над версией для Арданьона, Полина Эдуардовна выскользнула из комнаты. Бабушка спала в кресле, утомлённая бубнёжкой телевизора.

Полина Эдуардовна накинула вязаное пальто, похожее на рыбакскую

сеть, овечью шаль и побежала к краеведческому музею.

У входа в музей курил шпаклёвщик. Трескающиеся белые пятна покрывали его спортивные штаны и телогрейку. Ведро со смесью и мастерок стояли у крыльца.

— Здрасте, Полина Эдуардовна.

— Здравствуйте, Аркадий Савельевич. Вы картины принесли?

— Почти. Только его милость Арdalлон развернул обратно. Картины на чердаке. Пойдёте смотреть?

— Что Арdalлону не понравилось?

— Тема!

— Что у вас было?

— Да пейзажи с морским божеством.

Полина Эдуардовна покачала головой.

— Зачем же вы так? Знаете же, что Арdalлон не любит мифологию. Ладно, ведите на свой чердак, посмотрим.

Нехотя Полина Эдуардовна засеменила за шпаклёвщиком. Тот шёл длинными шагами, точно в скороходах горы перешагивал. А Полина Эдуардовна, как маленькая девочка, бежала за ним.

Жил шпаклёвщик в соседнем доме, старом, деревянного сруба. На первом этаже была сувенирная лавка с местными свистульками и фигурками морских божеств, оберегами, серебряными кольцами с чернью и прочими амулетами да заговорами. На первом же этаже жил хозяин лавки и его семья. Шпаклёвщик обитал на чердаке. Они с лавочником были дальными родственниками.

Чердак — деревянная пещера, пыль серебрится, паук плетёт кружево, и через огромное окно струится мягкий свет, точно песня.

Картины стояли рядами. У окна, закрытый простыней с выцветшим ри-

сунком — огромный холст, кисти и банки с красками выстроены на столе рядом.

— Что это? — Полина Эдуардовна указала на огромный холст.

— Это ещё не закончил. Не смотрите. Вот, — шпаклёвщик вытащил из кучи картин поменьше одну. — Это Лель. А вот это Леший...

— А не мифология есть?

Шпаклёвщик нахмурился. Он, в отличие от Полины Эдуардовны, не желал прогибаться. Ему нравилось на досуге рисовать мифы, а по ночам — звёздное небо над перекрёстками. Днём — замазывал трещины на стенах музея, но трещины к утру вновь выползали, как ящерицы. Вечером — рисовал картины, но картины так и оставались, и ничего с ними, в отличие от стен, не случалось.

— Вот Гандвик на закате. Вот деревянные церкви. А это наш музей, тоже на закате. Да, вот, портретик Коровиных. Годится? Могу ёщё Полюшку и братьев отдельно нарисовать. Можно ёщё портрет вождя состряпать. Ну-ну, не хмурьтесь. Вождь тоже к тому периоду отношение имеет, как-никак, вождь. Особнячок отобразил.

Для выставки Полина Эдуардовна взяла четыре Гандвика в разное время года, корабль «Никола Угодник», два шторма, три деревянных церкви, пять улиц города, одну ярмарку и яблоневый сад, всех Коровиных, двух богатырей, Лешего и Лель. Мифологию она, конечно, не собиралась показывать Арdalлону. Но ведь рано или поздно от него получится избавиться, и тогда она повесит картины в мифологическом зале. А пока надо их припрятать, иначе Аркадий Савельевич может обменять их на бутылку.

— А из горожан больше никого не рисовали?

Шпаклёвщик нахмурился.

— Только мифы и природу рисую, знаете же.

— Ладно. А под простыней что у вас, Аркадий Савельевич?

Пожал плечами.

— Если интересно, вечером приходите, покажу. А сейчас — не время.

— Посмотрим. Вы только со своими товарищами поскорее договоритесь, пусть несут картины в музей.

И Полина Эдуардовна поспешила назад в музей, где Ардальон уже допивал вторую кружку растворимого кофе.

 Вячеслав сидел в холле гостиницы и пил крепкий чай, когда подошёл консьерж.

— Вам звонок от господина Снегирёва.

Вячеслав поднял удивлённый взгляд. Обычно Снегирь звонил на мобильный, но, отправляя Славу и ребят на задание, сказал, что можно не брать телефоны. «Город маленький, единственная гостиница. Я позвоню на городской». Но Вячеслав всё равно положил мобильный в карман.

«А где же моя трубка?» — хлопал по карманам Вячеслав, пока шёл к телефону, маленькой чёрной коробочке с кругом, который нужно крутить, чтобы набрать номер.

— Да, шеф!

— Вячеслав? Как у вас успехи? Вы всё добыли?

— Нет. Заминка вышла. Но я исправлю.

— Вячеслав, вы уж пострайтесь. Помните, что до рассвета вторника вам нужно покинуть город у моря и вернуться в столицу.

— Боюсь, у меня серьёзная проблема. Может занять больше времени.

— Что случилось?

— Товар украли.

В трубке послышался вздох.

— Вам надо торопиться. После рассвета вторника город вас уже не отпустит. Вот что, обратитесь к Полине Эдуардовне. Но не раскрывайте ей наших секретов. Используйте её. Она может нам помочь.

Шеф повесил трубку.

А Вячеславу стало странно и зябко, точно холодный туман просочился в холл и ледяным языком облизывал ладони.

С самого начала задание ему не понравилось. Да и шеф вёл себя чудно. Обычно Снегирёв был спокоен и хладнокровен, изредка, задумавшись, позволял себе барабанить пальцем по морде бронзовой коровы. А в тот раз он нервно оглядывался на окно, подавлял вздохи и кусал губы.

В тот день он спросил:

— Вячеслав, а вы когда-нибудь были на Севере?

— В Питере был.

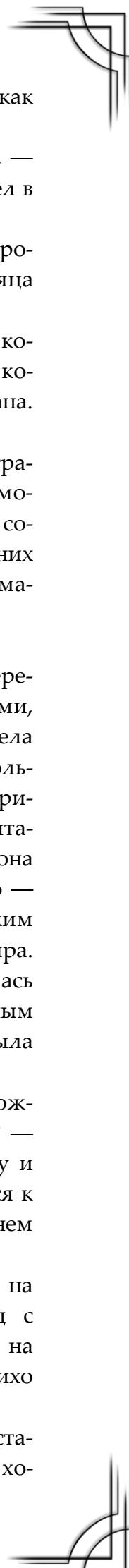
— Нет, дальше. Где бывает, что и солнце не восходит, и лето похоже на зиму. Там были?

— Не был.

— А я вырос там. Помню, по утрам выйдешь из деревянного дома, а перед крыльцом стелется туман. И куда не глянь — везде туман, и только тени пропадают, — Снегирёв задумался.
— Хорошее место. Жаль, мне нельзя туда вернуться.

— Почему? — Вячеслав тогда заподозрил, что шеф мог быть замешен в афере с драгоценностями или продажей земли, чем, говорят, занимался в юности.

— Мне там рады не будут. В общем, Вячеслав. Есть там музей. Зам — Ардальон Борисович, мой старый товарищ, он продаст тебе одну картину, с коровами. А ты доставь её мне.

— Да без проблем.

Снегирёв помрачнел.

— Проблемы-то будут. Это место всегда с проблемами было.

Теперь Вячеслав понимал, что шеф знал намного больше, чем рассказал. «Вот засада! Отправил к чёрту в пасть! Ладно, выкрутимся».

Хотел проверить мобильный, не звонил ли кто, но лишь похлопал по пустым карманам.

Вечером воскресенья Полина Эдуардовна вернулась к шпаклёвищику на чердак.

— А вы подготовились, — хмыкнула она.

Аркадий Савельевич расчистил чердак, притащил откуда-то чистый стол, скатерть, свечи в станинном подсвечнике, открыл мансардное окно в крыше — а там небо и сверкающие горошины звёзд, и так их много, что кружилась голова.

Под окном расстелил плед.

Скрытая покрывалом картина стояла там же, но от Полины Эдуардовны не укрылось, что холст заменили, новый был чуть длиннее, и простыня не до конца его закрывала. Полина Эдуардовна не могла предположить, что такого рисовал шпаклёвщик, что потребовалось срочно менять и прятать.

Сдёрнула покрывало. Холст — тёмно-черничное, чернично-синее, с мотыльками-звездами и лёгкими мазками лунной дорожки. Небо. Ясное ночное небо. Полина Эдуардовна ахнула. Раньше шпаклёвщик рисовал только туманы и мифы.

— Луны не хватает, — сказала она.

— Да. Сейчас достанем.

— Будете рисовать?

— Я не рисую.

Он сел на плед. Полина Эдуардовна присела на другой край. От шпаклёв-

щика пахло куревом, впрочем, как обычно.

— Знаете, раньше был моряком, — шпаклёвщик лёг на спину и смотрел в небо.

— Вы попали в шторм, вас выбросило на берег, и вы полтора месяца пролежали в коме. Это я знаю.

— Видел теней туманных. Там, когда волны разбивались о пьяный корабль, видел теней из волн и тумана. Скользили вокруг.

— Разве тени это не детская страшилка? Не ходите, дети, ночью к морю, придут к вам тени, зазовут с собой, не ходите вы с тенями. Все о них говорят, но никто ничего кроме тумана не видел.

Аркадий Савельевич хмыкнул.

Полина Эдуардовна живо интересовалась легендами и преданиями, любила сказки, но ни разу не видела ни одного всамделишного мифа Только во снах они приходили к ней, приходили обрывками, урывками, пытаясь достучаться. В глубине души она считала, что это всё выдумка. Миф — всего лишь один из способов, каким человек объясняет устройство мира. От того же Ардаляона она отличалась лишь благосклонностью и трепетным вниманием к мифам, но вера её была слаба.

— На пустом месте сказки не рождаются. Знаете, что ещё не сказка? — шпаклёвщик протянул руку к небу и сорвал с него месяц, затем поднялся к холсту и прикрепил месяц в верхнем правом углу. — Теперь всё.

Полина Эдуардовна посмотрела на картину: чернильное небо, месяц с тонкими уголками. Посмотрела на небо в мансардном окне: и там тихо висит лунный серп.

Сдавленно кивнула, медленно встала с пледа и замерла. Одна её часть хо-

тела бежать, но другая часть, которая когда-то тонула в холодном тумане, хотела оставаться. Та часть знала правду. И эту правду Полина Эдуардовна всегда прятала глубоко-глубоко.

— Знаешь, в чём дело, Полина? Я признаю, что я — то, что я есть. А ты постоянно бежишь от самой своей сущности. Может, пора остановиться и принять правду?

Полине Эдуардовне стало холодно, и она выбежала прочь.

На улице глубоко вздохнула. Неистово билось сердце. Она не пошла ни домой, где бабушка спала под звуки телевизора, ни в музей.

Хотелось глотками заглатывать воздух. Хотелось жить, но жизнь куда-то утекала, растворялась.

Полина Эдуардовна скользила к морю.

Осенью море холодило.

И зябко прятала обнажённые ладони в рукава пальто, шею закрывала овечьей шалью.

Море набегало на берег. Льдинки смешивались с чёрной галькой. На дне, может, дремало существо, бесконечное и безначальное.

Пенились волны. Тревоги отступали.

— Полина Эдуардовна!

Обернулась. В свете фонаря к ней торопливо подходил утренний знакомец, Вячеслав.

— Море, значит, ночью смотрите? — улыбался Вячеслав. Он был немного пьян, то ли от вина, то ли от неожиданного счастья. Пьян от того, что на него вдруг свалилась вся лёгкость бытия, и ему хотелось дышать, а лучше всего дышится у моря. Так и не найдя мобильный телефон, он вдруг ощутил себя свободным. Свободным от прошлого и настоящего, от определённого будущего. Он окунулся в безвремен-

ье, познавая свою суть и пьянея от радости познания. И ему хотелось укутаться свободой, как сахарной ватой, и сладко есть её. И подумав, что утренняя женщина из кафе чувствовала ту же страстную жажду жизни, отправился её искать.

— Я часто сюда прихожу, ночью здесь тихо.

— И не боитесь? Мало ли кто ночью повстречается, — говорил Вячеслав.

Полина Эдуардовна — та её часть, что утонула в море, — усмехнулась.

— А таким, как я нечего, бояться.

— С чего это?

— Знаете сказку о тенях, которые приходят с туманом?

И Полина Эдуардовна рассказала страшную сказку о детях, которых забрали тени с моря, о детях, которые вернулись, и когда касались воды, та становилась кровью. Рассказала о тумане, который опускается холодно на город. И дети, дети бродят в тумане; и зовут, зовут всех, кто их услышит, зовут их в море, откуда не вернуться, где холод поёт колыбельную.

— И что же, вы — такая тень?

— Может, и тень. А может, и нет, просто не боюсь. А вот вы бойтесь. Они за вами придут. Видите, какой туман с моря валит.

Вячеслав долго смотрел на клубящуюся дымку, пока у него не заледенели пальцы. И вдруг вспомнил, что говорил шеф: если не вернёшься утром вторника, то уже никогда не вернёшься. И Вячеслав думал о том, как ему не хочется возвращаться. Хотелось оставаться с Полиной Эдуардовной и слушать её страшные сказки.

— Давайте завтра утром поговорим? — сказал он.

— Хорошо.

Вячеслав поспешно ушёл. Ему было легко и весело. Ему было всё равно,

что он пропустил встречу с Ардальоном, всё равно, что украли покупку, и всё равно, найдут ли её.

Полина Эдуардовна стояла у кромки воды, и ледяное море сладко целовало босые ступни. Ботиночки стояли рядом, аккуратно свёрнутые носочки лежали на них. И холодно не было.

Туман подкрадывался к берегу, и в морских тенях плыл муж Полины Эдуардовны. Она не помнила, когда море забрало его, год назад, или два, или десять, или вообще никогда. И всё это было сновидением. Сновидением, которое началось, когда Полина Эдуардовна упала с баржи и тонула в пенистых солёных волнах, когда морские утопленницы обнимали её ноги? Или ещё раньше? Сновидением, которое началось, когда шторм с Гандвика обрушился на приморский город, вымывая с улиц жизнь? Или сновидение началось, когда маленькая Полечка убежала от мамы к морю, а волна подхватила её и понесла к спящим в тумане скалам, а там с ней водили хоровод тени, Полечка лежала на мокром песке, слушала чаек, истошный крик матери? Или это вовсе не было сновидением? А была ли, самой настоящей, самой живой, колючей и солёной былью?

Холодное море сладко целовало босые ступни Полины Эдуардовны. Из тумана выходили тени. Хотелось пойти им навстречу, ступая по воде и не проваливаясь, не касаясь песка и камней, а скользить над водой, как распятый богосын.

— Иди к нам, — говорили тени. Полина Эдуардовна застыла. Она что-то вспоминала, но всё никак не могла вспомнить.

— Полина Эдуардовна! Полина! Вздрогнула. И сразу ей стало холодно и зябко. Захотелось обтереть

мокрые ступни о края платья и обуть тёплые ботиночки с мехом.

Уже светало. По бетонным ступеням бегом спускался Аркадий Савельевич.

— Картину украли!

Наступил понедельник.

Полина Эдуардовна неторопливо обтёрла босые ноги и обулась.

— Какую?

— С коровами.

В недоумении пожала плечами.

— Но кому она нужна? Может, перевесили?

Картину с коровами прадед Аркадия Савельевича написал во времена, когда жгли церкви, раскулачивали и отбирали имущество. На первый взгляд, картина напоминала серое пятно. Но внимательный зритель мог разглядеть выходящих из сизого тумана трёх коров, тощих, с впалыми боками и с большими грустными глазами.

О коровах была легенда. Эдуард Федорович Коровин не случайно завёл коров. Говорят, туманы с моря приходили всегда и всегда уходили, унося с собой тех, кто позволял. И только коров боялись туманы. Потому что серые коровы раскрывали рты и откусывали от тумана по кусочку. Тени с моря боялись их мычания и обходили стороной. Говорят, когда появились коровы, туман и тени с моря почти не посещали город.

А потом случилась революция, красные сменили белых. Новая власть не любила богатых и отбирала имущество в пользу государства. Когда у Эдуарда Фёдоровича потребовали коров, он обратился к прадеду Аркадию Савельевича и попросил перенести коров на картину, чтобы они остались в городе и могли время от времени сходить с полотна и откусывать туман.

Полина Эдуардовна несколько раз слышала от Бориса Павловича, что можно миф или легенду запечатлеть на живой картине, как бы переселить из реальности на полотно. Директор музея даже заказывал несколько таких картин шпаклёвику. Но Полина Эдуардовна хотя очень трепетно и нежно любила сказочное наследие, всё-таки не верила в то, что возможно взять с неба месяц и прикрепить его на картину. Это какой-то фокус.

Полина Эдуардовна всегда считала, что коров Эдуард Фёдорович всё-таки выпустил на волю, чтобы властям не достались, а они в каком-нибудь болоте и стинули.

Она так думала, но иногда сомневалась. Та часть Полины Эдуардовны, которая тонула в море, говорила, что коровы в самом деле сходят с полотна и, наевшись тумана, возвращаются обратно.

Картина висела в центральном зале музея. Теперь вместо неё было полотно с красными солдатами, которые штурмом брали город, и кровью алево их знамя. По бокам — две небольших зарисовки, изображающих голод и смерть во времена фашистской оккупации, сгорбленную женщину, откусывающую голову крысе.

— Видимо, этот зал у нас теперь военной истории посвящён, а коровы где-нибудь дальше, — улыбнулась Полина Эдуардовна. Они обошли весь музей, и Полина Эдуардовна уже хмурилась.

— Значит, в запасниках.

Но «Коров» и там не оказалось.

— Вот. Сказал же: украли. Это все происки Ардальона. Он эту картину ненавидел, — проскрежетал шпаклёвщик.

— Может, в гостиницу отвезли? Хо-

зяин гостиницы на неё давно посматривал. Ардальон мог ему подарить из вредности.

В ресторанчике при отеле и в холле висели репродукции и пародии на «Коров», а также несколько миниатюр Аркадия Савельевича, поэтому Полина Эдуардовна и предположила, что оригинал мог перекочевать в гостиницу. Хозяин уже давно клянчил, но директор музея всегда вежливо отказывал. Но «Коров» и там не наблюдалось. Администратор и портье недовольно посматривали на незваных гостей, но не приставали.

Хозяин гостиницы только разводил руками, мол, ни при чём.

— Не бойтесь, Аркадий Савельевич, — говорила Полина Эдуардовна, когда они сели завтракать в ресторанчике, — найдём мы картину.

Но Полина Эдуардовна не только шпаклёвщика хотела успокоить, но и себя. Ведь в её книге к юбилею была целая глава о картине. Как же выставку без «Коров» делать?

И та часть, что тонула в море, тихо-тихо шептала внутри. И Полина Эдуардовна слышала её смутный шёпот и беспокоилась: если коровы пропадут, то кто будет защищать город от туманов? Те выйдут на берег, чёрная галька станет кусочками льда, красный девичий виноград побелеет от инея, и город, и его жители, и музей с мифами — всё исчезнет.

— Какую картину? — рядом с их столиком оказался Вячеслав. Ему рассказали. Столичный гость сочувственно кивал, а сам думал, как удачно всё складывается.

Аркадий Савельевич сокрушённо добавил:

— Её нужно найти. Если не найти, то тени с моря начнут приходить в город.

— Так, ясно. Вы сейчас отработали тех, у кого был мотив, — деловито констатировал Вячеслав. — Но ничего не вышло. У кого был доступ в музей?

— Только у сотрудников музея. Музей же сейчас на перепланировку закрыт.

— Картина большая? У кого из сотрудников хватит сил её вынести?

— Да уж, — все трое пожали плечами.

В ресторанчике работал телевизор, скучающий официант смотрел новости.

— ... сегодня в восемь утра на центральной улице три большие коровы, удивительного серебристого цвета, перекрыли автомобильную дорогу...

— Это они! — воскликнул шпаклёвщик. — Сошли с картины. Нужно найти, пока никто не причинил им вреда.

— Да какое отношение живая корова имеет к картине?

— Самое прямое! Миф сошёл с полотна, вот какое. Да поймите же вы, наконец! Нашего города нет ни на одной карте, к нам почти не заезжают чужаки, извините за выражение, Вячеслав. Тени с моря, приходящие с туманом. Думаете, это всё просто так? Ни с того ни с сего? — почти кричал Аркадий Савельевич. — Да сколько можно очевидное отрицать!

В конце концов, они поспешили туда, где в новостях видели коров. Но когда приехали, то коров, разумеется, не оказалось. По центральной улице как ни в чём ни бывало ходили люди, замирали перед витринами магазинов и рассматривали отражения, автомобили лениво проносились, пахло чебуреками и растворимым кофе. Но не коровами.

— Следы, — показала Полина Эдуардовна на едва заметные кляксы се-

рой краски на тротуаре. Они вели за угол.

Искатели завернули за магазин с продуктами в тёмный двор, где стояли мусорные контейнеры с откинутыми крышками и топорщились набитыми пакетами, которые, казалось, вот-вот лопнут.

Картина была здесь же.

Вернее, сломанная рама, и пустой холст с вырезанной серединой, остался лишь серый край, где луг проступал из тумана.

— Вандализм, значит, — заключил Вячеслав.

— Ардальон, наверное, будет на седьмом небе от счастья, — процедила Полина Эдуардовна. Ей хотелось поднять остатки рамы... и что? Что она может сделать? Ничего. От бессилия оставалось только молча злиться.

Шпаклёвщик задумчиво смотрел в небо, в сторону, где за домами скрывалось море. Он казался спокойным, как человек, который всё давно знает и всё давно решил.

— Наверное, коровы ушли к морю, будут туманы откусывать. Жаль только, что дом их испорчен.

— У кого был мотив? — пробормотал Вячеслав. Он искренне выглядел расстроенным. — Зачем кому-то портить картину?

— Да что вы заладили мотив да мотив! Не было ни у кого мотива, — злилась Полина Эдуардовна. — А вот как выставку без картины проводить? Это же историческая ценность. В юбилейной книге о ней целая глава. Её же Эдуард Фёдорович Коровин заказал. Ах, да что же такое! Аркадий Савельевич, ну есть же у вас что-то на замену? Вы же много пишите.

Художник пожал плечами.

— Картина — всего лишь холст, не в ней суть. И вы это знаете, Полина

Эдуардовна. Зачем вы думаете о мелочах?

Махнул рукой и ушёл, чуть пружиня.

Полина Эдуардовна осталась с Вячеславом. Она раздражённо топталась, затем пнула мусорный пакет, выпавший из контейнера, и успокоилась.

Ей казалось, в прошлый раз она напугала столичного гостя рассказами о тенях. Ей и самой временами становилось жутко. Казалось, есть у неё какая-то другая суть. Которая когда-то тонула в море, глотала туман и солёную воду, и к ней тянулись идущие по воде тени. Но разве можно ходить по воде и не тонуть?

Полина Эдуардовна делала вид, что ничего не помнит. И поэтому размышляла о Вячеславе.

Он ей не нравился, казался лишним и ненастоящим. Очки не придавали ему интеллигентности, а скорее позволяли смотреть на всех презрительно и властно поверх стёкол. И этот взгляд ей не нравился.

А ещё Вячеслав украл «Коров».

Точнее — купил.

Ардалён, внук директора музея, Бориса Павловича, был не промах, не зевал и носом не клевал. «Коровы» — это, конечно, не квадрат Малевича, но ценителя и знатока могут заинтересовать. Ардалёну они глаза мозолили, вот и продал. А ещё потому, что не просто не верил в мифы, но даже и не уважал.

Полина Эдуардовна ничего об этом бы не узнала, но случайно проходила мимо ресторанчика, единственного места, откуда ночью лился свет. Она узнала Ардалёна и безошибочно определила его собутыльников как столичных гостей. И сразу же заподозрила неладное. Зашла в ресторанчик, просочилась туманом и подслушала

разговор. Хотела пробраться в музей и спрятать картину, но она же тяжёлая. Одной худенькой женщине не передвинуть. Оставалось только следить. И видела, как под руководством Вячеслава картину вынесли с чёрного входа. Потом покружила у моря и утром вернулась в гостиницу. Конечно, не только за омлетом. А чтобы посмотреть на вора. Вячеслав был взволнован, хотя почти умело скрывал это. Но она видела, как он барабанил пальцами по карманам, будто пытался что-то нашупать, видела испарину на его лбу. Ей хотелось вывести вора на чистую воду, чтобы он во всём признался и просил прощения. Утром, за омлетом, Полина Эдуардовна поняла, что ни сегодня, ни завтра Вячеслав никуда не уедет. Не понимала только почему, хотя и чувствовала смутно.

Полина Эдуардовна не удивилась, когда Вячеслав присоединился к их поискам, наоборот — ждала. И знала, что картина от него ускользнула. И та часть Полины Эдуардовны, что тонула в море, радовалась.

«Коровы» теперь бродили где-то сами по себе.

А где именно, никто не мог знать.

Полина Эдуардовна и Вячеслав сидели в ресторанчике всё той же гостиницы. Искусство было нечего, зато омлет, как всегда, оказался хорош. Может, это даже единственное, что в городе у моря хорошо готовили.

Вячеслав вдруг рассмеялся.

— А знаете, я сегодня должен был уехать в столицу. Сегодня ведь вечер понедельника, а во вторник утром я должен быть там. А теперь понимаю, что никуда не уеду.

— Почему же? Вас разве никто дома не ждёт?

— Ждёт, наверное. Но вы даже не представляете, как мне тошно в сто-

лице, как душно. Я женился в двадцать лет. Моя жена старше на десять лет. Я с ней встречался... уже не помню, с чего начались наши отношения. Наверное... нет, не помню. В общем, по залёту женились. Я, конечно, так не планировал. Но, сами понимаете, не женившись, оставил женщины одну с ребёнком — будешь вечной сволочью в глазах окружающих. Мать бы меня возненавидела, друзья бы, наверное, презирали. Да и мне было бы стыдно... Я тогда ещё только на четвёртом курсе учился, пришлось перевестись на заочку, работать в две смены, чтобы семью прокормить. Работаешь, работаешь, пашешь, пашешь, жизнь проходит. Моей жене сейчас тридцать восемь, она растолстела, лицом осунулась, не работает, целыми днями в Интернете на форумах сидит. А я теперь мальчик на побегушках у шефа, скучаю для него музейные экспонаты, можно сказать, ворую. Думаете, мне это нравится? Зарплата нравится. Хочу ребёнка в частную школу отдать, а то он вслед за матерью целыми днями в компьютере сидит... Знаете, ей тридцать восемь, а она отвратительно готовит, так и не научилась, впрочем, даже не пыталась. Мол, чего о муже заботиться? Никуда он не уйдёт, кишака тонка. Всё у неё к чертям подгорает, особенно блинчики. А здесь, у моря, мне спокойно. Вот вы пугали меня страшными сказками о тенях и тумане. А я сейчас совершенно не боюсь, может, даже верю, что коровы защищают город от тумана. Пусть и меня защищают.

Он помолчал.

— Я здесь вдруг совершенно счастлив.

Полине Эдуардовне стало жаль этого молодого симпатичного мужчину. Он пах одиночеством, горьким, тоск-

ливым, когда некому провести рукой по волосам, поцеловать в висок и сказать, что всё будет хорошо. И она жалела Вячеслава, жалела как добная мать, у которой щемит сердце при взгляде на голодного сироту.

— А я умею делать идеальные блинчики, и с творогом, и с вареньем, и с мясом, даже с зеленью могу, и не только блинчики. Хотите я вам завтра принесу?

— Приносите.

Если бы скучающий официант захотел сейчас посмотреть новости, то узнал бы, что сегодня на шоссе в город у моря нашли автомобиль, вылетевший с дороги в старое дерево, всмятку. Видимо, из-за тумана. А потом в сюжете показывали погибших. Один из них выглядел точь-в-точь, как Вячеслав. Только стёкла очков были треснуты, дужка сломана, и то, что осталось, сползло на щёку. А взъерошенные волосы багровы от крови.

Полина Эдуардовна вернулась домой поздно. Она долгоостояла у дома шпаклёвщика. Всё думала: вдруг выйдет за вдохновением? Ей хотелось сказать ему нечто важное о жизни. Ей хотелось сказать, что она верит, что можно протянуть руку к небу и, сорвав месяц, поместить его на картину. Ещё ей казалось, что она, наконец, поняла, что случилось в море, в том месте, где нет времени. Хотелось обнять Аркадия Савельича, прижаться к его щеке. Хотелось по его пропахшим табаком волосам провести рукой.

Но шпаклёвщик не выходил.

Дома Полина Эдуардовна щёлкнула чайником на кухне. На окне грустила герань, чуть обглоданная котом. Тот засел где-то на верхних полках, иногда поскребывался.

Чай горячий, сладкий. Полина Эду-

ардовна перебирала в памяти рецепты блинчиков. Нет, давно не готовила. Нужно свериться с поваренной книгой.

Прошла в комнату бабушки. Достала с полки книгу. Если бы бабушка была, то обязательно спросила бы:

«Зачем тебе? Ты что, готовить собралась?»

«Да».

«Полечка, ты что, с ума сошла? Нельзя готовить для мужчины, если он не твой муж. Что о тебе люди подумают?»

Если бы бабушка так сказала, то Полина Эдуардовна, конечно, положила бы книгу на место и ушла к себе. Но бабушки не было — на всякий случай огляделась — да, не было.

Бабушки не было уже давно. Она перестала быть через год после того, как Полина к ней переехала. И Полина осталась одна. Уходя в командировки, ключ от квартиры прятала в своём кабинете в музее. А, возвращаясь домой, говорила с бабушкой, которой давно нет. Но для Полины она всегда рядом. Мамы и папы тоже не было. И мужа не было.

— Никого нет, — прошептала. Опустилась на бабушкин диван и заплакала. Все они ушли туда, где нет ничего — и в то же время есть всё; туда, где прошлое, настоящее и будущее сплетаются в один корень, в змею, кусающую себя за хвост, себя поедающую, и рождающуюся из самой себя.

Иногда Полина Эдуардовна так ясно чувствовала прикосновения, слышала голоса. Ветер приносил с моря шёпот, он проскальзывал в щели старых, рассохшихся рам, садился в кресло рядом. И тогда Полине снилось, как она готовит омлет, и как фырчит масло, снилась высокая тень мужа, снились маленькие тени их не рож-

дённых детей. И все они шептали ей одно слово, слово, которое она никак не могла разобрать.

Размазала слёзы по лицу, подхватила книгу. Сердце щемило, дыхание прерывалось. Доплелась до кухни и начала готовить.

Слёзы высохли.

Утром она и Вячеслав сидели на набережной, ели блинчики и пили горячий чай из термоса.

Вячеслав так никогда и не уехал из города у моря. Несколько дней ему звонили в гостиницу. Но он не брал трубку. Однажды по почте пришло потрёпанное письмо от жены, но Вячеслав выбросил его в пенистые воды Гандвика.

Вечером вторника Полина Эдуардовна принесла в музей законченную рукопись книги к юбилею, вернее, флешку с файлом.

У крыльца стояла прислонённая картина. Полина Эдуардовна разорвала мятую обёртку, шероховатую бумагу, от которой пальцы сразу покрылись пылью. Это были «Коровы», но не те, другие. Аркадий Савельевич даже не пытался подражать оригиналу, а нарисовал то, к чему у него душа лежала. Коровы на картине насмешливо шли по центральной улице, автомобилисты брали их, но животные лишь взмахивали хвостами. И где-то вдали клубился туман, висели звёзды. Полина Эдуардовна обернулась, позади никто не подглядывал, и тогда она пальцем ткнула звезду. Та оказалась горячая, и на подушечке пальца отпечатался ожог. К утру он превратился в серебристую пыль.

О находке, о картине, пришлось рассказать Арdalюону. Он критично оглядел полотно и покачал головой.

Полина Эдуардовна тихо сказала:

— Если не повесите картину, то не отдам рукопись книги. А вы уже объявили в газете, что к юбилею выпустим книгу. Так что деваться вам некуда.

Картину вешали на прежнее место. Арdal'yon закрылся в кабинете.

Вздохнул и сдался. Опустился на старый кожаный диван, лениво щёлкнул чайником. Тот неторопливо забурлил.

Арdal'yon смотрел на высокие книжные стеллажи и думал о том, стоит ли протирать пыль на самом верху, или это бессмысленно. Чайник вскипел. Залил растворимый кофе.

Открыл нижний ящик стола и достал папку с документами.

Несколько недель назад, когда Снегирёв предложил выкупить «Коров», Арdal'yon обратился за помощью к частному сыщику. «Коровы» не представляли никакой художественной ценности и принадлежали перу бывшего крепостного, который работал на семью Коровиных. Платить за неё огромные деньги — к чему? Сначала Арdal'yon подумал, что Снегирёв тоскует по малой родине и хочет что-нибудь на память. Потом вспомнил, что Снегирь всегда недолюбливал мифы, даже больше, чем Арdal'yon. А «Коровы» — это миф. Из сентиментальных побуждений Снегирёв скорее попросил бы деревянное кресло прислать, благо несколько мастеров-краснодеревщиков в городе проживали.

Тогда-то Арdal'yon и задался вопросом: что не так со Снегирёвым? И стал вспоминать.

В город у моря семья Снегирёвых вернулась в восьмидесятые, в перестройку. Взятками и интригами отобрали у государства свой фамильный дом. И приехали смотреть. Ардаша,

Аркаша и Поля как раз играли на лугу в «поймай кузнечика» и увидели новую семью, въезжающую в заброшенный дом. Двухэтажный, сплошь покрытой тёмно-бордовым выонком с узкими листьями — и казалось, только начнёшь отрывать растение, чтобы дверь открыть, как весь дом рухнет. Оттуда тянуло затхлостью. Познакомились с мальчиком и сразу же окрестили его Снегирём. И не только из-за фамилии. Он и сам был как птичка-снегирь, маленький, нахохлившийся, в ярко-красной футболке.

Взяли в свою компанию.

Тем же летом с Полей приключилась история.

Арdal'yon упорно старался забыть этот случай и часто повторял: «Всего этого не было». Но назойливая мысль его не покидала: это правда.

Кофе заварился, но пить неожиданно расхотелось. И дед, и отец всегда пили только настоящий, молотый кофе, а не эту растворимую гадость, что покупал Арdal'yon.

Маленькая девочка Поля играла на берегу моря. Её обдувал холодный ветер. Мальчишки, Ардаша, Аркаша и Снегирь, бегали за ней и кидались выброшенными на берег водорослями. Но ветер подхватывал сухие снаряды и бросал мальчишкам в лицо. А Поля всё бежала и бежала вдоль берега, туда, куда ветер не доносил окриков матери. И там, между скал, в высохшей ключью пне лежало существо. Не большое и не маленькое, не уродливое и не красивое. Лежало и агатовыми глазами следило за Полей.

Тихий голос звал.

Существо соскользнуло в море, расплылось рыболовецкой сетью и пошло на дно, бледными звёздами отражаясь. И Поля шла в воду, по колено, по пояс, по грудь, пока макушка не

скрылась. Холодная вода заливалась в нос.

«Поля! Полечка!»

Полю тащили, волокли, укладывали на галечный берег. И маленький Аркаша истошно бил её по щекам. «Поля!» А двое других, Ардаша и Снегирь, стояли поодаль и с ужасом смотрели на море. Ардаше стало очень зябко, будто ветер забирался под одежду и лизал мокрым языком.

Ардаша видел существо.

Поля села и улыбнулась.

«Ты зря волнуешься. Со мной всё хорошо!»

«Ну, конечно! Я с трудом тебя вытащил!»

«А не надо было вытаскивать. Я бы сама вернулась».

«Как так?»

«А вот так».

И по их лицам, Поли и Аркаши, Ардаша понял, что они ни капельки не боятся существа. Оно им как старый добрый друг. «Они не такие, как я», — понял мальчик. И понял, что у него нет друзей, такая бесконечная, полная тумана пропасть между ними пролегла.

Когда Ардаша обвернулся к Снегирю, то увидел злобу на его лице, злобу к тем двоим, которые сидели у кромки воды.

Ардаша тогда не очень понял, что к чему.

Лишь позже выяснил, что семья Снегирёвых здесь когда-то жила, в начале двадцатого века. И как они враждовали с Коровиными, как те пытались закрыть их лесопилку, как бывшие коровинские крестьяне делали им гадости, и как Снегирёвых обвиняли в туманах, что приходили с моря, и как промышленников изгнали коровы.

Всё это Арdal'yon считал глупым

преданием, пока взрослый Снегирёв не захотел купить «Коров». А тут ещё Полина Эдуардовна принесла рукопись про Коровиных, существо, туман. И Арdal'yon вдруг подумал: а если всё это правда? Если есть сила, которая жаждет поглотить город, его жителей и мифы, что прячутся в трещинах музея? Потусторонняя, злая, обиженнная сила, которая не хочет, чтобы, кроме неё, было ещё что-то?

Арdal'yon почувствовал себя затянутым зверем, которого со всех сторон окружили. В конце концов, у него сдали нервы, и он решил раз и навсегда разобраться и доказать самому себе, что все эти мифы и предания, и туман — полнейшая чепуха.

Спустился в архив семьи Коровиных. И перебирая документы, нашёл фотографию Полюшки Коровиной.

Полюшка Коровина — поразительно похожа на Полину Эдуардовну Богосынову в детстве.

В тот вечер Арdal'yon до полуночи сидел в дедовой гостиной и перебирал фотографии детства. Вот он с лучшим другом Аркашой — на качелях, вот песчаный замок строят, вот мороженое по лицу размазывают, вот рисуют чаек на асфальте. И ни одной фотографии Полечки. Но Арdal'yon точно помнил, что она была, вместе с ними выслеживала хищных птиц, пролетающих над лугом, вместе взбиралась на скалы, даже через резиночку учila их прыгать! Лет с семи её помнил. Но не нашёл в школьных фотографиях, а в выпускном альбоме её фото оказалось заляпано чёрной грязью, только фамилия Богосынова и осталась видна. Арdal'yon пробовал очистить снимок, но только больше испортил. На следующий день позвонил частному детективу и заказал узнать о Полине Эдуардовне Богосыновой всё, что

можно.

Детектив поработал на славу: нашёл всё научные публикации Полины Эдуардовны, свидетельство об окончании школы и института в столице (слава богу, а то Арdal'yon ненароком начал думать, что Полина Эдуардовна — плод его фантазии), запись о приеме на работу в музей, несколько газетных вырезок, некролог на гибель мужа и родителей, выписку из ЗАГСа о смерти тех же и ещё бабушки. А вот чего детектив не нашёл, так это — свидетельства о рождении. Полина Эдуардовна везде указывала двадцать пятое августа восемьдесят четвёртого года. Но само свидетельство о рождении и соответствующая запись в органах не существовали. Детских фотографий Полины сыщик тоже не нашёл.

Зато нашёл кое-что интересное.

На теплоходе, на котором плыла Полина с мужем и родителями, шумно праздновали свадьбу. И оператор заснял на видео, как Полина Эдуардовна бурно о чём-то спорила со Снегирёвым. Оба размахивали руками, яростно кричали, затем оператор перестал их снимать.

Арdal'yon помнил тот день.

Утром Снегирёв ввалился к нему в кабинет очень злой, на взводе, и требовал, чтобы все мифы немедленно были уничтожены. «Ты же понимаешь, какая опасная штука — эти мифы! Мы должны от них избавиться! Только так мы спасём город. Да что там город! Всех спасём! А если не начнём уничтожать мифы, то скоро станем тенями, а потом это зараза и дальше пойдёт». Арdal'yon тогда ничего не успел сказать. Дед выгнал незваного гостя, и не просто выгнал, а проклинал: «Что же, ты делаешь, ирод? Город хочешь загубить? Да мы только мифами и спасаемся, только они те-

ней и сдерживают!».

Днём случилась авария на теплоходе.

Вечером Снегирёв навсегда уехал из туманного города.

Это всё, что смог выяснить сыщик. Арdal'yonу оставалось лишь свести всё воедино. Ему не хотелось признаваться, и он злился на себя. Не мог отрицать, что в глубине души знает: мифы существуют. И только благодаря коровам этот город ещё не поглощён льдами и туманом. Знал, что ночью они сходят с картины и бродят по берегам, откусывая туманы, а затем возвращаются, и это от них остаются мокрые следы, на которых Арdal'yon вечно поскользывается.

Арdal'yon метался, мучился. И всётаки продал картину. Сам не мог объяснить себе, зачем продал. Мог же отказать. Но неведомая сила так и шептала: продай. А после совесть мучительно щипала.

И с каким же облегчением он вздохнул, когда узнал, что Вячеслав потерял «Коров».

Вечером во вторник Арdal'yon вышел во двор, прикатил бочку, бросил в неё папку с документами от детектива и кинул горящую спичку.

Материалы вспыхнули.

Арdal'yon вспоминал, где можно купить молотый кофе.

олина Эдуардовна читала записку, которую нашла под шероховатой бумагой.

«Дорогая Полина! Как видите, нарисовал новых «Коров». Поскольку в этом городе мало кто разбирается в искусстве, то, скорее всего, никто не заметит подмены. А если заметят, то можете сказать, что у них память затуманилась.

В детстве дед часто говорил: у каж-

дого предмета есть душа, и рассказывал о том, как можно живую душу переместить на картину. До того, как попасть в музей, «Коровы» висели дома, на первом этаже. Каждый вечер коровы сходили с полотна и отправлялись откусывать туман. Конечно, иногда теням с моря всё-таки удавалось добраться до города, и тогда в тумане исчезали дети. Некоторые — насовсем, некоторые возвращались, но возвращались другими, такими же тенями. Когда дед умер, двоюродный брат обхитрил меня и забрал дом под сувенирный магазин. Пришлось переехать на чердак, а «Коров» подарить музею. Повезло, что Борис Павлович, как и дед, верил в возможность перенести миф на полотно. Борис Павлович всегда оставлял служебный вход не запертым, чтобы коровы могли выходить. Увы, ему приходилось отлучаться, искать новые мифы, которые я переносил на полотно, чтобы сохранить им жизнь. Когда Бориса Павловича не было, власть в музее захватывал Ардалон, как вы, Полина, знаете. Тогда служебный вход оставался закрытым, и коровы не могли охотиться за туманом. И с каждым годом туманы всё смелели и смелели, и стали приходить чаще.

Не знаю, когда вернётся Борис Павлович, но верю — скоро. А пока надеюсь, Полина, вы совладаете с Ардалоном. Мифам нужен дом.

Картина, которую нарисовал, это жалкая пародия. Коровы с неё не смогут защитить город у моря. Поэтому, вынужден покинуть дом и отправиться ловить коров. Надеюсь, найду их.

Полина, желаю одного: примите себя той, кто вы есть. Мы с вами оба тонули и не утонули, а вернулись ни теми, ни другими.

Всегда твой, друг Аркаша»

На чердаке шпаклёвщика не было, как не было и нигде, где искала Полина Эдуардовна.

Мансардное окно наглухо закрыто. И свет проникал только из мутного окна в стене. Полина Эдуардовна провела по нему пальцем, собирая толстый слой пыли. И в оставшемся чистом пятне видела кусочек моря — и ни капли тумана.

Знакомый холст скрывала простыня. Полина Эдуардовна колебалась. Если Аркадий Савельевич не показал картины прежде, то можно ли смотреть её сейчас? Сорвала простыню.

И встретилась взглядом с молодой женщиной. Свет играл в её рубиновых серьгах. Светлые волосы струились и смешивались с платьем, похожим на рыбакские сети. За её спиной клубился сизый туман, выше мерцали мешочки звёзд.

 уляла по берегу, носками туфель ворошила гальку. В городе, говорят, опять видели коров. Утром специально заглянула в музей, картина на месте.

Вячеслав теперь работал в гостинице. Часто выходил на крыльце и курил, считая звёзды. Вообще-то перед Вячеславом ей было немного стыдно, ведь это она туманом просочилась к ночному портъе и убедила его выкрасть картину и отнести её в центр города. Та часть, что когда-то тонула в море, подсказала Полине Эдуардовне так сделать. Правда, она не думала, что, пока ночной портъе будет тащить картину, то сломает раму, случайно уронив. Коровы, почувствовав свободу, как в былые времена, вырвались и порвали полотно. Возвращаться они не собирались. Нет ничего слаще воли вольной.

Борис Павлович так и не вернулся,

возможно, решил поселиться на болоте с мифами. Полина Эдуардовна на него не обижалась. Мифу место с мифами.

Юбилейный вечер в краеведческом музее прошёл на ура. Новая экспозиция, посвящённая жизни Коровиных, всем понравилась. Книгу охотно покупали. Арdal'yon постоянно хмурился, видимо, прочёл, узнал, что в книге только о мифах и говорится. Но ругаться с Полиной Эдуардовной почему-то не стал. Только чернел как туча и смотрел задумчиво вдаль. Ещё у него появились странные ботинки на меху, один ботинок серый с зелёным шнурком, второй — белый с синим шнурком.

Полина Эдуардовна беспокоилась, что Арdal'yon начнёт тайком торговать картинами с другими мифами. Поэтому с помощью Вячеслава потихоньку их украла и перетащила к себе на квартиру. Бабушка возражала страшно, дико ругалась, проклинала, но потом перестала. Потому что на самом деле была сновидением. А, может по-другому, может, сновидением была Полина Эдуардовна, которая снилась бабушке в городе у моря. Может, Полина Эдуардовна — сновидение, которое снится безначальному и бесконечному времени. Впрочем, сама Полина Эдуардовна не сомневалась в реальности происходящего.

Но что считать реальностью?

Что это? То, что мы воспринимаем? А мы — кто и что такое? Часть реальности, которую воспринимаем. Но вот вопрос: если мы часть реальности и воспринимаем сами себя, то вне нашего восприятия существуем ли мы? Что если мы лишь плод нашего собственного воображения? И если мы — плод нашего воображения, то, получается, мы не реальны, а, следовательно, как

можем себя воображать? Стало быть, кто-то или что-то воображает нас, воспринимающих и себя, и действительность вокруг. Мы часть — безграничности и безвременности. Мы часть той действительности, которая существует в противовес пустоте. Мы — плод воображения пустоты. Но плод — огненный, страстный, стремящийся вырваться за пределы восприятия и воображения.

Свой портрет Полина Эдуардовна так и оставила на чердаке шпаклёвщика. Временами поднималась, просто чтобы посидеть на пледе, где лежал когда-то Аркадий Савельевич, протереть пыль с красок и кисточек. Однажды портreta уже не было, и кисточек, и красок, и сдёрнутой простили. Только мансардное окно хлопало открытыми ставнями, и капал дождь.

Ночь. Луна низко давила. Море шептало.

Когда она стала тенью, что приходит с моря? Тогда, когда утонул муж? Когда свалилась с баржи? Когда после выпускного гуляла с подругами на пляже? Когда в детстве убежала от мамы и захлебнулась? Или всё это было сном, который снится ей с начала безначального времени?

Всё это было сном, который не снится.

Тихий голос звал. Полина Эдуардовна скинула полусапожки. Ноябрьский песок не был ни холодным, ни тёплым. Море — ласковым, колючим.

Колготки намокли по колено, волны плескались у края юбки. Пальто расстёгнуто, поднять бы воротник, чтобы не забрызгать. Вода холоднеет, обжигает живот.

Распускает волосы. Ветер их подхватывает, опускает, и волосы сетью растекаются по волнам. И волны всё

плещутся, горче и горче.

Туман над морем сходится плотной стеной, и тени из моря ходят вдоль берегов. Туманный поцелуй льдинкой прижимается к губам. Луна бросает свет на воду, та отражает, и звёзды ловят возвращённый свет, складывают его в мешочки и светлячками ночными скидывают на берег, далеко-далеко, где бродит шпаклёвщик в поисках коров, которых никогда не найдёт.

Когда мы умираем, кем мы становимся? Когда мы умираем, существо без имени, без возраста, ни красивое, ни уродливое, забирает нас к себе. Когда мы признаем, растворяемся в бескрайнем и безвременном ничто, входим туда, где перестаём быть чьим-то плодом воображения. Но иногда оставляемся тенями, не в силах смириться с той пустотой, что нас ждёт. Но если времени не существует, если прошлое, настоящее, будущее — всё суть одно, разве тогда можно говорить о том, что

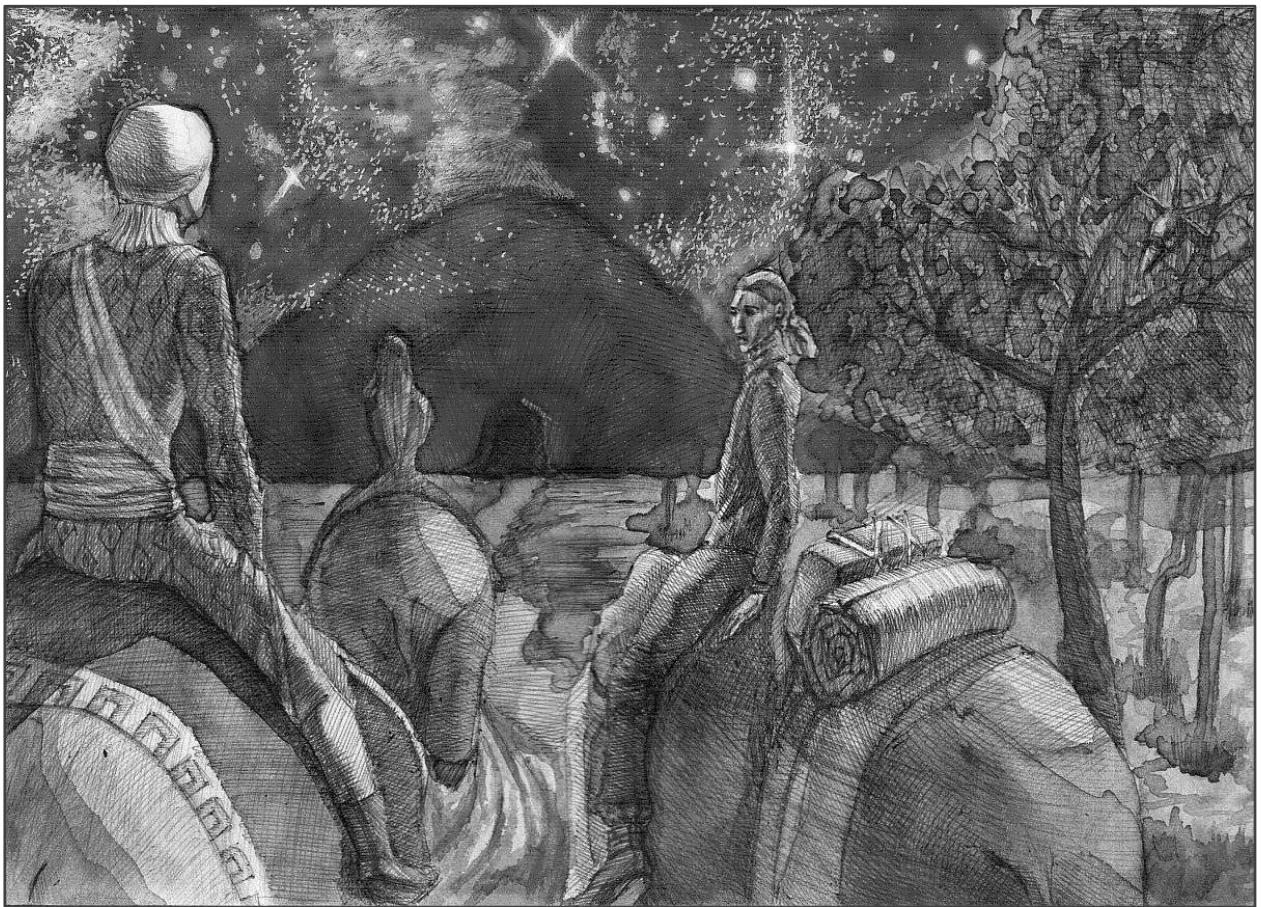
нас ждёт? Ведь там, где нет времени, это что-то уже было, уже есть и уже будет, и всё происходит одновременно.

Кто-то остаётся тенью, которая приходит с моря.

Кто-то возвращается. Каков он, вернувший из безвременья, оттуда, откуда не существует?

Утро.

Однокая серая корова бредёт вдоль песчано-каменной косы.

Андрей Плотник На дне Лакмериса

онечно же, это был сон.
Наш караван, состоявший из нескольких десятков слонов, пробирался среди густых чёрных зарослей под звёздным небом. Шаг в сторону от тропинки грозил гибелью — там поблескивала тёмная вода, отражающая низко нависшие ветви деревьев, старых как мир. Смолистая гладь периодически покрывалась пузырьками. Глубина этих топей была никому не ведома, тысячи тропинок здесь уводили к тысячам разных смертей. К счастью, с нами был опытный проводник — он шагал впереди каравана, тщательно прощупывая почву шестом.

Я знал, что это место зовётся Лакмерис.

Веками копившиеся клубы зловонных испарений висели среди стволов. Терпко пахло гнилью, перегноем, прелой листвой. В небе над нашими головамиискрились разноцветные звезды — красные, как рубин, сапфирово-голубые, зелёные и белые. Они находились в непрестанном движении, вращались, сбивались в тесные скопления, взрывались, оседая на листву чёрных деревьев яркими светящимися пылинками. Тёмное небо рассекали фиолетовые и розовые ленты космических туманностей. Все это действие очень напоминало фейерверк, отличаясь от него лишь тем, что совершалось в полнейшей тишине.

— Куда мы идём? — спросил я, глядя на звезды.

— О, здесь нет секрета, — проговорил человек, ехавший на соседнем слоне. Его узкое бледное лицо словно было покрыто пылью тысяч прочитанных книг, на длинном остром носу поблескивало пенсне. В целом внешность незнакомца выдавала в нем библиотекаря, отказавшегося от кабинетной рутины в пользу авантюр и приключений. — Мы ищем абсолютное знание. Говорят, что это — каменные таблички, написанные Творцом за миллиарды лет до того, как из комка раскалённой космической пыли сформировалась Земля. Там — ответы на все вопросы.

— Боже, какая скуча, — раздалось рядом.

Эти слова произнесла молодая рыжая дама, одетая в костюм для верховой езды. Изящную свою ладошку она картино прижала к губам, пытаясь подавить зевоту. Ее лицо вызывало в памяти образы блудниц с полотен мастеров эпохи Возрождения.

— Не слушайте этого зануду. Конечно же, мы ищем золотой лингам Шивы, источник неописуемых наслаждений. Только в этом и есть хоть какой-то смысл!

Я вежливо согласился, не желая вступать в спор.

Где-то рядом тут же раздался горячий смех. Повернувшись на звук, я увидел крепкого поджарого старика в пробковом шлеме, глаза которого горели воинственным пылом. Его лицо с острой бородкой было словно вытесано из камня, узловатые пальцы крепко сжимали винтовку.

— Это ж надо такое выдумать! Знание, удовольствия... Мы ищем абсолютное оружие, вот что я вам скажу. Абсолютное оружие, созданное руками древних. Там, в топях Лакмериса, лежит наша цель — если хоть что-то

можно ещё спасти из этой проклятой трясины...

На это я ничего не ответил. Похоже, я был здесь единственным, у кого не имелось конкретной цели. Однако все происходящее вокруг вызывало во мне неподдельный интерес.

Влажный воздух был буквально пропитан обрывками старинных легенд. Теперь я точно знал, что все сплетни и слухи о Лакмерисе, являли собой чистейшую правду. Чёрные топи без конца и края раскинулись под звёздным небом. Бледные цветки на искривлённые ветви источали яд; тут и там среди болотных кочек переваливались рогатые сухопутные рыбы, нелепо вышагивая на паучьих лапах. Среди влажных коряг сверкали изумрудные глаза неописуемых существ, на взгляд человека казавшихся отвратительными и бесформенными — но я прекрасно понимал, что по отношению к нам они испытывали подобные же чувства.

Жизнь кипела повсюду, не только в болоте, но и под пологом леса. В ветвях копошились белёсые вампиры с кожистыми крыльями и крабыми головами. Их рты постоянно открывались, выпуская на волю тонкое жало с присоской на конце. От ствола к стволу планировали летучие медузы, напоминающие раскрытие зонты.

— За прошедшие миллиарды лет Господь сотворил множество миров, — раздался приглушенный голос у меня за спиной.

Оглянувшись, я увидел, что с моим ездовым животным поравнялся величественный белый слон, на котором ехал дряхлый старик. Это был индус, иссущенный временем до состояния мумии. Казалось, от него остались лишь кожа да кости, однако наряд его представлял собой облачение раджи,

а роскошный паланкин украшали золотой декор и драгоценные камни. Вид его наглядно выражал тот факт, что и богач и бедняк абсолютно равны перед лицом старости.

— Множество миров, значит? — переспросил я.

Он кивнул.

— Именно так. И Лакмерис был частью первого из них. Именно поэтому здесь так много уродливых несовершенных существ, на которых Творец оттачивал своё мастерство в создании жизни. Небо над Лакмерисом — это небо мира, давным-давно канувшего в небытие. И всякий раз, когда очередной мир начинал вызывать в Творце скуку и раздражение, он стирал своей могучей рукой все сущее с лица земли и швырял обломки на дно Лакмериса. Наши ноги попирают сейчас историю бесчисленных царств и забытых народов...

Эти слова отдались в моей душе не столько тревогой, сколько сладким томлением. Захотелось спрыгнуть с мерно покачивающегося слона и броситься в чёрную воду, разделив бесконечный сон с осколками сказочного прошлого. Но я совладал с этим порывом, ведь мрачные заросли вокруг нас источали леденящий ужас, ясно намекая, что все сказки в этом месте давно стали прахом и разложились, переродившись в черёдуочных кошмаров.

— Однако сплетни уверяют, что она все ещё там... — тихо добавил индус.

— Кто? — не понял я.

— По слухам, много лет назад, на заре зарождающейся Вселенной, неприметное племя изваяло статую Творца, слепив её с натуры. В те времена Бог был ещё достаточно юн и наивен, и потому частенько сходил к смертным, пировал вместе с ними, и с само-

довольным видом выслушивал оды, сложенные в его честь. Когда же пришёл черёд отправить в небытие и этот мир, Творец безжалостно швырнулся его на дно Лакмериса, сохранив лишь один предмет — ту самую статую, которая была слишком прекрасна, чтобы ее уничтожать. Творец восхищался ею. Эту статую он поставил в центре бескрайних топей, чтобы ни один смертный не мог впоследствии сказать, будто видел ее. Только представьте — если мы доберёмся до этого места, то сможем похвастаться тем, чего не доводилось лицезреть никому из ныне живущих! Мы узнаем, как выглядел Творец!

Отчего-то это известие меня нескованно напугало. Было тут что-то понастоящему дерзкое, кощунственное — взглянуть в лицо самому Богу...

— Нет уж, — торопливо пробормотал я, — я ищу абсолютное оружие, или этот, как его... Золотой лингам Шивы. Не нужны мне никакие статуи.

Я больше не смотрел на старого индуса, который продолжал ехать рядом. На небо тем временем огненным колесом выкатилась гигантская комета, но тут же была поглощена чёрной дырой. Орион над нашими головами одолел Дракона, хотя я видел, что с двух сторон к нему уже подбираются Большая Медведица и Скорпион.

Ритм шагов моего слона навевал дремоту. Впрочем, я знал, что не имею права засыпать во сне — ведь это означало бы немедленное пробуждение. Поэтому я внимательно вглядывался в проплывающие мимо колонны доисторических деревьев, и старался пронзить взглядом тысячелетний мрак, царивший между ними. Маленькая кровососущая тварь спрыгнула с ветки на шею слону — это был красный клоп размером с кулак, усе-

янный бахромой щупалец. Я брезгливо поддел его краем сабли и сбросил на землю.

Внезапно где-то поблизости раздалась переливчатая трель, напоминающая волшебную песнь сирены. Люди тут же повернули головы на звук. Улыбка упала в нашу толпу и покатилась от лица к лицу — я тоже улыбался, ощущая, как в душе поднимается волна покоя и умиротворения. Впрочем, все эти чувства разом поблекли, едва только я разглядел, кто именно издаёт столь сладкое пение. В нескольких метрах от тропы с ветки свешивалась крупная бесцветная тварь, на вид являющая собой смесь женщины и летучей мыши. Кожистые крылья напоминали полупрозрачную шаль, тонкие щупальца, заменяющие существу ноги, надёжно удерживали его на ветке вниз головой. Беззубый рот то сжимался, то расширялся, рождая мелодичную трель, на шее надувались и опадали кожистые мешки.

Меня передёрнуло. Тут же человек в пробковом шлеме — тот самый, что искал абсолютное оружие — вскинул винтовку и надавил на спусковой крючок. Грязнул выстрел, тварь взвизгнула и серым комком шлёпнулась в трясину. Чёрные воды быстро сомкнулись над добычей.

Охотник усмехнулся.

Так мы и двигались вперёд, мимо бесконечных чудес и ужасов. Вскоре проводник вывел караван на древнюю белую дорогу, выложенную мраморными плитами. Она витками убегала вдаль, кое-где полускрытая мхом и тягучей грязью. Идти стало легче.

Уже через пару часов впереди показалась выщербленная стена, и проводник сказал, что так далеко в чащу не забирался даже он. Плиты, слагающие

стену, поражали воображение своими размерами. Тут и там с них свешивались грозди светящихся цветков.

— Вот они, руины первого города на Земле! — произнёс старый индус, восторженно окидывая взглядом монументальную кладку.

Вокруг послышались гомон и радостные крики, мои спутники почувствовали, что цель путешествия уже близка. Я знал, что одни желают обнаружить там извечное знание, другие — удовольствия или оружие, но сам я не имел ни малейшего представления, что может таиться посреди этих развалин, чей возраст не поддаётся даже приблизительному определению.

Над руинами висели тишина и мрак вечной ночи.

И вот слоны вошли в город, неся людей на своих покатых спинах. Я тут же принялся вертеть головой, стараясь ухватить взглядом каждую деталь. Полуразрушенные дома имели пирамидальную форму, окна и двери выглядели совершенно чуждо, ясно намекая, что все это мраморное великолепие сотворили отнюдь не руки людей. Ни пятна мха, ни путаная паутина лиан не могли утаить былое величие этой мёртвой цивилизации. Ужас и восторг росли в моей душе, и я вдруг понял, что именно такое сочетание чувств должно порождать в человеке прикосновение к вечности.

Мы двигались по широкой улице, между рядами массивных резных колонн. Вскоре улица эта влилась в огромную круглую площадь, и стало ясно, что мы достигли центра города.

Впереди во мраке начала вырисовываться какая-то крупная тёмная фигура.

— Это он! — взвизгнул престарелый индус, чей белый слон к тому времени слегка обогнал моего. — Мы добра-

лись, мы видим его перед собой — первые из людей! Перед нами единственное во вселенной подлинное изображение Творца!

Мгновение спустя я тоже увидел это — увидел и захлебнулся собственным криком.

Неужели это оно?! Это бесформенное, это чудовищное нечто... Неужели это действительно Творец?!

Ужас сдавил мне горло, тело словно превратилось в ледяную глыбу. Я не мог пошевелиться, не мог оторвать взгляд. Рядом раздались испуганные вопли, ошалевшие слоны вставали на дыбы и сбрасывали с себя седоков. Площадь огласилась трубным рёвом.

Так вот почему Творец упрятал проклятую статую в такую глушь! Право же, лучше бы он и вовсе уничтожил ее вместе с тем миром, что породил ее на свет!

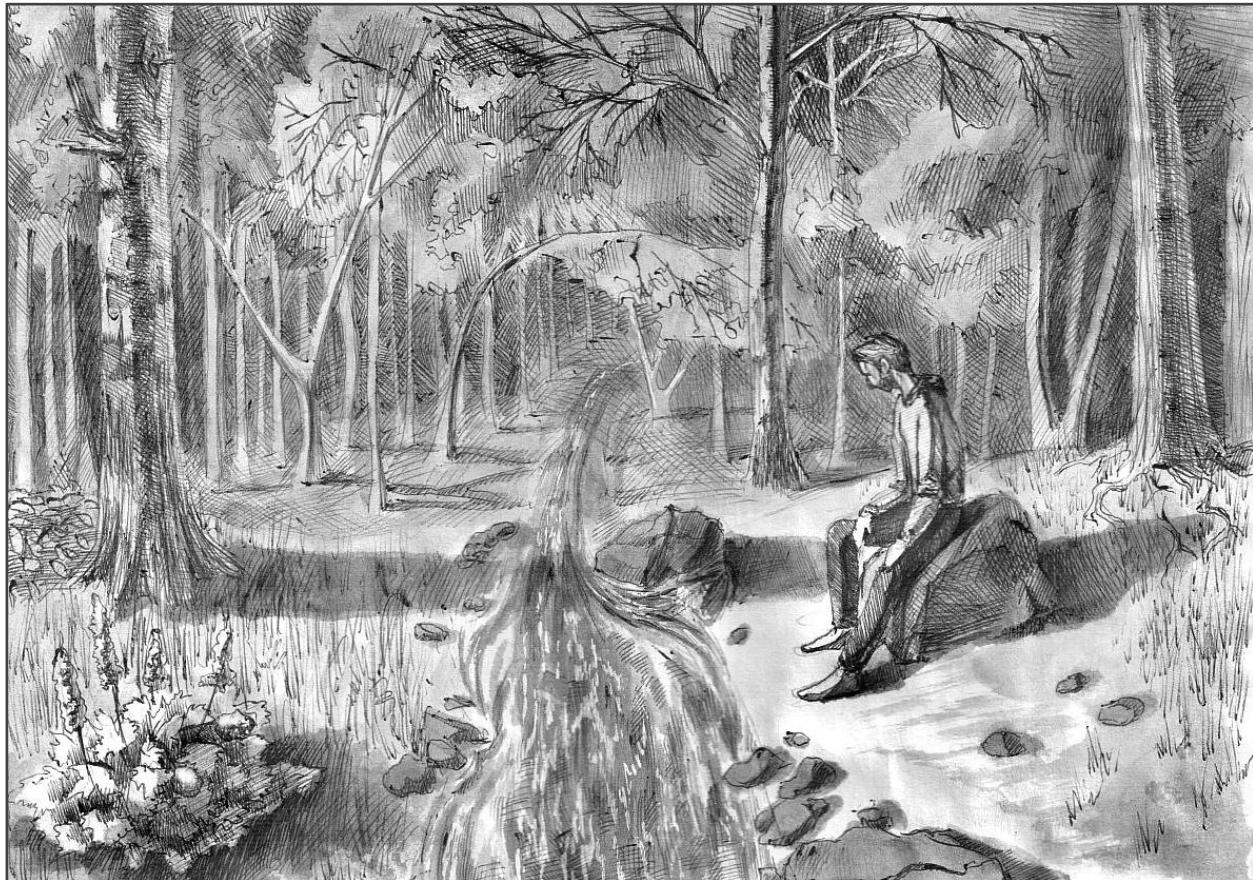
Внезапно над топями Лакмериса пророкотал гром. Взглянув на небо, я увидел, как звезды шустро бросились врассыпную, а некоторые и вовсе погасли, как задутое пламя. Нечто гигантское и чёрное приближалось из-за горизонта, тучей вздыбившись над доисторическим лесом.

— О, горе нам! — завопил индус, истерично сверкая глазами во тьме. — Мы увидели то, чего не должен был лицезреть ни один из смертных, и теперь Творец разгневан!

Человеческие крики и рёв животных слились в едином вопле, наполненном ужасом, и тогда гигантская чёрная рука сгребла наш караван в горсть и яростно швырнула в самые чёрные глубины Лакмериса, в смрадную пучину, на дне которой гниют осколки бесчисленных цивилизаций. На миг я увидел кувыркающиеся в стремительном падении фигурки слонов и людей. Затем мрак хлынул со

всех сторон, холодный и влажный, погас звёздный свет, и звуков не стало.

Мы смешились с прахом мёртвых миров. Здесь, в чёрных трясинах Лакмериса, в немой тоске я провожу тысячелетие за тысячелетием, в обществе бледных червей и членистоногих пожирателей падали. Но я знаю, что это всего лишь сон, и однажды я обязательно проснусь.

Андрей Бородин

Среди ветвей

Врохладным днём позднего августа я брёл сквозь чащу девственного леса по тем дорогим моей памяти местам, где мы гуляли и любили друг друга тридцать лет назад. Всё здесь осталось нетронутым с тех давних пор, когда нам был знаком каждый камень, каждый куст, каждое дерево. Со светлой грустью я проводил рукой по листьям и стволам, ноги мои нежно ступали по давно забытым тропам, усыпанным плотным слоем опада. Тишина и спокойствие царили вокруг, лишь изредка доносились голоса птиц, да негромко шептались оглаживаемые ветерком кроны уходящих в небо великанов; казалось, если напрячь слух, можно было услышать, как в глубине леса переговариваются нимфы. В пору своей молодо-

сти мне доводилось слышать в этих местах голос юной нимфы – она беззаботно смеялась, танцуя среди стволов, невинная, словно этот лес, дева, ведомая под руку хромоногим фавном; ныне же поседевший фавн вновь стрясал остатки утренней росы с разнотравья, но уже в одиночестве.

Да, лес был всё таким же, каким я его помнил. Свежесть зелени, лишь слегка задетой дыханием приближающейся осени, молодость, вновь возвращающаяся после месяцев старости и гибели, и вечная жизнь, существование во вневременныи, вечное возрождение, недостижимое и неподвластное нам, людям. Годы были милосердны к деревьям – но не ко мне, о чём красноречиво говорили моя седина и испещрённое морщинами лицо. Что до тебя,

я не ведал, как ты преобразилась под дыханием времени, но надеялся, что там, где ты пребываешь сейчас, цветение и пламя юности до сих пор остались верны тебе.

Я спустился в овраг, по дну которого протекал небольшой ручей. Помню, как мы, разгорячённые, спускались к нему, чтобы испить прохладной воды и омыть усталые, запылённые ноги. Но что это? Неостановимое течение лет обратило ручей в небольшую реку. Воды, упрямо осаждавшие глинистые берега, подмыли их, беспрестанно расширяя русло и углубляя дно. Некому было остановить их, и сами она не желали этого. Являясь одним из воплощений неудержимой стихии, они непрестанно стремились вперёд, к своей цели – и, став чем-то большим, чем ранее, наконец утишили свой бег.

Я бросил взгляд на камень, что много лет назад был погружён в воду ниже по течению, на котором ты любила сидеть, расчёсывая свои волосы. Некогда он являл собой значительную преграду на пути ручья, и вокруг него всегда вились буруны; теперь же камень был сточен водой и больше не был помехой для реки. Пройдёт время, и он вовсе превратится в мельчайшую гальку, в песок, и будет унесён потоком, который тёк здесь за несколько веков до мимолётного меня, и будет течь много веков после.

Я сел у воды и задумчиво посмотрел на другой берег. Когда-то там рос могучий тополь, под сенью коего, на ложе пушистых мхов, обрамлённом древними корнями, мы утопали в объятиях друг друга. Теперь тополь был мёртв, и его сухой остов выделялся среди буйства жизни растрескавшимся надгробием. У его высохших корней, среди ковра осок, я увидел

одинокий аконит, чьи цветы, несмотря на приближающуюся осень, всё ещё были налиты соком. О, губительный аромат!.. я вдыхал тебя, когда тонкие белые руки осеняли моё чело царственным венцом, таившим в вычурной вязи зелёного золота сапфиры бархата месопотамской ночи. Твой стройный стебель заключён в объятья повилики, и, слившись, словно два любовника, вы слегка покачиваетесь на ветру под слепым взглядом старого засохшего тополя, чей удел теперь – лишь безучастно созерцать буйство жизни, как созерцает безмолвный хладный кенотаф весеннюю робость вербы, приютившей на своей ветви соловья.

Резкий порыв ветра растрепал мои поседевшие волосы – и, покорны его воле, первые пожелтевшие листья сорвались с веток и понеслись прочь, словно изгнанники, безвозвратно уходящие в пустыню. Тревожным сонмом привидений обрушились они на неслышно вздыхающую плоть воды и смиренно тронулись вдаль, провожаемые моим взглядом, пока не скрылись в неизвестности за поворотом ручья.

Мистический полумрак, рождённый вступающим в свои права вечером, укрывал тонкой вуалью всё вокруг, а я всё сидел у воды, погружённый в воспоминания. Окончательно продрогнув, я, наконец, решил тронуться в обратный путь. Очередной порыв ветра бросил мне в лицо несколько холодных капель, и я непривольно поднял взгляд вверх.

И там, среди ветвей, вместо затянутого блёкло-серыми тучами неба, сочившегося промозглой моросью, я увидел исполинский лик. Просветы зелёного полога опустошёнными глазницами источали странный при-

зрачный свет – и этим непостижимым взглядом я был пригвождён к земле, не смея шевельнуться. Покрытые увядющей листвой ветви рождали колеблющиеся контуры и формы; лишь сомкнутые уста лика были подобны своей недвижностью и безмолвием устам тысячелетнего идола. Но вот они отверзлись, и пространство заполнилось голосом; и голос тот был шелестом листвы, журчанием воды и шёпотом трав.

«Зри, человек. Зри воды, что точат берега и камни. Зри мёртвый тополь, что взирает на живые травы. Зри листья, что, умирая, срываются с ветвей и ложатся на воду.

Внемли, человек. Внемли, ибо вечен бег этих вод, и вечна их борьба; не знают они преград на своём пути, и, пока не иссякнет исток, должно им ширить своё русло и продолжать свой путь. Внемли, ибо наступит осень, и усохнут дикие травы, и увяннет аконит; но прежде повишика высосет из него все соки, и не встретит он свою старость. Внемли, ибо скоро все листья оставят дом свой и уплывут по тихим водам туда, откуда более нет им возврата.

Знай же, человек; знай, что во всём этом – ты. И жизнь твоя подобна реке, но не точить ей боле берегов и камней, ибо сам ты избрал свой путь, и, иссушая воды, уходишь в землю. И сам ты подобен сухому тополю, что отрешённо смотрит на то, как повишика губит аконит; мертвец среди живых, которому никогда боле не одеться в зелень ранней весной. И годы твои подобны этим листьям, что один за другим уносятся в никуда – ибо более нет им приюта в прежнем доме, ибо близка осень».

И тогда я бежал прочь оттуда. Ветви хлестали меня по лицу, словно ледяные плети демонов немыслимых преисподиен. Обернувшись неистовым

штормом ветер с первобытной яростью языческого бога сокрушал зелёные клети, и неиссякаемый поток листьев ранил мою кожу сотнями отравленных кинжалов. Травы полонили мои ноги, и я падал ниц под торжествующий хохот мертвящих цветов. Морось сменилась злобным ливнем, пронизавшим всю мою суть; и слёзы лились из моих глаз.

Ибо устами лика рекло само Время, и вторило ему Безвремение. Ибо Память и Забвение набросили мне на шею петлю, и с каждым моим шагом затягивали её всё сильнее. Ибо близка была осень, и всё меньше листья оставалось на ветвях.

Вечер упал на мои плечи, и ад следовал за ним. И боле не было мне надежды.

Кларк Аштон Смит

Лицо у реки

Clark Ashton Smith

The Face by the River

1930

Во время своего бегства через всю страну, страшась правовых последствий совершённого им деяния, Эдгар Силен начал испытывать отвращение к рекам и бояться женских лиц. Раньше ему никогда не приходило в голову, что в мире существует столь много рек, которые практически во всём похожи на Сакраменто. Он не смел и подумать, что нечто зловещее может таиться в ивовых и ольховых зарослях вдоль их берегов. Ныне, куда бы он ни шёл, волею какого-то злого случая Эдгар всякий раз оказывался в угасающем свете угрюмого заката у кромки обрамлённых деревьями быстротекущих вод, от которых тут же отшатывался со смесью вины, ужаса и отвращения. Кроме того, в лицах всех девушек, которых он встречал, проходя по улицам незнакомых городов и посёлков, ему виделось сходство с лицом мёртвой женщины. Покуда его взор был укрыт сладкой пеленою влюблённости, он не замечал, что внешность Элизы принадлежит к самому частому из встречающихся женских типов. Но теперь, когда его зрение в данном отношении обрело особенно болезненную остроту, Эдгар обнаружил, что аккуратный овал её лица с нетронутой румянцем бледностью, высокие, тонко очерченные брови над бездонными лилововатыми глазами, полные капризные губки и стройная, точёная фигура, казалось, встречались ему буквально на каждом шагу, в каждом поезде, в каждой проезжающей по улице машине, в магазине, в ресторане и гостинице.

Силен не испытывал ни малейших угрызений совести относительно своего поступка, по крайней мере, в обычном понимании этого слова. Единственное, о чём он действительно сожалел, так это о том потрясающем и

непоправимом моменте безрассудства, в которое с какой-то дьявольской неизбежностью позволил себе впасть.

Элиза была его стенографисткой; их близкие деловые отношения вскоре стали ещё более близкими и личными. Он даже какое-то время любил её, до тех пор, пока она не стала слишком требовательной, слишком необузданной в своих капризах.

Силен не был жестоким или хладнокровным, он никогда не помышлял о том, чтобы убить её. Даже когда он окончательно устал от неё, даже в ту последнюю прогулку в сумерках у реки, когда она с горькими, истерическими упрёками угрожала рассказать его жене об их романе, он не хотел причинять ей какой-либо вред. То, что он ощущал, было повергающей в смятение смесью осознания угрозы своему семейному благополучию и внезапного безумного желания заткнуть ей рот, чтобы только не слышать эти невыносимо выматывающие звуки её сварливого голоса.

Он почти не осознавал, как схватил её за горло, как душил её беспощадными пальцами. Всё это было совершенно чуждо его природе; и потому, когда Эдгар наконец понял, что делает, он отпустил горло девушки и оттолкнул её от себя. Всё, что он видел в тот момент — это её испуганное лицо, её шея с отчёtkиво различимыми следами его пальцев. Лицо было белым, словно привидение в сумерках и ужающее отчёtkивым во всех мельчайших подробностях. Он забыл, что они стояли на самом краю крутого берега, что именно в этом месте река очень глубока. Всё это он вспомнил, лишь когда до его слуха донёсся всплеск, сопровождавший её падение. И тут он с неистовым чувством ужаса вспомнил, что ни он, ни Элиза не умеют плавать.

Видимо, она потеряла сознание, ударившись о воду, поскольку сразу же скрылась в глубине и больше не появлялась на поверхности.

Вся эта картина осталась в памяти Сиlena совершенно туманной и сумбурной, кроме того последнего взгляда в её лицо на берегу. Он практически не помнил своего бегства из Калифорнии. Память вернулась к нему лишь тогда, когда на следующее утро, уже в соседнем штате, в его руки попала газета, в которой, под фотографиями Элизы и его самого, красовалась сенсационная статья с предполагаемыми обстоятельствами жуткого преступления. Страх, порождённый в нём текстом этой статьи, между строк которой, казалось, на него смотрели обвиняющие глаза огромного множества людей, навеки заклеймил его разум. С тех пор он всякий раз каким-то чудом избегал ареста. Как и большинству преступников, ему казалось, что весь мир занят только им одним и его преступлением. Он даже не представлял, что мир, поглощённый множеством других проблем и интересов, уже давно забыл о его существовании.

Эдгар был ошеломлён тем, какие последствия повлекло за собой произошедшее, разрывом, безвозвратно отделившим от него всю его прошлую жизнь со всеми теми, кого он знал ранее. Его процветающий бизнес, респектабельность, которой он добился в обществе, жена и двое детей — всё это было утеряно в ходе бегства от последствий того, что, как он вскоре убедил себя, было лишь несчастным случаем со смертельным исходом. Мысль о себе, как о беглеце от правосудия, грубом убийце в глазах всего мира, была чудной и совершенно помрачающей рассудок. Тем не менее, у него хватило ума, чтобы достаточно при-

лично замаскироваться и запутать следы, по которым, несомненно, уже шла полиция. Он купил с рук поноженную одежду, какую обычно носят простые работяги, а от своего опрятного, сшитого на заказ костюма избавился, оставив его ночью под грудой старых досок и опилок. Он отпустил бороду и купил себе очки в массивной роговой оправе. Эти простые меры преобразили его из зажиточного риэлтора в ничем не примечательного безработного плотника. Стараясь не выставлять напоказ свою скрытность, свой страх быть обнаруженным и пойманным, он напустил на себя суровый и грубый вид, замечательно подходивший к роли рабочего, раздражённого безработицей.

Недостатка в деньгах Силен не испытывал. Даже после довольно продолжительного периода относительной безопасности, ослабившей его страх быть задержанным, он не осмеливался подолгу задерживаться на одном месте. Странное болезненное беспокойство вынуждало его продолжать своё бегство. И на каждом новом месте, как ему казалось, всякий раз оказывалась река, чьи берега были заключены в объятья ив, которые напоминали о его поступке; и всегда появлялись женщины, напоминавшие ему Элизу. Один лишь взгляд на бегущий поток или на девушку, поразительно похожую хотя бы одной чертой лица или деталью одежды на Элизу — и он уже спешил к ближайшей железнодорожной станции. Он старался не думать об Элизе, иногда это даже удавалось; но любое случайное сходство неизменно оказывалось чрезмерным для его нервов. Окаянная частота, с которой ему встречались подобные сходства, сделалась одной из главных его забот. Он не мог расценивать её,

как часть естественного порядка вещей.

Часто, с призрачной внезапностью и неуместностью, перед его взором представляла Элиза — такой, какой она запомнилась ему в тот последний миг, когда её лицо мелькнуло в сумерках, с противовесственной бледностью и отчётиностью. И даже когда ему казалось, что он, наконец, позабыл её, на задворках сознания всё ещё присутствовало какое-то навязчивое беспокойство. Вместе с тем он почти физически ощущал, что не одинок, что нечто незримое сопровождает его всюду, куда бы он ни пошёл. Но поначалу он не связывал эти ощущения с Элизой, как не связывал с ней и самые первые свои зрительные галлюцинации, от которых в конечном итоге и пострадал.

Силен прекрасно осознавал свою возрастающую нервозность, и предпринимал отчаянные попытки совладать с ней. Вернее сказать, он понимал, что рано или поздно, это состояние приведёт его к безумию. Он пытался с помощью самовнушения прогнать иррациональные страхи и ощущения, преследовавшие его в скитаниях. Ему даже казалось, что он преуспевает в этом, что его одержимость навязчивыми идеями становится всё слабее.

Затем, одновременно с этим, он начал замечать, что с его глазами начало происходить что-то странное. Его беспокоил небольшой, расплывчатый образ, на самом краю поля зрения — образ, который он не мог ни уловить, ни определить, и который следовал за ним повсюду, оставаясь всё время в одном и том же положении. И даже когда он лежал без сна с открытыми глазами в темноте, этот образ продолжал оставаться види-

мым, как если бы он обладал бледным свечением. Силену пришло в голову, что очки, которые он носил, вредят его глазам, и он немедленно отказался от них; однако необъяснимый размытый образ никуда не исчез. По какой-то причине, помимо естественного страха перед заболеванием глаз, это его жутко тревожило. Но сейчас он уже не столь часто вспоминал об Элизе, да и страх перед реками и женщинами теперь был не столь выраженным.

В один из вечеров, в незнакомом городе, далеко от покинутого им штата, Силен вполне сознательно отправился на прогулку вдоль берега обрамлённой деревьями реки. Он хотел обрести внутренний покой, хотел ощутить в себе власть над терзавшими его ужасами прошлого.

Когда он приблизился к воде, вокруг ёщё стояли сумерки, чей обманчивый полусвет столь иллюзорно изменяет очертания и пропорции вещей. Внезапно Силен осознал, что странное пятно переместилось с периферии его поля зрения, и теперь находится прямо перед ним. Оно больше не было размытым — теперь оно обрело очертания человеческого лица в уменьшенной перспективе, как если бы находилось на каком-то неопределённом расстоянии от него. Однако каждая деталь этого лица была видна с противоестественной ясностью, и само оно было очерчено бледным мерцанием, резко контрастировавшим с тёмными водами реки. Это было лицо Элизы, в точности такое, каким Эдгар Силен видел его в последний раз...

Впоследствии Силен не мог вспомнить подробности своего бегства от призрака. Всяческое адекватное восприятие своих действий на какое-то время было погребено под первобыт-

ным потоком разрушающего рассудок ужаса. Когда он пришёл в себя, дрожащий, словно в приступе лихорадки, то обнаружил себя в тусклом освещённом вагоне для курящих в движущемся поезде. Он даже не мог вспомнить, куда следует поезд, пока не посмотрел на зажатый в руке билет. Он больше не видел лица Элизы; но размытое пятно так же, как и прежде, продолжало оставаться в поле его зрения, отступив с периферии.

В течение нескольких последующих дней этот образ становился более отчётливым лишь в недолгие часы сумерек. И всё это время он приближался от периферии поля зрения к его центру. Затем Силен стал видеть лицо в разные часы дня и даже ночью. Оно всегда было бледным и тускло светящимся, обособленным и бесцелесным, как изображение, проявляющееся на фотографической пластине. Но отчётливость его черт поражала своей неизменностью — даже в отдалённой перспективе, в которой образ пребывал на протяжении многих дней, он мог явственно видеть широко раскрытые, полные ужаса глаза, разомкнутые губы и отчётливые следы пальцев на белой шее. Лицо являлось ему на улицах, в поездах, в ресторанах и вестибюлях гостиниц; оно возникало между ним и лицами людей, мимо которых он проходил; в листьях деревьев, среди лиц актёров пьес и фильмов, на которые он ходил в надежде хоть ненадолго забыться и отвлечься. Но поначалу преследование не было постоянным; лицо появлялось и исчезало с непредсказуемой периодичностью, всякий раз оставляя Сиlena во власти парализующего ужаса, который, однако, успевал немного развеяться до следующего появления призрака.

Силен никогда не верил в сверхъестественное. Но ему не так уж много было известно о болезнях разума и присущих им галлюцинациям. Его страх перед мёртвой женщиной возрос вдвойне из-за страха перед безумием. Эдгар ощущал, что, вне всяких сомнений он уже вступил на тропу, ведущую к одному из видов безумия. Поначалу, в промежутках между паническими атаками, он пытался справлять с собой. Он даже отправился в публичную библиотеку, с мыслью проштудировать несколько медицинских книг, посвящённых различным патологиям сознания. Однако это был первый и последний его визит в библиотеку — ибо, в то время, пока он скользил взглядом по странице одной из книг, буквы начали внезапно расплываться и исчезать, и ему почудилось, что взгляд его, проникая сквозь них, устремляется в наполненную тенями бездну, в которой плавало лицо Элизы.

С тех пор явления лица стали всё более частыми с каждым днём, пока не настал тот час, когда он стал видеть его постоянно. Некоторое время он пробовал напиваться; употреблял наркотики и транквилизаторы — но призрак не оставлял его даже в самом глубоком бреду опьянения. Тогда его разум подчинился страху, который был выше его разумения; и отныне его постоянными спутниками стали дьявольские фантазмы и суеверные ужасы. Видение больше не было обычной галлюцинацией, оно вернулось из потайённых царств мёртвых, из бездны за пределами смертного восприятия, чтобы сковать его кровь и разум ледяными оковами кошмарных намёков на то, что скрыто в глубинах смерти. Похоже, что его разум уже окончательно сдался, ибо вскоре Силен поте-

рял свой страх перед безумием, растворившийся во всеобъемлющем и намного более ужасном страхе перед мёртвой женщиной и неведомым миром, в который он низверг её своими преступными руками. Он потерял голову, всецело поглощённый своими видениями; он сталкивался с людьми на улице и часто выскакивал под колёса проезжающих машин. Но каким-то чудесным образом, подобно сомнамбуле, он всякий раз избегал горькой участи, не подозревая ни об опасностях, которым подвергался, ни о спасении от них.

Теперь лицо было совсем рядом. Элиза сидела напротив него за каждым столиком, двигалась перед ним по тротуарам, каждую ночь стояла в изножье его кровати. Лик её всегда был неизменным, с широко раскрытыми глазами и губами, застывшими в попытке наполнить грудь воздухом. Силен больше не осознавал, что он делает и куда идёт. Какая-то автоматически функционирующая часть его мозга взяла на себя управление каждодневными движениями и действиями его жизни. Сам же он был всецело одержим образом Элизы, пребывая в своеобразной ментальной каталепсии. Словно во власти какого-то жуткого гипноза, целыми днями под ясным солнцем, под дождливым небом или в тёмных комнатах он наблюдал за картинами своих видений — даже ночью, при свете лампы или в полной темноте. Он почти не спал, и в недолгие моменты забвения Элиза парила над ним, в видениях его грёз. В основном это происходило ночью, во время ложных пробуждений, когда ему удавалось постичь бездну, которая лежала позади неё и под её лицом — бездну, в которую, медленно погружались провожаемые его взором блёк-

лые ужасающие формы, подобные трупам и скелетам, которые бесконечно падали и расточались в непостижимом мраке. Но само лицо никогда не погружалось в бездну.

Он потерял всякое представление о времени. Силен вновь и вновь переживал то мгновение, когда он в последний раз видел Элизу, зрительный образ которой оказался увековечен в несуществующей вечности. Он ничего не знал ни о городах, через которые шёл, ни о своём маршруте, который привёл его в один из вечеров назад в тот город и к той реке, где всё произошло. Он знал лишь, что лицо ведёт его куда-то, к финалу, который его парализованный разум не мог даже вообразить.

Невидящим взором он смотрел на лицо. Здесь, в сумерках, под безучастными ивами, рядом с неизвестными им водами Сакраменто, оно было ещё ближе к нему, чем раньше. До призрачной шеи можно было дотянуться рукой — как и в тот раз, когда он разомкнул свои сжатые на живой шее Элизы пальцы и низверг её в сокрытые угрюмыми сумерками воды много месяцев назад.

Силен не замечал, что стоит на самом краю берегового обрыва. Он видел лишь черты Элизы, знал, что её горло вновь находилось в пределах досягаемости его пальцев. Это был безумный импульс неистового ужаса, абсолютного отчаяния, заставившего его вцепиться в белый призрак, с его неизменными глазами и ртом, и мертвенно-синющими, неизменными отметинами ниже подбородка...

Он всё ещё видел лицо, когда погружался в глубины вод. Казалось, он скользил по неизмеримой бездне, в которой человеческие кости и трупы медленно погружались во тьму,

похожую на расплывающийся в вечности мир со всеми своими прошедшими годами и эпохами. Лицо было совсем рядом с ним, пока он погружался в пучину... затем оно начало удаляться и уменьшаться... а затем, внезапно, он навсегда перестал что-либо видеть.

Ит Мейчен да Вандермеера: химерический пейзаж как воплощение Зла

Что бы вы ощутили, если бы ваша кошка или собака вдруг заговорили с вами на человеческом языке? Вы были бы охвачены неподдельным ужасом. Ручаюсь об этом. И если бы розы в вашем саду вдруг запели неземными голосами, вы бы просто съехали с катушек. И если бы камни на дороге вдруг стали пухнуть и расти на ваших глазах, если бы галька, виденная вами прошлой ночью, распустила бы каменные цветки поутру? Есть что-то глубоко «неестественное» в Грехе, в истинном Зле.

Артур Мейчен, «Белые люди»¹

Мейчен и вторжение химерного

Ха! Химерное в качестве литературы, химерное в качестве жанра и химерное в качестве... самого себя. Были времена, когда подобные различия вовсе не были столь уж значимы, а литература была в известной мере пластична, чтобы охватывать протожанровые экспансии, с помощью которых фэнтези и вирд фикшн (*химерная проза*) нельзя было явственно отличить от того же майнстрима. Это было тогда, есть это и сейчас. Тогда мы относим к работам Мейчена, сейчас — к работам Вандермеера, и недавний обзор в журнале «Нью-Йоркер» его романа «Борн» намекает на значительное акцептирование категории «weird» в литературу, акцептирование, которое возвращает нас к ситуации, имевшей место более столетия тому назад. Между тем, мы имеем упрощение литературы, при котором жанровые характеристики постепенно становятся определяющими рынок маркетинговыми пунктами, но где концепт химерной литературы повторяет и заново изобретает сам себя, спустя целое столетие возвращаясь к исходной точке, откуда сей

жанр черпает новую жизнь и получает важное значение в мире, в котором мы с вами сейчас живём.

Цитата из Мейчена, которой я инициировал данное эссе, на мой взгляд, одна из самых памятных и, одновременно, самых определяющих жанр, какие я когда-либо встречал. Впервые я открыл для себя Мейчена через сборник 1948 года, «Истории Ужаса и Сверхъестественного», который подарил мне отец, когда я учился в старших классах. «Эти истории довольно-таки причудливые», — сказал он тогда. — «Полагаю, тебе они придутся по вкусу». Я до сих пор не знаю, где он раскопал этот старинный том в твёрдом переплёте, но он был совершенно прав относительно моей реакции. Чувства, которые зародили во мне данная цитата и обрамляющая её история, оказались неотъемлемой частью того упоения, завладевшего мной при чтении этой химерной прозы. Я по-прежнему владею как сокровищем этим сборником Мейчена, вместе с другими изданиями его авторства, которые я заполучил спустя годы.

Цитата взята из удивительного короткого рассказа Мейчена «Белые люди», который начинается с философской, но от того не менее захватывающей дискуссии о природе Греха и Зла. Именно в ней Мэчен совершил поразительное шествие вокруг трясины моральности с её туманными и плохо стыкующимися между собой определениями. Мэчен перенёс концепцию Зла с человеческой природы прямиком на природу окружающую. Религии зачастую фокусируются на кри-

¹ Цитаты из произведений Мейчена «Белые люди» и «Великий бог Пан» даны в переводе И. Бузлова.

минальных поступках, таких как воровство, убийство и прелюбодеяние, однако это не есть истинное зло в силу того, что эти самые деяния, пускай и негативные, проис текают из чисто человеческих погрешностей. На самом же деле, «есть нечто глубоко «противоестественное» в Греховности, во Зле». Это утверждение, вместе с приведёнными далее примерами, заключает в себе многое из того, что я нахожу крайне привлекательным в химерной литературе. Здесь я исследую концепцию пейзажа относительно его связи с химерным и, согласно описанию Мейченена, со Злом.

Я ценю мейченовскую философию химерности и её отношение ко злу, так как эти категории не подчиняются ни религии, ни моральности. Согласно Мейчену, Зло может быть расценено как интоксикация, как инфекция, раскрывающаяся через изменения в пейзаже, через признание того, что окружающая нас среда, сообразно нашему опыту, «противоестественна»: перед нами химерный пейзаж. В концепцию пейзажа, с моей точки зрения, входит животное, растительное и минеральное царства, то есть всё то, что мы ощущаем как нашу общепринятую реальность, рутинные встречи, основанные на ежедневном утреннем поднятии по будильнику и дневных заботах.

Даже с учётом отсутствия связи с религией, согласно мейченовской же концепции, в его двух наиболее известных работах — «Великий бог Пан» и «Белые люди» — вторжение зла возникает из несовместимости ранних языческих религий и современного автору христианства. Это не следует интерпретировать в том смысле, что подобные прежние религии изначально злы; скорее надо понимать, что

они не совместимы с современным миром. Эта несовместимость имеет тот же эффект, что и отравление с потенциально летальным результатом. Зло восстаёт во всей красе прямиком из этой несходности и частично раскрывается через эффекты внешней среды.

«Великий бог Пан», впервые опубликованная в 1890 году, вероятно, наиболее влиятельная из историй Мэченена. Ключевой аспект в ней — чувство ужаса, или же благоговения¹, выраженного в той мысли, что взгляд в лицо бога равнозначен безумию. В первой главе этой повести противопоставляются друг другу два пейзажа: «Ты видишь меня стоящим здесь рядом с собой и слышишь мой голос; но я говорю тебе, что все эти вещи — да, от звёзды, что только что зажглась в небе, до твёрдой почвы под нашими ногами — я говорю, что всё это не более чем грёзы и тени; тени, что скрывают реальный мир от наших глаз». Есть два мира, первый из них мы воспринимаем органами чувств и полагаем реальным, но есть ещё другой, практически платонический по своей природе.

Но для того, чтобы ощутить этот другой, химерный мир, нужно заплатить дорогую цену, как узнаёт на собственном опыте добровольная подопытная Мэри. Она становится «безнадёжной идиоткой. Тут ей нечем помочь; в конце концов, она же видела Великого бога Пана». Дальнейший сюжет комбинирует элементы детективного жанра и литературного декаданса, в котором гибрид, рождённый этой нечестивой ночью, приносит гибель всем, кого встречает на своём пути. Элементы порченого пейзажа

¹ В оригинале: игра слов awful и awe-full (прим. пер.)

включают дом, имеющий «исключительно неприглядное обличье из всех, какие когда-либо доводилось ему встречать», вино, «примерно тысячелетней выдержки», и человеческое тело, которое трансформируется и начинает «таять и растворяться» прямо на глазах.

В «Белых людях», завершённых в 1899 и опубликованных только лишь в 1904, нет чётко выраженного антагониста, что отличает рассказ от большинства образчиков жанра. Тут даже не одно божество, но скорее само язычество как целостность и связанные с ним церемонии призыва сил тьмы, заканчивающиеся катастрофой для девушки-протагониста. Её находят мёртвой близ статуи древнего идола, но не ранее, чем она узнаёт и встречается с различными аспектами химерности, хотя, в своей невинности, и не может распознать их как таковые.

Среди её самых ранних воспоминаний — белые лица, белые люди, что отличаются от нормальных в этом их запоминающемся аспекте. Но истинное пришествие химерности случается после того, как она обнаруживает странную местность, идя вдоль ручья, продираясь сквозь кусты, низко нависающие сучья и колючие заросли, карабкаясь вдоль тёмного туннеля, чтобы в итоге оказаться на холме, похожем на «другой мир, которого никто не видал и не слыхал прежде». В этом странствии девушке попадаются валуны, имеющие вид «ужасных зверей, высывающих языки, а другие были такими, что и слов нет, чтобы их описать». Камни скачут вокруг и танцуют, и она понимает их пляски и вступает в них, а её изначальный ужас оборачивается очарованием и наслаждением.

Её гибель подчёркивается простыми, но глубокими словами: «Она отра-

вила себя — во времени». Древние языческие божества вырвались из своего времени, будучи приглашены в наше; они и оказались тем несовместимым злом, поразившим шестнадцатилетнюю полновозрелую девушку, которое в итоге и погубило её. Любопытно, что чувство искажённого времени — приём, много раз повторяющийся в последующих химерных пейзажах.

«Белые люди» охватывают целый ряд идей, затрагивающих химерный пейзаж:

1. Чувство противопоставления к «нормальному» окружению, так что часто мы имеем чистую инверсию, возникающую при переходе от одного к другому;
2. Чувство неестественности, когда нереальное становится реальным;
3. Временное размыкание, возникающее в силу того, что поток времени более не ограничен;
4. Связь с концепциями зла (иногда, хотя и не всегда, с религиозными коннотациями), выраженная в идее, что пейзаж может инфицировать или отравить наш мир;
5. Инфицированность нашего мира может иметь вредоносный эффект на людей, что является, пожалуй, наиболее пугающим и нездоровым аспектом.

Далее я исследую этот концепт химерного пейзажа в свете данных идей и того, как они транслируются сквозь время в другие образцы жанра. Путём этой экспедиции в дебри химерности я должен буду подбирать и отбирать необходимые образцы, тем самым освещая центральные труды, являющиеся также частью моего персонального пантеона (намеренный каламбур автора), большей частью старинные вешички, открытые мною в годы юно-

сти, когда я уже созрел для исследования странных континентов, скрытых в этих историях. Подобное развлечение отнюдь не из числа изматывающих занятий, и я далёк от того, чтобы утверждать, что вся химерная проза должна включать в себя подобные концепты. Равным образом я не подразумеваю, что любая специфическая работа в данном жанре непременно вдохновлена этими классическими экземплярами, хотя многие из поздних авторов прямо воздают почести предшественникам — просто дело в том, что эти формы химерного пейзажа возникают раз за разом с такой частотой, что их можно расценивать как эмблематические структуры. Каждый автор привнёс свою собственную уникальную перспективу в пейзажную химеричность, и я подчеркну эти отличительные аспекты их работ. Я закончу эссе перспективой того, как использование химерного пейзажа прошло сквозь года и было заново открыто, начиная с тех ранних образцов до сегодняшнего дня. Аминь.

Химеричность Равнины и Ямы в «Доме в Порубежье» Ходжсона

«Дом в Порубежье» Уильяма Хоупа Ходжсона, впервые опубликованный в 1908 году, поначалу заставляет читателя думать, что перед ним классическая готическая история с главным героем, получившим в своё владение опасно нависающий над пропастью дом с круто-бокими башнями и витыми шпилями. В дальнейшем это впечатление только усиливается за счёт описания того, как после полуночи, до наступления утра двадцать первого января, неведомое проявляет себя внезапным трепетом горящих свечей, вспыхнувших «призрачным зеленоватым светом». Пёс мужчины пытается забиться под его

халат и испуганно скулит. Но за этим следует отнюдь не традиционный готический ужас, а воистину химерный.

Источник света, который видит рассказчик, находится не в его кабинете, а исходит из-за его стен, которые, казалось, растаяли. За ними расстилается чуждый этому миру пейзаж, и чем внимательнее вглядывается в него главный герой, тем более чуждым он становится. Вместе с ним мы пересекаем границу реального мира и вступаем на химерную территорию. Она совершенно чужда этому миру, поскольку Равнина, как именует её рассказчик, освещена багровым светом кольца тёмно-красного пламени, внутри которого чернота — солнцем ночи. Следует упомянуть и гигантский Дом, отличающийся от дома главного героя лишь цветом и размерами: «колossalное сооружение, словно бы вырезанное из зелёного нефрита». Появление этого Дома делает извращённый образ пейзажа ещё более чужеродным отражением нашего мира, сюрреалистическим и невероятно огромным. Между двумя мирами существует связь, но она не подвластна влиянию ни одного из известных нам законов природы.

Подобно Мейчену, Ходжсон вводит в повествование богов для усиления эффекта химерности пейзажа. В ходе своего странствия через Равнину рассказчик понимает, что «чудища вокруг были сотни. Они словно вырастали из теней. Нескольких я узнал — божества из знакомых мне мифов, — очертания других были непостижимы для человеческого разума». Последнее утверждение имеет большое значение, поскольку Ходжсон является нам не только известных языческих богов, но и богов неведомых. В частности, он

¹ Цитаты из романа Ходжсона «Дом в Порубежье» даны в переводе Ю. Р. Соколова.

описывает Зверобога, гигантскую свиноподобную тварь, сочетающую в себе черты животного и человека. Мы видим введение в повествование богоподобного существа, которого нет ни в одной из известных религий — но которое является злейшим врагом смертного рода.

После этого происходит вторжение химерного в наш мир — поначалу за стенами дома, но с каждым разом всё глубже проникающего в его относительную нормальность. На сцену выходят свинорылы, малые отражения Зверобога. К ужасу рассказчика, хотя их облик и подобен свиньям, они демонстрируют неожиданный интеллект. Их ужасающее хрюканье — своеобразная осмысленная речь, зловещий намёк на то, что домашние животные приняли на себя роль человека, или что люди переродились в нечто звероподобное. «Свинорылы пребывали за пределами всего человеческого — и отнюдь не в хорошем смысле: в них воплощалось нечто злое и враждебное ко всему доброму и хорошему, что есть в человеке». Мейчен в своей повести «Великий бог Пан» описал потомство женщины и божества; оно сверхъестественно красиво, но всё ещё подобно человеку. В повести же Ходжсона мы становимся свидетелями извращённого зла, в котором и внешние, и внутренние признаки вырождены и химеричны.

Волею Ходжсона, в его химерический пейзаж вторгается время. Ужасающие космические пейзажи, через которые проносится рассказчик, из-за ускоренного бега времени практически мгновенно исчезают. Здесь мы находим много общего с описанным Гербертом Уэллсом в «Машине времени» путешествием в далёкое будущее. Но у Ходжсона отсутствует какое-либо чу-

до-изобретение, и рассказчик против своей воли брошен вперёд, в истлевавшее будущее, в котором солнце всё быстрее и быстрее пересекает небо, постепенно угасая мрачным багрянцем. Параллели с «Машиной времени» Уэллса на этом не кончаются; так, свинорылы, выходящие из своих тёмных пещер, из Ямы, соотносятся с выродившимися подземными обитателями морлоками (а также напоминают гибриды животных и людей из его же «Острова доктора Моро»). «Порубежье» Ходжсона не ограничивается ни пространством, ни временем, и в этом неотъемлемая часть его химеричности.

Лавкрафт и химерное извне

Лавкрафт перемещает концепцию Зла в наглядную научно-фантастическую сферу. В произведениях, входящих в цикл Мифов Ктулху, он утверждает о том, что существуют некие чудовища со звёзд, создания такой великой силы, что их легко можно принять за богов. И действительно, эти монстры стремятся примирить на себя личины божеств; как пишет Лавкрафт, «Они сами пришли со звёзд и принесли с собой свои изображения». Эти ложные идолы становятся объектом поклонения восприимчивых людей. Хотя Лавкрафта принято считать агностиком или даже атеистом, идеология его произведений согласуется с христианской и отображает в себе суть борьбы добра и зла. Химерное, с различной целью вводимое в повествование, является отражением зла, и Лавкрафт часто использует слово «зло» в своих произведениях.

Хотя идея о химеричном пейзаже

¹ Цитаты из рассказа Лавкрафта «Зов Ктулху» даны в переводе П. Лебедева и Л. Кузнецовой.

возникла явно раньше апокрифов Лавкрафта, в нашем сознании использование этого лейтмотива связано именно с ним; возможно, это происходит из-за многократно повторяющегося в его произведениях ключевого слова: «неевклидовая геометрия». Это словосочетание стало своего рода лавкрафтианским клише, и встречается в таких произведениях, как «Зов Ктулху», «Хребты безумия», «Сны в ведьмином доме», «Ловушка». Лавкрафт разъясняет сущность этих двух слов в своих описаниях химерных ландшафтов, служащих ареной для вторжения чудовищ извне. Например, когда матросы исследуют вздымающуюся над волнами цитадель Ктулху — Р'льех, они обнаруживают, что «все правила движения материи и законы перспективы казались нарушенными»; а позже, в своём стремительном бегстве от пробудившегося чудовища, одного из матросов, который оступился, «тут же втянул в себя угол каменной цитадели, которого мгновение назад здесь не было и не должно было быть, — и угол этот был острым, хотя и обнаружил вдруг свойства тупого».

Но величайший из воплощённых Лавкрафтом химерных пейзажей мы можем увидеть в «Цвете из иных миров» (1927), который многие, включая и меня, находят лучшим рассказом писателя. В этом произведении Лавкрафт избегает подробных и красочных описаний монстра, концентрируясь вместо этого на проявлениях его воздействий на окружающую среду, результатом коих является одно из самых сильных описаний пейзажа, постепенно переходящего из нашего мира в химерный. Действительно, рассказ практически полностью посвящён описанию процесса этого перехода, наглядно демонстрируя, как

обычная территория может стать «окаянной пустошью»¹.

Как и во многих историях, включающих в себя химерные пейзажи, существует разделение нормальной территории и химерной; химерная носит имя «окаянной пустоши» и сосредоточена в окрестностях фермы, извращённых воздействием метеорита. Метеорит — непосредственная причина всех бед, проявляющий необычные для метеоритов свойства, уменьшающийся в размерах, хотя «камни не уменьшаются». И лишь позже мы понимаем, что вместе с метеоритом на землю прибыла некая чужеродная сила; это «существо» значительно более чужеродно, чем любое чудовище Мифов Ктулху — ведь оно, судя по всему, представляет собой газ, или, если быть точнее, «цвет», питающийся жизненной силой флоры и фауны.

Единственная роль персонажей истории — это роль активных, либо пассивных вестников преобразования пейзажа. Поначалу фермер и его семья приятно удивлены эффектом, который метеорит произвёл на их урожай, ведь «плоды выросли на удивление крупными и наливными». Но вскоре их посещает разочарование, когда обнаруживается, что «во всем этом красочном великолепии не нашлось ни одного съедобного плода». Негативное влияние метеорита распространилось дальше изменения вкусовых качеств плодов, поскольку теперь вся растительность вокруг становится «больного, лихорадочного оттенка, неизвестного на земле. «Голландские брыжжи» источали угрозу, а в разросшихся кровянках угадывалось что-то вызывающее и порочное». Вскоре происходит последнее фаталь-

¹ Цитаты из рассказа Лавкрафта «Цвет из иных миров» даны в переводе Е. Любимовой.

ное преображение растений: они се-реют, становятся ломкими и превращаются в пепел.

Воздействие метеорита на растения ужасно и химерично; но он оказывает влияние и на животных. Поначалу, из-за непонятных следов на снегу, это влияние лишь предполагается — но подстреленный сурок, со странным выражением на морде и изменёнными пропорциями, полностью подтверждает это предположение. И, наконец, мы становимся свидетелями абсолютного ужаса, происходящего с людьми, подвергнутыми тому же химерическому процессу, что растения и животные; совершенно безумному процессу, проходящему по те же стадиям, что и в остальных составляющих пейзажа: «К июлю она разучилась говорить и стала ползать на четвереньках, а на исходе месяца муж заметил, что в темноте от неё исходит свечение». Исход для человека, как ранее для растений и животных, предрешён: «Он сделался пепельно-серым, а от хрупкого тела на ходу отлетали усохшие части». Мы видим людей, ставших столь же химерными, как флора и фауна вокруг них; осозаемость и неотвратимость этого ещё более ужасна, чем противоестественная связь между человеком и «иными», которая прослеживается у Мейчена и Ходжсона.

Ж. Л. Мур и химерическая сексуальность в «Поцелуе чёрного бога»

 рассказ Кэтрин Люсиль Мур «Поцелуй чёрного бога» был опубликован в октябрьском выпуске *Weird Tales* за 1934 год — чуть менее чем через два года после того, как увидела свет первая определяющая жанр «мечта и магии» история Роберта И. Говарда о Конане. Мур стала любимицей поклонников этого жанра, и, благодаря своему персонажу

Джирел из Джойри, главной героине рассказа, она нашла себя в нём, помещая в дальнейших своих произведениях Джирел в центр повествования. Истории о Джирел имеют местом действия средневековую Францию — в отличие от историй Говарда о Конане, разворачивающихся в мифической Хайборийской эре, — и это позволяет вымыслу проникнуть в плоть реального мира, создав химерические пейзажи, источающие зло. По факту, «Поцелуй чёрного бога» посвящён именно погружению в химерическое и пересечению его территорий.

Странствие Джирел происходит по причине сексуального домогательства, случившегося после её плена Гийомом-завоевателем. Он срывает с неё шлем и оказывается поражён тем, что под ним скрывается рыжеволосая дева. Узнав о том, кто перед ним, он целует её, хотя это и «то же самое, что целовать лезвие меча»¹. Разворачивающее действие рассказа в ином месте и времени, он бы наверняка содержал более существенное сексуальное домогательство, но восемьдесят лет назад и этого было вполне достаточно, чтобы говорить о покушении на честь. Пленённая Джирел не может ни забыть, ни простить этого, поскольку «вкус его губ, казалось, навечно пропитал губы Джирел, а на плечах она по-прежнему ощущала тяжесть его рук». Она готова отправиться в бездну «глубже, чем глубины преисподней», дабы отыскать там нечестивое оружие, которым она сможет свершить свою месть.

Почти сразу же мы сталкиваемся с причудливой геометрией. Джирел разбирает кладку, открывая туннель, который уходит по спирали вниз, как если бы им пользовалась какая-то гигантская змея. «Сpirаль коридора

¹ Цитаты из рассказа Мур «Поцелуй чёрного бога» даны в переводе Е. Любимовой.

была не простой земной спиралью. Амазонка не была знатоком геометрии, но интуитивно чувствовала, что эти изгибы отличались от любой кривой, которую можно воспроизвести на Земле. Туннель вел в неведомую темноту, и девушка, не в силах сформулировать это в словах, все же догадывалась, что тьма скрывает нечто иное, незнакомое — какое-то многомерное пространство, не только скрытое толщей земли, но, как знать, может быть, и временем».

Судя по этому описанию, можно предположить, что Мур отдаёт дань уважения «неевклидовой геометрии» Лавкрафта; но это не так. Она не была знакома с «Зовом Ктулху» вплоть до 1935 года, когда, после публикации «Поцелуя чёрного бога», Лавкрафт начал с ней переписку и выслал ей две стопки своих рассказов. В своём письме от 27 мая она отвечает ГФЛ так: «Вы действительно ошеломили меня и заставили содрогнуться от описания геометрии города Ктулху». Это описание напомнило ей кошмарные сны, которые в детстве часто посещали её, поскольку она была очень болезненным ребёнком. Примечательно то, как она описывает эти сны: «Ничто из происходившего невозможно было описать с позиции чего-то осязаемого, потому что воспринимала я всё это без помощи каких-либо чувств. Там был беспросветный сумрак, но он был непостижим моему окутанному сумраком разуму; и ничто не имело размеров, однако всё источало внушающее ужас величие вне пределов каких-либо измерений. Поверхность под ногами была зыбка — но не оттого, что то, что попирали мои ноги, было зыбким: зыбким было абсолютно всё, что воссоздал мой больной разум».

Химерический пейзаж, воплощённый Мур в «Поцелуе чёрного бога», во многом вдохновлён этими детскими снами. Рассказ, в основном, строится на странствии по чужой этому миру территории, и это причудливое странствие во многом определяет притягательность истории для читателя. Сны неоднократно упоминаются при описании пейзажа и её сверхъестественной способности перемещаться по этому миру. Сам мир неравномерен, наполнен вязкими болотами, странными и падающими звёздами; в нём присутствуют башня, подобная бьющему из-под земли фонтану и состоящая из затвердевшего света, и чёрное озеро, рябь на котором «двигалась совсем не так, как на земной воде». Есть там и странная жизнь: слепые снежно-белые лошади, зубастые бледные твари и даже двойник самой Джирел.

Отдельного упоминания заслуживают два ключевых элемента этого странствия. Во-первых, чтобы вступить на химерную территорию, Джирел должна снять с себя распятие, которое она носит; отбросить прочь этот символ христианства, дабы получить доступ к нехристианскому миру. А во-вторых, предметом её поисков, не раскрываемым вплоть до их окончания, является носитель смертоносного яда. Кульминационная встреча с ним происходит в декорациях всё той же причудливой геометрии, которую мы наблюдали в начале истории. Джирел входит в храм, в котором её ожидает получеловеческая статуя с одним глазом и вытянутыми в её сторону губами, приготовленными для поцелуя. «Даже звёздный свет, проникавший в храм между колоннами, фокусировался на статуе. Мост с берега озера подводил к храму так, что путник немед-

ленно попадал под это магнитическое притяжение статуи в центре зала — чёрного идола с вытянутыми навстречу пришельцу губами». Поцелуй чёрной статуи подобен яду, и этот яд она теперь несёт в себе; сам поцелуй носит аспект преображения, поскольку «она постаралась убежать сама от себя, обогнать своё тело, отяжелённое теперь неизъяснимой тоской и ужасом». Теперь она несёт в себе химерический яд, она подобна сосуду, готовому излить своё содержимое на объект своей ненависти, Гийома-завоевателя, обеспечившего её.

Шаргарет Сент-Клер и Химеричное «Дитя Пустоты»

 Шаргарет Сент-Клер не так давно получила заслуженно высокую критическую оценку своих сочинений. Она начала публиковаться в 1940-ых, имея в загашнике порядка сотни коротких историй, но лишь в 1985 году, когда ей было уже за семьдесят, вышло собрание её лучших рассказов. А ныне, спустя ещё тридцать лет, её работы вошли в крупные антологии химерной прозы и научной фантастики. Всё так, как оно и должно было быть. Даже на техническом уровне Мэри Сент-Клер — одна из лучших авторов, издававшихся в палповых журналах. Более того, что в дозвесок весьма необычно для н/ф литературы того периода, её истории за действуют кажущиеся будничными осведомлённость и желание исследовать темы сексуальности, а её способность делать это в палповых журналах, без сомнения, сопровождалась тем юмором, которым она часто сдабривала свои истории.

«Дитя Пустоты» (1949) разделяет некоторые сюжетные элементы и структуру с лавкрафтовским «Цветом из иных миров», хотя я и не обнару-

жил никаких подтверждений влияния на неё ГФЛ. Подобно более ранней истории, у нас есть инопланетное вторжение, имеющее место на ферме. Чужие не имеют какой-либо ощутимой формы, они «вроде электричества или радио», и ещё они питаются энергией, включая энергию живых существ. Они нуждаются в ней потому, что заперты на нашей планете в своём «яйце», и им требуется энергия для перемещения домой в параллельное измерение. Ключевое отличие от истории ГФЛ в том, что здесь всё рассказывается от лица членов семьи, в частности, от одного из двух сыновей.

Семья отправляется на проживание в Хидден-Волли и, тремя параграфами ниже, мы узнаём, что там что-то нечисто. По словам сына-рассказчика: «Это было такое место, про которое вы читаете заметки в воскресном приложении — место, где вода в реке течёт вверх на холм, а добрую половину времени законы гравитации дают сбой; место, где иной раз резиновый шарик будет весить три или четыре пуда... И вам никогда нельзя полагаться на вещи, которые принято считать нормальными и правильными». Таким образом, у нас появляется идея выпячивания на первый план ненатуральности окружающей среды, что служит сигналом того, что семья вступает на химерную территорию, и одновременно обнаруживается тайна, скрывающая нечто, что нарушает естественный порядок. Стоит пришельцам явить себя, как становится очевидно, что их присутствие пагубно для семьи. Как объясняет младший брат рассказчика: «Они не способны перестать пакостить нам. Это что-то, что они выделяют в воздух, просто

¹ Здесь и далее: цитаты из произведений даны в переводе И. Бузлова.

будуши живыми. Они способны это приостановить, только если очень поднатужатся. Но это то, что они есть. Навроде ядовитого дуба или гремучей змеи». Существа в яйце не представляют собой сознательное зло, они только лишь производят «вибрацию, враждебную для человеческой жизни».

Выбор Сент-Клер формы повествования с позиции человека, непосредственно затронутого инопланетным «вторжением», позволяет ей сделать значительную эмфазу на характеристики чужих, а также на том, как те ментально контролируют семью. Этот приём заметно контрастирует с лавкрафтovским «Цветом», где также предполагается, что пришелец мог ментально управлять фермером и его семьёй, но точка зрения внешнего наблюдателя помещает эту вероятность в область гипотез. В произведении Сент-Клер ментальная схватка выведена на передний план. Наиболее приметная особенность, отмечающая странность Хидден-Волли — это эмоциональная аффектированность членов семейства, проявившаяся сразу после прибытия туда. Все они испытывают внезапно накатывающую ужасную депрессию; эти захватывающие эмоции, в свой черёд, указывают на некие внешние факторы, влияющие на умы членов семьи. Вариации сил, которыми владеют пришельцы, в частности, формы ментальной манипуляции, становятся всё более очевидны по мере прогрессирования сюжета.

Интересным аспектом рассказа является то, как мало, на самом деле, описан химерический пейзаж. Начальное описание в сумме трёх абзацев излагается перед тем, как рассказчик со своей семьёй переезжают в Хэппи-Вэлли, и основывается на воспомина-

ниях сына о том, как он навещал там в детстве своего дядю. Вот семья кидает якорь в Хидден-Волли, и тут же появляется специфическая отсылка к щедротам фермы («молоко так жирно, что его с трудом можно пить»), даже пусть другие местные жители и не имеют таких даров. Мы также узнаём, что по какой-то неустановленной причине любительская радиосвязь рассказчика не работает. Ключом к этому незримому аспекту истории является первоначальная депрессия семьи, так как позже, после нарастания этой душевной хандры, сын говорит: «Забавные существа в Хидден-Волли прекратили беспокоить нас». Так что мы знаем, что нечто должно было произойти, но нам не дали к этому допуска, отчасти потому, что рассказчик более не замечает этого, или же попросту не заинтересован. Это — одно из уравновешивающих действий, которые Сент-Клер совершает в рассказе. Она использует неблагонадёжного рассказчика, не вполне дружащего с головой, не способного проанализировать всё то, что происходит с его семьёй, но всё же имеющего достаточно межличностного общения, чтобы мы могли понять, что же там происходит. Как итог, в целом оптимистичный финал несёт в себе глубинные слои хоррора, ибо мы знаем, что рассказчик, инфицированный пришельцем, отныне не контролирует свои эмоции.

Химерические Цвета «Просветлённого» («Хрустального мира») Балларда

ридцать с лишним лет отделяют «Цвет из иных миров» Лавкрафта от короткого рассказа Дж. Г. Балларда «Просветлённый», опубликованного в 1964 году и расширенного в полноценный роман «Хрустальный Мир» двумя годами позже. Те годы служат наглядным

примером возрастающего разделения между самим жанром и литературными штудиями, происходившего в тот промежуток времени. Однако, хотя прозу Балларда ныне часто классифицируют как трансцендентный жанр, я нахожу весьма неверным представление о том, что указанные изыскания Балларда в химерной прозе имели бы место без чтения, анализа и омолаживания им лавкрафтовской истории изнутри его собственных, более модернистских этосов.

Рассказ и роман Балларда, пусть и берущие начало в разных локациях, начинаются одними и теми же трансцендентными строками: «Днём фантастические пернатые парят сквозь окаменелые леса, и самоцветные крокодилы сияют будто геральдические саламандры на берегах кристаллических рек. Ночью же просветлённый человек несётся среди деревьев, его руки подобны золотым колёсам, его голова подобна спектральной короне...» Но для нас в первую очередь важно, как Баллард переходит от рассказа к роману. Рассказ повествует о научной экспедиции, имеющей цель раскрыть правду о таинственном процессе кристаллизации, протекающем во Флориде. В романе, действие которого происходит уже в тропических дебрях республики Камерун, фокус внимания смещается с химерного пейзажа и объяснения его происхождения. Вместо этого, в романе исследуются отношения между Грэхемом Грином и связанной с ним группой персонажей, и то, как они взаимодействуют друг с другом и с извращённой внешней средой. По факту, о самом процессе кристаллизации здесь даётся даже меньше разъяснений по ходу сюжета, чем в тридцатистраничной короткой

истории.

Налицо удивительное чувство схожести между процессом кристаллизации у Балларда и злоторной порчей в «Цвете из иных миров» Лавкрафта. Тождественность ещё более акцентируется в истории Балларда, когда русский агрикультуролог Лысенко проясняет, что «урожайность зерновых культур увеличена вследствие роста волокнистой массы». Дальше — больше: по мере того, как кристаллизация набирает силу в мире Балларда, объекты начинают светиться в темноте, распространяя лунный и звёздный свет, точно так же, как и в случае люминисцентной флоры и фауны мира ГФЛ. Также, существуют странные желания, разделяемые персонажами и Лавкрафта, и Балларда, своего рода безумие, проистекающее от интоксикации, что выражается в том, что инфицированные становятся привязанными к химерическому ландшафту и отказываются покидать его, даже наперекор их собственному гласу разума.

Баллард, подобно Лавкрафту, даёт окончательное объяснение процесса кристаллизации. Он перечисляет такие имена и названия, как эффект Хаббла, синдром Ростова-Лысенко и, что ещё более убедительно, синхроноклазмическую амплификацию Ле Пажа (эта ломающая язык литания терминов представлена исключительно в рассказе, в романе её нет). Отличием от ГФЛ является отсутствие непосредственной причины процесса кристаллизации. Тут нет никаких пришельцев, просто имеют место события, происходящие на расстоянии многих световых лет от Земли, они-то и отражаются в нашем мире. В самом деле, допустимое объяснение, которое даёт группа учёных, стоя у телескопа

Хаббла в «Просветлённом», выражено в том, что странные эффекты «суть не что иное, как отражения отдалённых космических процессов невероятного масштаба и измерений, впервые замеченные в галактике Андромеды». Баллард попросту мог хотеть дотянуться до звёзд, напуская научно-фантастический лоск на астрологию, но эта связь между удалёнными звёздными объектами и Землёй поразительноным образом наводит на положения современной теории квантовой запутанности («жуткий эффект на расстоянии», он же «эффект бабочки»).

Также, говоря о мире Балларда, стоит упомянуть об использовании им изменённого времени как базиса для процесса кристаллизации, возникающего вследствие столкновений частиц «анти-времени» с частицами времени обычного. Существа и растения замедляются, входя в сопряжение с «анти-временным полем», и их замороженные образы расцветают минералами, наславаясь друг на друга, чтобы сформировать окаменелые кристаллы. Тело становится столь кристаллизированным, что удаление кристалла равноценно уничтожению организма. Эти «антивременные» эффекты напоминают ходжсоновское искажение времени в «Доме в Порубежье», хотя и в качестве инверсии: замедленное течение времени делается фактором кристаллизации у Балларда, в то время как у Ходжсона его ускорение обращает всё в прах и пыль. Деструктивная природа альтернативного времени, конечно же, приводит на ум и вышеупомянутую цитату из «Белых Людей» Мейчена про девушку, «отравившую себя — во времени»...

Окончание в следующем номере

Требования к присылаемым рукописям

Общие требования

В настоящее время редакция журнала «Аконит» принимает:

- ❖ *Рассказы* (в приоритете): от 4500 знаков с пробелами до 1 а.л.;
- ❖ *Повести*: до 4 а.л.;
- ❖ *Стихотворения в прозе*: не менее 2000 знаков с пробелами;
- ❖ *Статьи и эссе*, посвящённые проблематике жанра: не менее 5000 знаков с пробелами.

Верхний предел в случае рассказов и повестей может быть изменён в большую сторону (в зависимости от качества рассматриваемого текста).

Текст, до этого размещённый на любом сетевом ресурсе («Самиздат» и т.п.), т.н. «засвеченный текст», имеет равные с «незасвеченным» шансы оказаться на наших страницах. Основной критерий выборки — качество и соответствие тематике. В случае публистики, редакция приветствует уникальные, нигде ранее не выкладывавшиеся тексты.

Совершенно точно не принимаются: синопсисы, наброски, отдельные главы произведений.

Также редакция не работает с откровенно безграмотными текстами.

Жанровые требования

Редакция «Аконита» будет рада видеть на своих страницах произведения следующих жанров и направлений:

- ❖ *Weird fiction* — он же вирд фикшн, он же вирд, он же химерная проза;
- ❖ *Gothic fiction* — готический роман;
- ❖ *Ghost stories* — классические истории о привидениях;
- ❖ *Лавкрафтianский horror*, а также произведения, относящиеся к «мифам Ктулху» (но не рассматриваем явный паразитизм на теме Иннсму-

та и глубоководных; вселенная Мифов настолько многогранна, что использование множеством авторов лишь этих образов отдаёт неуважением к наследию как ГФЛ, так и всех его соратников и последователей, а также — банальным невежеством);

- ❖ *Визионерство* — многоликое, причудливое и атмосферное;
- ❖ *Макабр*;
- ❖ *Мистический декаданс*;
- ❖ *Оккультный детектив*;
- ❖ *Оккультный реализм*.

Редакция не рассматривает произведения жанров *сплаттерпанк* и *экстремальный хоррор*.

Ограничения

На страницах «Аконита» никогда не появятся произведения, содержащие в себе:

- ❖ *Мат* (допускаются крепкие слова в более мягкой форме);
- ❖ *Порнографию* (допускается эротика);
- ❖ *Пропаганду* и антипропаганду любой политической системы, идеологии и социального строя;
- ❖ *Педофилию*, *эфебофилию* (и намёки на них).

Если сюжет не строится вокруг перечисленного, после удаления подобных вещей из текста произведение имеет все шансы оказаться у нас. В противном случае — увы.

Прочее

Присылайте рукописи в формате .doc/.docx; каждую отдельным файлом. Перед текстом рукописи указывайте имя автора (псевдоним; желательно, состоящий из «имени-фамилии»), название произведения и контактную информацию (e-mail). После текста рукописи указывайте год

написания произведения. Шрифт — Times New Roman, размер — 12.

Рукописи следует направлять на нашу почту: aconitum_zine@mail.ru. В теме письма следует указать «В номер».

Редакция не обещает вступать в диалог с каждым автором, приславшим свои произведения; также за ней остаётся право не сообщать о причинах отказа. Однако о приёме/неприёме произведения автор будет оповещён всегда. **Средний** срок рассмотрения рукописей — от двух недель до двух месяцев.

Каждый отобранный для публикации в журнале текст помещается в *вирдохранилище* до востребования. Когда принимается решение о его попадании в один из номеров, редакция связывается с его автором. Потому убедительно просим не публиковать где-то ещё произведение, уже отобранное нами для публикации, по крайней мере, до момента самой публикации.

В следующем номере:

- ◆ Жуткий случай в поезде, движущемся через Восточную Европу;
 - ◆ Рассказ о том, что может случиться с теми, кто пытливо вникает в сущность чисел...
- ...а также многие другие гrotескные, странные и страшные истории.

